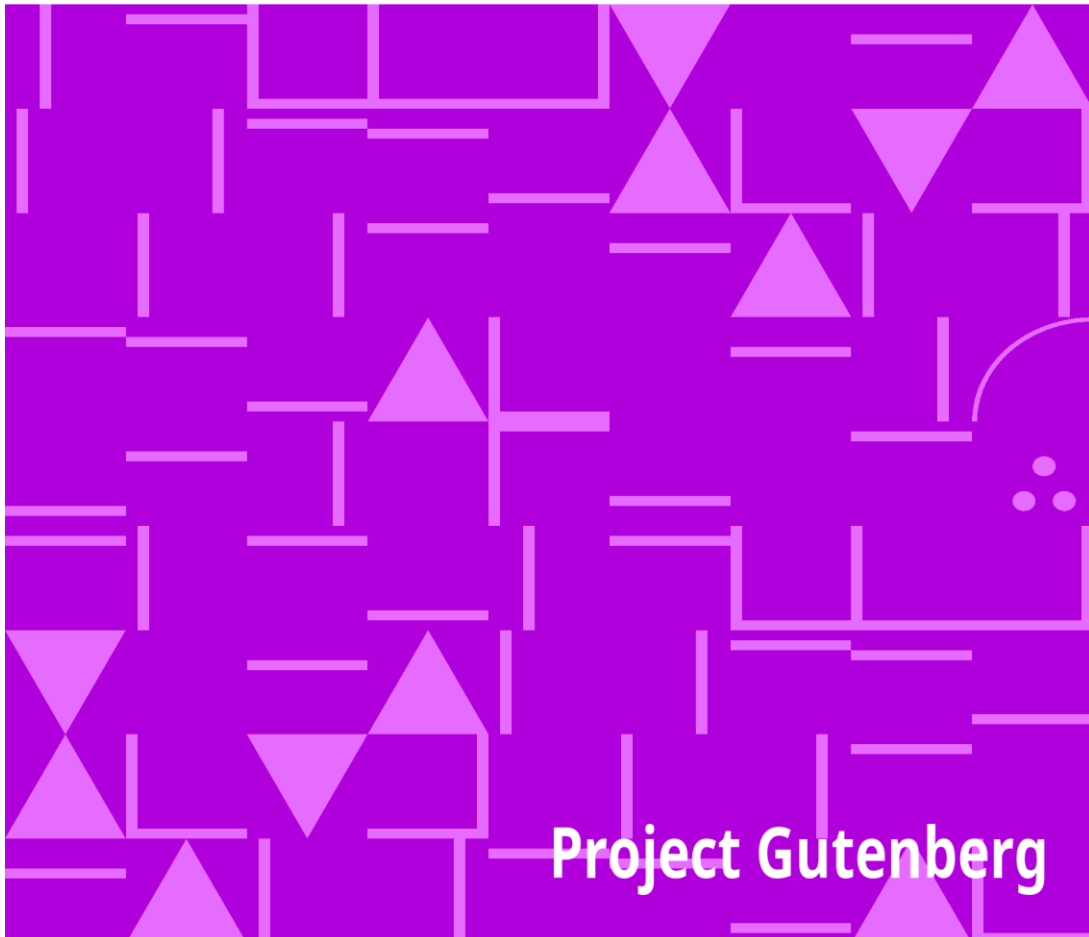

Соборы Белла. Соборная церковь Эксетера
Перси Аддлшоу

Bell's Cathedrals: The Cathedral Church of Exeter

Percy Addleshaw

Содержание

[СОБОРНАЯ ЦЕРКОВЬ ЭКСЕТЕРА](#)

[ОПИСАНИЕ ЕЕ СТРОИТЕЛЬСТВА И КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЕПИСКОПАТА](#)

[С XXXVII](#)

[ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ](#)

[ЛОНДОН G. BELL AND SONS, LTD. 1921](#)

[ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА](#)

[ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ](#)

[СОДЕРЖАНИЕ](#)

[ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)

[ЭКСЕТЕРСКИЙ СОБОР.](#)

[ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ СВ. МАРИИ И СВ. ПЕТРА В ЭКСЕТЕРЕ.](#)

[СТРОИТЕЛЬСТВО СОБОРА. ВНЕШНИЙ ВИД.](#)

[СТРОИТЕЛЬСТВО СОБОРА. ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЙСТВО.](#)

[ПАМЯТНИКИ В НАВЕ](#)

[ГРОБЫ В ХОРЕ И ХОРОВЫХ ПРОХОДАХ.](#)

[ЕПАРХИЯ ЭКСЕТЕРА.](#)

[ЗАМОК РУЖЕМОНТ И ГИЛЬДХОЛЛ.](#)

[РАЗМЕРЫ.](#)

[УКАЗАТЕЛЬ](#)

[Серия «Соборы» Белла](#)

[Справочники Белла по континентальным церквям.](#)

[ЛОНДОН: G. BELL AND SONS, LTD.](#)

[ПЛАН ЕКЗЕТЕРСКОГО СОБОРА](#)

[Сноски.](#)

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

Электронная книга проекта «Гутенберг» «Соборы Белла: Соборная церковь Эксетера»

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, включенной в эту электронную книгу или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Соборы Белла: Соборная церковь Эксетера

Автор: Перси Аддлшоу

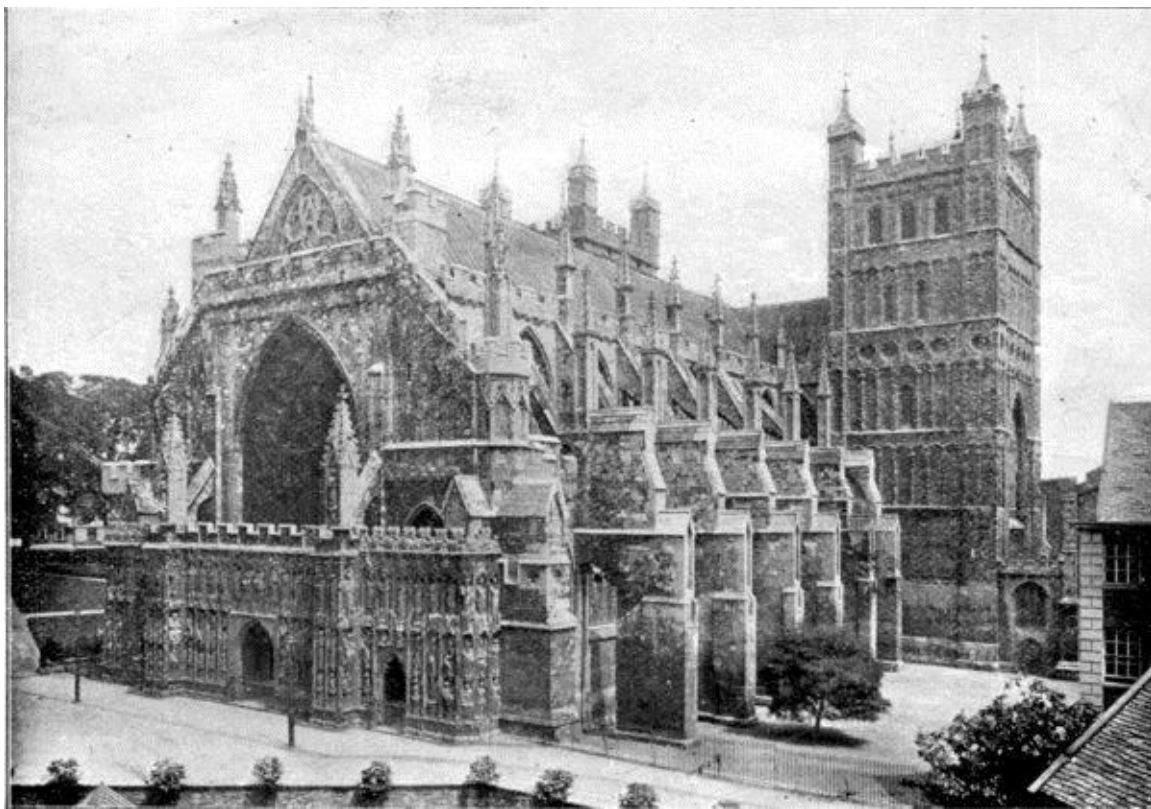
Дата выпуска: 1 октября 2006 г. [электронная книга № 19424]

Язык: английский

Благодарности: Электронный текст подготовлен Джонатаном Ингрэмом, Китом Эдкинсом и командой Project Gutenberg Online Distributed Proofreading Team

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «СОБОРЫ БЕЛЛА: СОБОРНАЯ ЦЕРКОВЬ ЭКСЕТЕРА» ***

Электронный текст подготовлен Джонатаном Ингрэмом, Китом Эдкинсом и командой Project Gutenberg Online Distributed Proofreading Team (<http://www.pgdp.net/>)

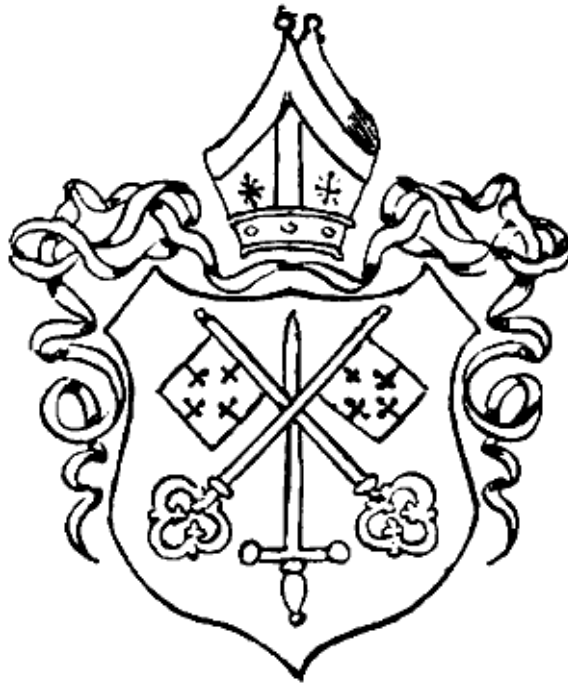
ЭКСЕТЕРСКИЙ СОБОР — С ЮГО-ЗАПАДА.

СОБОРНАЯ ЦЕРКОВЬ ЭКСЕТЕРА

ОПИСАНИЕ ЕГО СТРОИТЕЛЬСТВА И КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЕПИСКОПАТА

ПЕРСИ АДДЛШОУ, Б.А. (Оксфорд)

С XXXVII

ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

ЛОНДОН G. BELL AND SONS, LTD. 1921

Первое издание, январь 1898 г.
Второе издание, переработанное, 1899 г.
Третье издание, 1907 г.
Четвертое издание, 1912 г.
Новое и переработанное издание, 1921 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Среди различных книг, с которыми автор ознакомился, он выражает особую благодарность «The Fabric Rolls»; «Itinerary» Лиланда; «History» Холлера; «Antiquities of Exeter» Изакке; «History and Antiquities of Exeter» Бриттона; «Transactions of Exeter Architectural Society»; «Жизни епископов Эксетера» Оливера; «Справочнику по Эксетеру» Мюррея; «Архитектурной истории собора Эксетера» архидиакона Фримена; «Эксетеру» профессора Фримена (серия «Исторические города»); «Достойным людям Девона» Принса; «Истории Девоншира» Уорта; «Достойным людям Девона» Фуллера; «История Англии» Маколея; и «Краткая история английского народа» Грина. Автор также выражает особую благодарность покойному канонику Хингстону-Рэндольфу, уважаемому редактору Епископальных регистров епархии, за информацию, которая в значительной степени способствовала улучшению второго издания этой книги.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

При переиздании этого справочника, который за двадцать три года во многом устарел, редактор внес значительные изменения в структуру материала, с целью облегчить его использование в качестве путеводителя по различным частям собора. За предложения по этому поводу, а также за многочисленные улучшения и исправления в деталях он особенно благодарен мисс Беатрикс Ф. Крессуэлл, чьи опубликованные работы «Церкви Эксетера», «Заметки о церквях деканата Кена» и «Эдвардианские инвентаризации города и графства Эксетер» сделали ее авторитетом в области экклезиологии епархии.

Э.Б.

Июнь 1921 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<u>ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ СВ. МАРИИ И СВ. ПЕТРА В ЭКСЕТЕРЕ</u>	1
<u>СТРОИТЕЛЬСТВО СОБОРА. ВНЕШНИЙ ВИД</u>	19
<u>Башни</u>	23
<u>Крыша</u>	24
<u>Северный портик</u>	24
<u>Западный фасад</u>	27
<u>СТРОИТЕЛЬСТВО СОБОРОВ. ИНТЕРЬЕР</u>	31
<u>Неф</u>	31
<u>Галерея менестрелей</u>	36
<u>Часовня Святой Радегунды</u>	36
<u>Часовня Святого Эдмунда</u>	39

<u>Памятники в нефе</u>	39
<u>Северный трансепт</u>	43
<u>Часовня Силке</u>	44
<u>Часовня Святого Павла</u>	44
<u>Южный трансепт</u>	44
<u>Памятники в южном трансепте</u>	47
<u>Хоровой экран</u>	48
<u>Орган</u>	52
<u>Хор</u>	52
<u>Хор</u>	55
<u>Алтарная преграда</u>	56
<u>Епископский трон</u>	56
<u>Сидилия</u>	56
<u>Часовня Святого Иакова</u>	59
<u>Часовня Святого Андрея</u>	61
<u>Амбулатория</u>	61
<u>Часовня Слика</u>	63
<u>Часовня епископа Олдхэма</u>	63
<u>Часовня Богородицы</u>	65
<u>Гробница Бронскомба</u>	66
<u>Гробница Стаффорда</u>	66

<u>Могила сэра Джона и леди Додридж</u>	67
<u>Часовня Святого Гавриила</u>	69
<u>Могила Куивила</u>	69
<u>Часовня Святой Марии Магдалины</u>	69
<u>ГРОБНИЦЫ В ХОРЕ И ХОРОВЫХ ПРОХОДАХ</u>	71
<u>КАПИТУЛЬНАЯ ЗАЛА И КЛАВИР</u>	73
<u>КЛУБ И БИБЛИОТЕКА СОБОРА</u>	78
<u>ЕПИСКОПСКИЙ ДВОРЕЦ</u>	79
<u>ЕПАРХИЯ ЭКСЕТЕРА</u>	83
<u>ЗАМОК РУЖЕМОНТ И ГИЛЬДХОЛЛ</u>	91
<u>РАЗМЕРЫ</u>	96
<u>УКАЗАТЕЛЬ</u>	97

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Эксетерский собор — с юго-запада	<i>Фронтиспис</i>
Герб епархии	<i>Название</i>
Вид на собор с юга	xii
Интерьер — капитульный зал	13
Эксетерский собор, с старинной гравюры	21
Собор — с юго-востока	22
Северная башня	25
Западный фасад	26
Порталы западного фасада	29
Неф — с южного трансепта	30
Неф — вид на запад	33
Консоли и розетки	34
Галерея менестрелей	35
Связные пролеты нефа	37
Кафедра «Паттесон»	38
Неф — вид на восток	41
Трансепт — вид на север	45
Интерьер в прошлом веке	49
Хоровой экран	51

<u>Хор — вид на запад</u>	53
<u>Хор до реставрации</u>	54
<u>Хор — вид на восток</u>	57
<u>Сидилия</u>	58
<u>Кафедра в хоре</u>	60
<u>Часовня Святого Иакова</u>	61
<u>Часовня Святого Георгия</u>	62
<u>Часовня Богоматери</u>	64
<u>Памятник епископу Бронскомбу</u>	66
<u>Экран часовни Святого Гавриила</u>	68
<u>Могила епископа Стэплдона</u>	72
<u>Памятник епископу Маршаллу</u>	73
<u>Восточные ворота (снос в 1784 году)</u>	77
<u>Епископский дворец</u>	81
<u>Старые дома на Форе-стрит</u>	90
<u>Замок Ружмон</u>	93
<u>Гилдхолл, Эксетер</u>	94
<u>ПЛАН КАТЕДРАЛЬНОГО СОБОРА</u>	<i>в конце</i>

ЭКСЕТЕРСКИЙ СОБОР, С ЮГА.

ЭКСЕТЕРСКИЙ СОБОР.

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ СВ. МАРИИ И СВ. ПЕТРА В ЭКСЕТЕРЕ.

История любого древнего собора всегда интересна, и собор в Эксете не является исключением, хотя «он не так богат архитектурной историей, как те церкви, характер которых менялся снова и снова». Собор представляет не только духовную, но и активную, трудолюбивую и художественную жизнь прошлых поколений. Епископ также был во многих отношениях главой провинции и нередко сочетал в себе разнообразные качества священника, воина и государственного деятеля. Действия таких церковников были полны значения не только для их собственного города, но часто и для всей нации. Будучи людьми, которые часто путешествовали и глубоко изучали, они привлекали к строительству и украшению своих церквей самых искусных художников и мастеров своего времени; таким образом, история жизни епископов епархии неразрывно связана с историей строительства собора. Повышение до епископского сана обычно означало получение большого богатства — когда Вейси стал епископом, доходы епархии Эксете, по оценкам некоторых авторов, составляли 100 000 фунтов стерлингов; каноник Хингстон-Рэндольф, опираясь на более веские основания и авторитетные источники, оценивает их в 30 000 фунтов стерлингов — и большая часть этих денег тратилась на работы, связанные с главной церковью епархии. Поэтому неудивительно, что эта щедрость в сочетании с удивительным мастерством и

вкусом делает наши старинные соборы предметом отчаяния и зависти современных архитекторов. И с чувством благоговения вспоминаешь историю тех, кто построил в центре каждого густонаселенного города «серые утесы из одинокого камня посреди парящих птиц и тихого воздуха».

История Эксете́ра представляет особый интерес, а его церковь, как мы увидим, во многих отношениях не имеет себе равных. Тот факт, что здание такой великолепной красоты украшает город, расположенный в таком месте, примечателен; ведь долгое время после того, как, как мы читаем у Маколея, еженедельные почтовые отправления покидали Лондон в разные части Англии, Эксетер все еще находился, так сказать, на границе едва исследованных территорий и был самой западной точкой, до которой доставлялись письма из столицы. Фуллер так описывает графство Девоншир в свое время (1646): «Девоншир граничит с узким морем на юге, рекой Северн на севере, Корнуоллом на западе, Дорсетом и Сомерсетширом на востоке. Это прекрасная провинция, вторая по величине в Англии, простирающаяся на 50 миль в квадрате. Некоторые ее части, такие как Южный Хэмс, настолько плодородны, что не нуждаются в искусстве, но в целом (хотя и не самопроизвольно) она отвечает стимулам промышленности. Ни одно графство не может похвастаться большим трудолюбием или таким количеством земледельцев, которые с помощью мергеля (синего и белого), мела, извести, морского песка, компоста, золы, тряпок и прочего делают землю плодородной и поддерживают ее плодородие, так что Вергилий, будь он жив, мог бы дополнить свои «Георгики» описанием земледелия в этом графстве. Что касается местных жителей, то в целом они ловки в любой работе, и королева Елизавета обычно говорила о дворянах: *«Все они родились придворными с присущей им уверенностью»*.

Город Эксетер имеет древнюю историю. «Иска Дамнониорум, Каэр Уайз, Эксансестер, Эксетер, сохранивший практически одно и то же название при всех изменениях, выделяется как один из великих городов, который более ярко, чем любой другой, сохранил свое непрерывное существование и свое непрерывное положение на протяжении всех веков». Но хотя Уитакер утверждает, что в середине V века он был резиденцией епископа, профессор Фриман, обладающий большим авторитетом, заявляет, что город стал епископской резиденцией только во второй половине XI века, когда епископские престолы были перенесены из маленьких городов в большие. До 703 года н. э. Девоншир входил в состав обширной епархии Уэссекса. Около 900 года н. э. епархия Девона и Корнуолла была разделена на две части — первая с епископской кафедрой в Кредитоне — только для того, чтобы вновь объединиться сто пятьдесят лет спустя, когда епископом был назначен Леофрик.

Первое упоминание о церкви, посвященной святым Марии и Петру в Эксете́ре, относится к аббатской церкви, основанной Этельстаном (). Однако Свен (Sweyn) разрушил ее семьдесят лет спустя, и, по-видимому, до своего разрушения она часто подвергалась нападениям со стороны захватчиков. Но в 1019 году Канут основал новую церковь и подтвердил хартией земли и привилегии монахов. Это здание, должно быть, было довольно внушительным, поскольку в 1050 году оно было передано Леофрику для его соборной церкви. Оно занимало место нынешней часовни Богородицы. Когда Варелваст и Маршалл построили свою нормандскую церковь, они разместили ее к востоку от старой церкви, оставив между ними промежуток. Их неф занимал место нынешнего нефа, башни трансепта были такими же, но хор был короче и, вероятно, заканчивался апсидой, по бокам которой находились меньшие апсиды на концах хорных проходов. Следы одной из них были найдены в конце третьего пролета северного прохода хора. Бронскомб и Куивил (см. стр. 5) начали свою

реконструкцию с этого конца и, добавив деамбулаторий и часовню Богоматери, соединили места старой и новой церквей.

С епископством Леофрика Эксетер впервые приобретает статус города-собора. Епархии Девона и Корнуолла были объединены Лифингом, последним епископом Кредитона. Но Кредитон, неукрепленная «деревня», был легкой добычей для ирландцев, датчан и других пиратов, которые время от времени опустошали епархию. Леофрик почувствовал острую необходимость в переменах и выбрал укрепленный город Эксетер в качестве своего епископского города. Он послал к папе Франциску II () своего секретаря с просьбой написать королю письмо с рекомендацией об этом изменении. Король с готовностью согласился, и церковь Святой Марии и Святого Петра была передана епископу в качестве его собора. Это событие явно считалось весьма важным, поскольку во время его интронизации Эдуард Исповедник «поддерживал его правую руку, а королева Эдгита — левую». Архиепископы, епископы и дворяне также присутствовали на церемонии. Леофрик оказался трудолюбивым и мудрым прелатом и щедро дарил своей церкви земли и деньги. Он обнаружил, что она была плохо обставлена, а в гардеробе находилось только «одно бесполезное священническое одеяние». Он также упомянул ее в своем завещании, и великий «*Liber Exoniensis*» был его подарком.

Но если история епархии началась с Леофрика, то история собора началась с назначения в 1107 году епископом Варелваста. Этот замечательный человек был племянником Завоевателя и капелланом как Вильгельма II, так и Генриха I. Унаследовав в полной мере нормандскую страсть к строительству, он снес саксонское здание и начал возводить на его месте великий нормандский собор. Трансептные башни свидетельствуют о великолепии его замысла. Нигде больше нет ничего подобного, хотя в Барселоне и Шалон-сюр-Марне можно увидеть нечто похожее. Но их достаточно, чтобы закрепить за ним звание архитектора исключительного гения. Он усердно трудился и в других делах, основав в Плимптоне богатое августинское аббатство; он также представлял короля в Риме в его знаменитой ссоре с Ансельмом. Говорят, что он ослеп и умер в старости в своем аббатстве в Плимптоне.

Следующая важная дата, на которую следует обратить внимание, — 1194 год, когда Генри Маршалл, брат Уолтера графа Маршалла, был назначен епископом. В течение двух лет епископский престол оставался пустым, поскольку король отсутствовал в Англии, находясь в Святой Земле. Но с назначением Маршалла был достигнут важнейший этап. Король Джон передал епископству десятину от добычи олова в Девоншире и Корнуолле. Это, должно быть, значительно увеличило доходы епископа, поскольку Маршалл быстро приступил к завершению работы, начатой Уорлвастом сто лет назад. С этой целью он передал доходы церкви Св. Эрта, расположенной недалеко от Хейла в Корнуолле, для покрытия расходов на ремонт. Он также призвал каждого домовладельца проявить свой интерес к этой работе, подписавшись на Пятидесятницу на пожертвование «*unum obolum ad minim*». Для достаточного вознаграждения хористов он передал им церковь Св. Свитуна в Вудбери «со всеми принадлежностями».

Маршаллу мы обязаны обширными пристройками к нефу, северному крыльцу и входному проему в клуатр. Он завершил строительство нормандской церкви, начатое Варелвастом, но нет никаких свидетельств того, что он распространился на восток, как иногда утверждается. Расположение гробницы на "месте основателя" с северной стороны хоров указывает на то, что она заканчивалась всего в нескольких ярдах дальше к востоку. Дальше, должно быть, было открытое пространство между нормандским и старым саксонским соборами.

За почти пятьдесят лет сохранились лишь скудные записи о работах, выполненных в этом здании. Хотя профессор Фримен [1](#) говорит о ее "недолговечном совершенстве", вполне возможно, что работа Маршалла считалась его собственным и последующим поколением окончательной. Любопытный интерес, который может быть к жизни двух последующих епископов до избрания Бронскомба в 1257 году, по большей части обусловлен их трудами в других вопросах. Например, при Симоне де Апулии город Эксетер был разделен на приходы, а Уильямом Бруэром были достроены здание капитула и партер старого хора. Он был одним из предводителей английской армии при Акко в 1228 году. Он также основал деканат Эксетера.

Но с приходом Уолтера Бронскомба начинается новая карьера энергичного архитектора. Наступает тот чудесный период преобразований, в конце которого церковь оставалась практически такой, какой мы ее сейчас знаем. По поводу характера Бронскомба разгорелся довольно ожесточенный спор. Несомненно, его обвиняли в коварстве и подлости. Но Уильям Вустерский, свидетельство которого ценно, назвал его Уолтером ле Гуд. Какова бы ни была истинная суть дела, из него, по-видимому, получился замечательный епископ, и его избрание в значительной степени свидетельствует о проницательности тех, кто в этом замешан. Ибо на первый взгляд у него, конечно, не было особых оснований рекомендовать его на столь важный пост. Хотя на момент своего назначения он был архидьяконом Суррея, он не был священником и был довольно молодым человеком. Он был энергичным сторонником образования во всей епархии, вероятно, из-за своего стремления дать другим людям скромного происхождения справедливый шанс проложить свой путь в мире. Он восстановил колледж Кредитона и построил еще один в Гласени. Бронскомбу можно приписать то, что он дал первый толчок к реконструкции собора своими работами в часовне Богоматери и часовнях по обе стороны от нее, а именно часовне Святой Марии Магдалины на севере и часовне Святого Гавриила на юге, причем последняя предназначалась для его собственной могилы. Своему декану и капитулу он передал церковь Святого Бруарета в Корнуолле, чтобы достойно отмечать праздник его святого покровителя Гавриила.

Питер Квивил, его преемник на престоле, вероятно, работал с ним, поскольку он был каноником собора до возведения в епископство. Он изобрел и спроектировал Украшенный собор и преобразовал трансепты. Он должен быть причислен к Warelwast как глава епископов-строителей. По мере того как его работу с восхищением и сочувствием продолжали те, кто последовал за ним, их притязания на наше признание и благодарность уменьшаются. Его мастерство, похоже, также почти сравнялось с его щедростью, поскольку из благодарности Капитул пообещал поддерживать его ежегодный некролог. Во время службы, в память об умерших, было приказано произнести его имя *primum et praecipium*. Похоже, он дал францисканцам какой-то повод для гнева; предполагается, что его доминиканский духовник убеждал его сурово обращаться с последователями святого Франциска. Как бы то ни было, обиженные отомстили, ибо смерть епископа, случившаяся накануне дня святого Франциска "после употребления некоего сиропа", в народе приписывалась прямому вмешательству самого святого. Он похоронен в часовне Богоматери, которую он преобразил и украсил с такой нежной заботой, и плита в центре тротуара с надписью "Петра тегит Петрум нигил официат сибид тетрум" посвящена его памяти.

Каноником Хингстон-Рэндольфом было установлено, что епископ Квивил был первым, кто обеспечил должность чаунтера соответствующим жалованьем, и что первым, кто воспользовался этим преимуществом, был Уолтер де Лечелад, хотя он ни в коем случае не был первым чаунтером или регентом. Таким образом, спор, долгое время волновавший

антикваров, был улажен. Ибо одни утверждали, что Джон Чаунтер был первым, занявшим этот пост, другие - что Куивил основал этот пост и что на самом деле епископа звали Джон Каунтор. Но объяснение, что стипендия была увеличена только Квивилом и что она существовала до него, было, как мы можем надеяться, полностью удовлетворительным для сторонников конкурирующих теорий. Вышеупомнутый Уолтер Лехлад был убит "около двух часов ночи", когда возвращался с заутрени в монастырском соборе. Убийцы сбежали через южные ворота города, которые были оставлены открытыми. Это вызвало необычайную сенсацию не только в Эксетере, но и по всей Англии. Епископ пригласил Эдуарда I и его королеву отпраздновать Рождество во дворце. Нам говорят, что "они были очень усердны в поимке убийц". В конце концов Альфред Дюпон, бывший мэр и привратник южных ворот, был признан виновным и соответственно казнен. Возможно, если бы должность чаунтера не была выделена, Уолтер Лечлейд, возможно, продолжал бы еще долгие годы напевать звучным голосом "заутреню, вечерню, некрологи и тому подобное". В любом случае эту историю стоит рассказать, поскольку она представляет собой интересную картину нравов средневековья. Это изложено со многими интересными подробностями в приложении каноника Хингстона-Рэндольфа к его изданию "Реестра епископа Квивила" (стр. 438).

Преемником Квивила стал Томас Де Байтон, декан Уэллсского университета. Под его руководством была добросовестно продолжена работа по преобразованию, запланированная его предшественником, поскольку он неукоснительно придерживался первоначального дизайна. Хотя Байтон, по-видимому, был менее активен за пределами своей епархии, чем многие епископы Эксетера, его образ жизни, должно быть, понравился широкому кругу лиц. Дарованная на сорок дней индульгенция была наградой всем тем, кто пользовался его духовным служением или возносил молитвы о его процветании при жизни и после смерти. Среди подписей, приложенных к документу, уведомляющему об этой исключительной привилегии, есть подписи многочисленных архиепископов и епископатов, в том числе архиепископов Козенсы и Иерусалима, а также Манфреда, епископа собора Святого Марка в Венеции. "Герб Манфреда, - говорит доктор Оливер, - совершенен; он стоит в мантии с вышивкой на альбе. Посох просто изогнут. Его легенда - S. MANFREDI. DEI. GRA. EPISCOP. SCI. MARCHI." Это было датировано в Риме 1300 годом. Возможно, высокая образованность Байттона, благодаря которой он дослужился до профессора канонического права в Оксфорде и папского капеллана, отчасти была причиной столь заметного комплимента. Но мы можем надеяться, что благородная работа, которую он выполнял в кафедральном соборе своей епархии, имела немалое отношение к оказанной чести. Ибо ему мы обязаны полным преобразованием хора с его нефами. Труды Байттона были действительно очень велики. Мы слышим о большом количестве камня, добытого в Барли, и песчаника из Солкомба и Бранскомба. Он также вставил в окна большое количество витражного стекла; так что на одиннадцатый год его епископства зафиксирована следующая запись: "Мастеру Уолтеру ле Верруэру за новую работу по установке стекол верхнего фронтона и восьми верхних окон, а также шести окон в проходах, брутто, £ 4 0шекелей". В 1308 году Байтону наследовал Уолтер де Стэплдон, самый известный из всех епископов Эксетера. Будучи младшим сыном сэра Ричарда Стэплдона из Эннери, его назначение стало первым в череде аристократических назначений. Он тоже был профессором канонического права в Оксфорде, был капелланом папы римского и регентом кафедрального собора Эксетера. Пир, устроенный после его восшествия на престол, был необычайно пышным, доходы за целый год были потрачены на празднества. Создается впечатление, что, сознавая свои великие таланты, он решил ознаменовать свое вступление в епископский сан каким-нибудь событием необычайного великолепия. Следует помнить, что

Эксетер в то время был одной из крупнейших и богатейших епархий Англии. Как отметил профессор Фримен, "Епископ Эксетерский, как и архиепископ Йоркский, был духовным главой отдельного народа". Стэплдон энергично приступил к ускорению работ по приведению собора в Надлежащий стиль оформления. В рулонах ткани записано, что он сам пожертвовал (на тот момент) огромную сумму в 1800 фунтов стерлингов на покрытие расходов. Его щедрость побудила других щедро перечислять средства в фонд строительства. Одной из его первых обязанностей было достроить хор, и Уильяму Кэнону было выплачено 35 фунтов стерлингов 2с. 8д. за "мрамор из Корфа для колонн". Но хор на самом деле принадлежал Байттону, новому епископу оставалось лишь внести в него "несколько заключительных, хотя и немаловажных штрихов". Тем не менее у него нашлось много работы, на которую можно было бы наложить отпечаток его единоличной инициативы. Он спроектировал и достроил трифориевую галерею над сводами хора и руководил покраской свода хора, общие расходы на масло и краски оцениваются в 19 *фунтов стерлингов. 7 г.* Этими "последними штрихами" было завершено преобразование хора в стиле Декора. Но Стэплдон решил еще больше обогатить свою и без того прекрасную церковь аксессуарами непревзойденного великолепия. Он воздвиг высокий алтарь из серебра, а также прекрасную седилию, и хотя по этому поводу было много споров, более заслуживающие доверия авторитеты приписывают ему епископский трон из резного дерева. Во всяком случае, в 1312 году взимается плата в размере 6 12*фунтов стерлингов. 8½д.* за "древесину для епископского престола". Алтарь, к сожалению, исчез, но считается, что он обошелся в сумму, эквивалентную 7000 фунтов стерлингов наших денег. Каноник Фримен так описывает это: "Наверху, как и должно было показаться (поскольку записи очень неясны), находился навес значительной протяженности, выполненный с выступами внутри. Все это, кажется, было увенчано фигурой нашего Господа". Для Стейплдона строительство, по-видимому, было любимым развлечением; ибо, хотя он отдавал большую часть времени и денег работе над собором, он нашел возможность построить и одарить Хартс-холл, Стейплдон Инн — ныне Эксетер—колледж-Оксфорд, и "очень красивый" Эссекс-хаус в Лондоне. В 1320 году Эдуард II назначил его лордом-верховным казначеем, а позже в том же году получил от своего суверена право подавать иски о "шумихе" в отношении земель, доходных домов и сборов епископства в графстве Корнуолл. Запущенное состояние многих приходских церквей в его епархии огорчало его, и едва ли не последнее его публичное выступление на западе Англии было в Лоухиттоне, где он сурово высказался по этому поводу своему декану и Капитулу и попросил их позаботиться о том, чтобы в будущем не было веских причин для жалоб. Осенью 1324 года он отправился во Францию, сопровождая юного принца Эдуарда, который собирался принести дань уважения французскому королю от имени герцогств Аквитания и Пуату. Но его "безукоризненная честность" сделала его непопулярным, и его жизнь оказалась под угрозой. По возвращении в Англию он увидел, что надвигается кризис, и почти сразу после его прибытия королева Элеонора высадилась на побережье Саффолка. Эдуард II в краткий момент мудрости передал верному епископу управление Лондоном и отступил в Бристоль. Но было слишком поздно добиваться примирения или предотвращать катастрофу. Твердой рукой Стэплдон попытался восстановить порядок и тишину и издал указ, по которому все мятежники были отлучены от церкви. Но горожане, возможно, мудро поступив, встали на сторону завоевателей, и епископ принял мученическую смерть, выполняя свой долг. Эта история хорошо рассказана во французских хрониках, цитируемых доктором Оливером. "Епископ Эксетерский, направляясь на ужин в свою гостиницу на Элдинес-лейн, столкнулся с толпой и, услышав, как они кричат "Предатель", быстро поскакал к собору Святого Павла в поисках убежища, но был выбит из седла, доставлен в Чипсайд, раздет и обезглавлен. Около часа вечера, в тот же день, 15 октября, хор собора Святого Павла поднял обезглавленное тело прелата и передал его в собор Святого Павла, но,

получив сообщение о том, что он умер по приговору суда, тело было доставлено в собор Святого Климента за пределами Темпла, но было выброшено; так что обнаженный труп, прикрытый тряпкой, подаренной благотворительной женщиной, был положен на месте, называемом "Церковь Святого Лавра", и без всякой могилы лежал там с телами двух его оруженосцев, без должности священника или клерка. На его дом напали, ворота сожгли, разграбили множество драгоценностей и посуды".

В другом отчете о его смерти говорится, что его голова была "насажена на длинный шест в качестве трофея, чтобы она могла стать для всех зрителей вечным напоминанием о его покушении на преступление". Была личная причина, по которой епископ был непопулярен среди горожан, поскольку "он добился, чтобы судьи в Эйре заседали в Лондоне; в этом случае, поскольку граждане совершили различные правонарушения, они были сурово наказаны потерей своих свобод, денежными выплатами и физическим наказанием, как они того заслуживали". Но королева распорядилась, чтобы его тело было спасено из "гробницы рубиша", и оно было перевезено в Эксетер, где оно лежит на северной стороне хора. Он оставил после себя большие суммы денег и драгоценности, ценную библиотеку и уникальную вещь - девяносто одно кольцо. Он, безусловно, был одним из величайших прелатов в английской истории, и хотя он, возможно, был, как утверждали его недоброжелатели, "фумифицированным и безжалостным", его почитали в своей епархии, и он оставил пример мужества и честности последующим поколениям. Его душеприказчики, движимые желанием сделать то, чего бы он пожелал, распределили 210 фунтов стерлингов 8с. 8д. на благотворительные цели и выделили значительные суммы на другие достойные цели. И аббат Хартленда распорядился торжественно отметить 15 октября из благодарности за щедрость покойного епископа и постановил, что в этот день "на все будущие времена" *XIII. pauperes in aulâ abbatis, pro ipsius anima, pascantur.*"

Следовать за таким грозным прелатом, как Стэплдон, должно быть, было чрезвычайно трудной задачей. Но Грандиссона, который был назначен после окончания короткого епископства в Беркли, иногда называют самым великолепным прелатом, когда-либо занимавшим этот престол. Он был назначен непосредственно папой римским и освящен его святейшеством в Авиньоне. Его главная слава заключается в том, что он ни в коей мере не позволил умалить великолепие престола и сохранил стэплдонские традиции княжеского гостеприимства и доброжелательности. Его репутация "серьезного, мудрого политика", похоже, была справедливо заслужена. Как потомок великого герцогского дома Бургундии, он много жил с принцами и занимал должность нунция "при дворах всех самых могущественных принцев христианского мира". Его избрание было проведено в прямом противоречии с пожеланиями каноников Эксетера, но был сделан мудрый выбор, и за время своего сорокалетнего епископства он завоевал честь для себя и удачу для своего народа. Поначалу ему пришлось столкнуться со многими трудностями, которые вполне могли бы привести в ужас более слабого человека. Трагическая смерть Стэплдона повергла в ужас всех людей, великая работа этого гигантского интеллекта оставалась незавершенной, и требовалась исключительная энергия, чтобы завершить ее должным образом. Вдобавок к этим трудностям епископальные поместья были разграблены, а счета ужасно запутаны. Грандиссон, к счастью, был человеком, который смотрел на трудности как на вещи, которые необходимо преодолеть. Он обратился за средствами к членам своей семьи, и переговоры ведутся с его семьей, а затем и со всей епархией в целом. Переговоры интересны, поскольку заемщик - единственный человек, который сохранил свое достоинство в неприкосновенности. С вежливым упорством и подобающей случаю демонстрацией гнева он достал все, в чем нуждался. С неукротимой энергией он сумел привести в идеальный

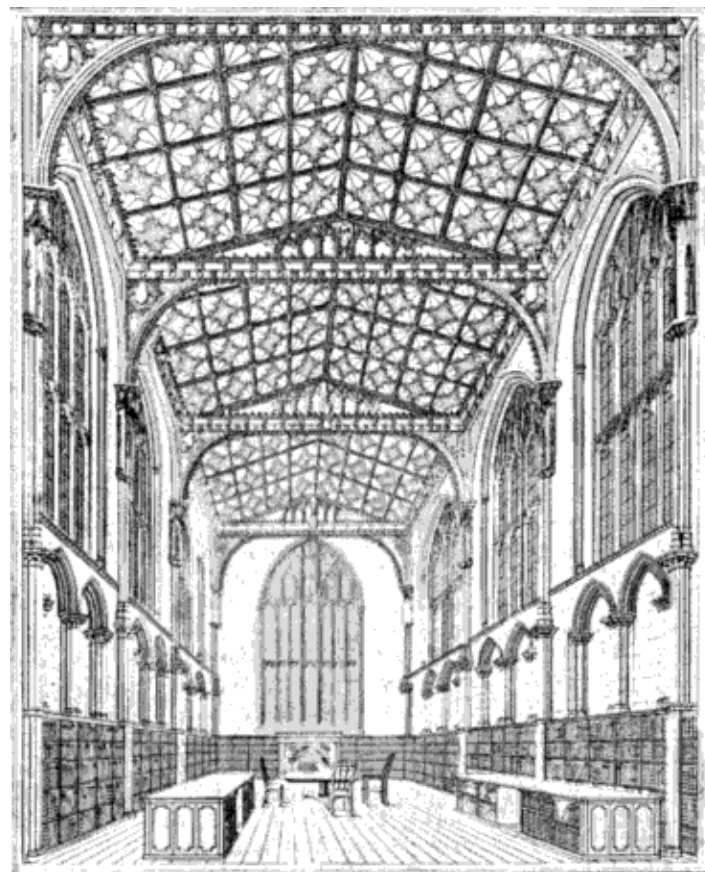
порядок запутанные дела своей епархии. С энтузиазмом приступив к завершению строительства своей церкви, он преобразил шесть западных пролетов нефа, своды, проходы, западное окно и северную галерею. В духовных и мирских делах он был одинаково занят. По крайней мере, дважды он принимал членов королевской семьи, однажды Черный принц посетил свою епархию вместе с плененным королем Франции. Тот же прославленный воин незадолго до своей смерти снова воспользовался гостеприимством епископа.

В 1343 году Грандиссон был отправлен послом в Рим, и здравый смысл, который он проявил в Эксетере, был столь же очевиден при выполнении его миссии, так что о нем было написано, что "он исполнил свое послание с большой мудростью и честью". Конечно, немногие епископы имели столь возвышенное представление о достоинстве и важности епископского сана, и никто никогда не осмеливался более отважно бороться за свои воображаемые права. Когда архиепископ Мефам решил нанести личный визит, гнев Грандиссона разгорелся еще больше. Собрав вокруг себя отряд вооруженных слуг, он встретил архиепископа у северо-западных ворот замка. Мог возникнуть кровавый конфликт, поскольку ни один из прелатов, скорее всего, не уступит. К счастью, здравый смысл возобладал, и ссора была передана папе. Его святейшество приняло решение в пользу Грандиссона, и "этот спор наполовину разбил сердце Мефама, а папа, встав на сторону епископа Эксетерского, разбил другую половину". Так пишет Фуллер, и это странное предложение не лишено авторитета, поскольку архиепископ умер вскоре после прекращения ссоры.

Грандиссон упомянул о своем соборе в своем завещании. Он завещал своим преемникам свой посох и митру, а епархии - 2000 марок. На его похоронах, в соответствии с его указаниями, сто бедняков были одеты, а деньги распределены между заключенными и больными. Он также помнил о нуждах беднейшего духовенства и больниц, обращаясь к папе Урбану и Эдуарду III. Он оставил великолепное наследие. Его похороны, как и его жизнь, были простыми и экономичными. Ибо его великолепные подарки, его великолепные работы по устройству его церкви стали возможными благодаря его собственному простому, почти экономному образу жизни. Он был похоронен в часовне Святой Радегунды, но гробница была разрушена во времена Елизаветы Петровны, и его прах покоится "никто не знает, где".

Брэнтингэм, следующий епископ, достроил клуатры, восточное окно и западный фасад. Но, как сказал каноник Фримен, "остальные работы этого и следующего столетий представляют собой не что иное, как мелкие реставрации; конечно, в более позднем и неполноценном стиле и, как правило, в ущерб зданию". Но в истории церкви и престола все еще есть многое, заслуживающее беглого упоминания. При Брэнтингеме старая вражда, с которой Грандиссон покончил так удачно для себя, началась снова. Но на этот раз победа была на стороне архиепископа. В Топшеме, деревне недалеко от города, слуги епископа жестоко напали на архиепископского мандатария. Полные рвения к чести, как они это понимали, своего собственного прелата, они заставили несчастное создание съесть предписание и печать архиепископа. Но трапеза из пергамента и воска ни в коей мере не разрешила спор. Делу епископа, действительно, был нанесен непоправимый ущерб, король был в ярости, апелляция к папе римскому не увенчалась успехом, и Брэнтингэму пришлось полностью подчиниться оскорбленному примасу. Отныне никто не возражал против права архиепископа на посещение. Если бы епископом во времена Мефама был кто-то другой, а не Грандиссон, спор, вероятно, никогда бы не возник; ибо архиепископ, несомненно, всего лишь осуществлял свои права, такие посещения были в соответствии с канонами и древним обычаем.

Следующий епископ, чей епископат важен, - Лейси, который застеклил окна нефа и возвел здание капитула. Он также имеет уникальное право на наше уважение из-за своего святого характера. До сих пор ни один святой не сделал собор почитаемым, и сентиментальной привязанности и пользы, которые обычно приносили святые реликвии, все еще не хватало. Говорят, что Искан ухитрился раздобыть несколько реликвий Бекета для своего собора, но местного святого не нашлось, и это пожелание было удовлетворено Лейси. И все же дни его епископства ни в коем случае не были абсолютно спокойными. В самый момент своего вступления на престол он ввязался в спор с городской корпорацией относительно свобод своего собора. И при этом он, хотя и был кроток и свят, вовсе не был склонен мириться с любым посягательством на его прерогативы, даже если преступник носил корону. Действительно, он наиболее успешно протестовал против поведения Генриха VI, который проводил тюремную доставку в епископском зале. Двое мужчин были приговорены к смертной казни, но епископ так решительно протестовал против такого использования мирской власти в пределах святыни, что они были освобождены. Как автор Лейси приобрела значительную репутацию. Его "Liber Pontificalis" сохранился до сих пор, его должность в честь Архангела Рафаэля вызывала восхищение и использовалась во многих соборах и церквях. Когда он умер, у его могилы совершались чудеса, и простые люди постоянно совершали к ней паломничества.

ДОМ КАПИТУЛА (ИЗ РОМАНА БРИТТОН "ЭКСЕТЕР", 1826).

С этого времени архитектурная история собора становится менее важной. Таким образом, можно суммировать его великие периоды: с 1107 по 1206 год Уорелваст и Маршалл построили нормандскую церковь; с 1257 по 1280 год Бронскомб и Квивил приступили к отделке; с 1292 по 1308 год Байтон и Стэплдон завершили восточную часть; с 1327 по 1369 год Грандиссон и Брантингэм завершили неф, западный фасад и клуатр. Пятое и последнее изменение - введение перпендикулярной работы, особенно заметной в здании капитула, западной перегородке и большом восточном окне. День великих строителей быстро шел на убыль. Старая вера, которая вдохновляла их, приходила в упадок, национальные интересы были слишком велики для местных усилий. Более того, желание создать замысловато красивое, достаточно правильное само по себе, исказило, как это и должно было случиться, вкус архитектора и строителя. Старые нормандские соборы, какими бы грубыми они ни были, производили впечатление своей строгой и простой мощью. Стремление к украшению повлияло на различные преобразования, которые поначалу сделали здание более красивым, но не менее прочным. Но постепенно простота и прочность полностью исчезают. К счастью, как мы увидим, великая церковь Святой Марии и Святого Петра пострадала меньше, чем большинство зданий, претерпевших так много изменений. "Как бы то ни было, церковь Эксетера представляет собой замечательный пример того, как один общий проект осуществлялся более ста лет". Церковь - это проект Квивила, и вариации, хотя и важны, серьезно не отвлекают от него.

События следующих пяти сот лет относятся скорее к истории престола и даже Англии, чем к церкви. При избрании Джорджа Невилла (1458) мы замечаем огромное значение, придаваемое благородному происхождению. Можно утверждать, что только одна другая причина имеет значение для тех, кто ответственен за выбор. И эта причина настолько

нелепа, что кажется почти невероятной. Тем не менее, она, несомненно, имела большое отношение к избранию Невилла епископом. Он был не только братом великого графа Уорика, но и рано продемонстрировал свое намерение поддерживать почти королевские традиции своей семьи. Вот отчет о празднествах, которые состоялись в Оксфорде после того, как он выполнил "свои упражнения в нефе церкви Святой Марии, как это принято сейчас и было раньше для сыновей дворянина". "В течение двух дней было устроено такое развлечение, что воспоминание о том, что человек сейчас не в состоянии произвести, я счел стоящим того, чтобы его запомнить. Таким образом, в первый день было приготовлено 600 порций мяса, а во второй - 300 для развлечения только ученых и некоторых Участников процесса, родственников и знакомых". Более поздний оксфордский историк утверждает, что Невилл был избран ректором уже на следующий год "признательным университетом"! Поэтому вовсе не маловероятно, что это проявление гостеприимства имело какое-то отношение к тому, что он был избран епископом как достойный преемник на посту, который когда-то занимал Грандиссон. В течение четырех лет после своего избрания он не мог из-за своей молодости быть рукоположенным. Но в результате одного из тех церковных скандалов, которые, по-видимому, не раздражали и не удивляли его современников, ему было позволено наслаждаться светскими удовольствиями престола. В возрасте двадцати семи лет он был полностью рукоположен в епископа, а несколько лет спустя был переведен в Йорк. Во время епископства его преемника Боте город был осажден Перкином Уорбеком. В 1495 году Оливер Кинг, избранный в 1492 году, был переведен на престол Бата и Уэллса, и ему принадлежит перестройка церкви аббатства Бат, которая тогда была разрушена.

С 1504 по 1519 год Олдхэм, уроженец Ланкашира, был епископом. Он построил часовни Олдхэм и Спик.

Сменивший его Вейзи жил во времена правления Генриха VIII. Его придворные манеры сделали его популярным. В дополнение к своей богатой церковной должности он стал лордом-президентом Уэльса и наставником принцессы Марии. Он основал город Саттон Коулсхилл, ныне Саттон Колдфилд, и внедрил там изготовление керси. На это предприятие он потратил большую часть своего состояния. При восшествии на престол Эдуарда VI. его оставили в покое, хотя и подозревали в предпочтении старой религии. Но когда восстание в пользу нереформированной церкви охватило западные графства, его обвинили в участии в движении, и он сложил свои полномочия. Но он сохранил временные полномочия и после восшествия на престол Марии был восстановлен. Но ему было почти 103 года, и вскоре после этого он умер в своем городе Саттон-Коулсхилл в 1555 году.

Майлз Ковердейл, переводчик Библии вместе с Тиндейлом, его преемник, был епископом всего два года. Он был непопулярен, хотя его жизнь была "в высшей степени благочестивой" и добродетельной. Но "простые люди, - говорит Хокер, - в бутылки которых не попадало молодое вино, не могли вынести или переварить его ни по какой другой причине, кроме как потому, что он был проповедником Евангелия, врагом папизма и женатым человеком". Эту неприязнь легко объяснить. Эксетер находился очень далеко от Лондона, новые идеи распространялись медленно, а запад был стойко консервативен. Как и у многих реформаторов, его рвение было омрачено неосмотрительностью; суровость пуританина препятствовала его успеху, и люди предпочитали, чтобы старые ошибки получали все более широкую поддержку. Его преемник, Тюрбервиль, был человеком, пришедшим по сердцу народу, и он заслужил похвалу как протестантов, так и католиков.

Ему наследовал Уильям Аллейн, и в результате расточительности Вейси и жадности Генриха можно заметить, что королевской хартией количество каноников было ограничено девятью.

В 1627 году престол занял Джозеф Холл, человек очень выдающийся. Будучи слишком миролюбивым, чтобы сильно интересоваться политикой Лауда, он написал справедливо известную "Защиту Англиканской церкви и ее доктрин". После своего перевода в Норвич он подвергся жестоким преследованиям, о которых он сам рассказывал, и в течение шести месяцев был узником Тауэра. Он похоронен в приходской церкви Хайама, его памятник представляет собой скелет, держащий "в правой руке смертный приговор, скрепленный печатью и подписью "Debemus morti nos nostrique", а в левой - разорванный и аннулированный такой же залог с надписью "Persolvit et quietus est". Фуллер говорит о знаменитом сатирике, что он "не был несчастлив в спорах, больше радовался комментариям, был очень хорош в своих персонажах, лучше в своих проповедях, лучше всего в своих размышлениях".

Джону Годену, ставшему епископом в 1660 году, повезло гораздо больше, хотя, вероятно, и не больше. Он, похоже, не отличался чрезмерной щепетильностью, и его стремление к "хорошим яслям" неприятно очевидно. Но как автора **ΕΙΚΩΝ ΒΑΣΙΛΙΚΗ** его помнят. Авторство оспаривалось, но Карл II. безусловно, признал его притязания, и Кларендон поверил его утверждениям по этому поводу. Он был достаточно умен, чтобы написать еще лучшую книгу, и нет достаточных оснований лишать его этой чести. Несомненно, что своим преимуществом он был обязан своим предполагаемым достоинствам как ее автора; хотя, как ни странно, он принял завет и произнес печально известную проповедь против "картин, истуканов и других суеверий папизма". Но позже он публично отрекся и протестовал против убийства короля, чьи предполагаемые последние молитвы и размышления он искусно выдумал. После двухлетнего пребывания в Эксетере он был переведен в Вустер. Но он надеялся стать епископом Винчестерским, и говорят, что разочарование ускорило его смерть.

Последовавший за ним Сет Уорд, будучи деканом Эксетера, отличился своим рвением и мужеством. Он изгнал с территории собора покупателей и продавцов, которые вторглись на территорию, и по его просьбе была снесена перегородка, разделявшая собор. Во времена Содружества "здание, которое теперь официально называлось "поздняя соборная церковь", было разделено кирпичной стеной на два места поклонения, известные как Восточно-Петровский и Западно-Петровский". Восточная часть использовалась независимыми, а западная - пресвитерианами. Уорд потратил 20 000 фунтов стерлингов на восстановление собора от того упадка, которому он подвергся, и купил орган, "считавшийся лучшим в Англии", который обошелся ему в 2000 фунтов стерлингов. Он был переведен в Солсбери в 1667 году. Он был человеком значительных способностей и одним из основателей Королевского общества.

Спарроу унаследовал престол в 1667 году. Во время своего епископства великий герцог Космо посетил Эксетер и поразился достойному епископу, его жене и девяти детям. В местных репортажах о герцоге Тосканском упоминалось как о герцоге Таски, и он получил от корпорации подарок в размере "20 фунтов стерлингов или около того". Спарроу после его перевода в Норвич сменил Лэмплаф, чья политическая проницательность, во всяком случае, вызывает восхищение, если не уважение. Он горячо призывал свою паству сплотиться вокруг несчастного Якова II, а затем, отправившись в Лондон, был награжден благодарным королем архиепископством Йоркским. Затем он без всяких угрызений совести короновал

Вильгельма Оранского, короля Англии. Но его хитрость мало что дала, "ибо в течение трех лет пребывания на этом высоком йоркском троне он был вызван к высшему". Маколей прекрасно описал вход принца в собор. Когда он проходил под великолепной ширмой, этот знаменитый орган, едва ли превосходящий любой из тех, которыми гордится его родная Голландия, издал победный звук. Он взошел на епископское кресло, величественный трон, богато украшенный резьбой пятнадцатого века. Бернет стоял внизу, а справа и слева от него появилась толпа воинов и знати. Певчие в белых одеждах исполнили "Te Deum". Когда песнопение закончилось, Бернет прочел заявление принца; но как только были произнесены первые слова, пребендарии и певчие со всей поспешностью покинули хоры. В заключение Бернет громким голосом воскликнул: "Боже, храни принца Оранского", и многие пылкие голоса ответили: "Аминь". " Это, безусловно, самое замечательное, поскольку это также последнее из великих исторических событий, которые произошли под сенью стен собора. Ничто не могло сравниться с этим с того дня, когда Грандиссон со своими вооруженными слугами встретил Мефама у закрытых ворот триста лет назад. Отпрыск Блэколла - последний епископ, о котором нам нужно упомянуть. Он был известным проповедником и усердно трудился для обеспечения комфорта и образования неимущих слоев населения. Ему Эксетер обязана своими благотворительными школами.

Об остальных епископах нет ничего примечательного, что можно было бы записать.

В этом кратком очерке показалось разумнее посвятить по абзацу каждому из тех епископов, которые в архитектурном или историческом плане сделали свой епископат событием национального значения. Первые епископы, в особенности, чрезвычайно заботились о том, чтобы сделать красивой свою главную церковь. Только зная что-то об их жизни и времени, можно лучше всего оценить их труд и с разумным интересом проследить причины великолепного результата, который будет подробно изучен в оставшихся главах этой книги.

Более того, все ценители великого в искусстве, все, кто любит прекрасное, несмотря на небольшие трудности, не пожалеют даже о мимолетном знакомстве с теми, кто творил так благородно. И это краткое упоминание о самых знаменитых епископах Эксетера доказывает, что они были по большей части избраны не за свое происхождение, каким бы великолепным оно ни было, и не за благосклонность, которую они приобрели как любезные придворные, а за их прекрасную жизнь, их простой образ жизни и возвышенное мышление, их вкус и образованность, а также за качества, которые, если и встречаются реже сейчас, то не были обычными даже сотни лет назад.

СТРУКТУРА СОБОРА. ВНЕШНИЙ ВИД.

Прежде чем рассматривать различные детали, возможно, было бы неплохо вспомнить следующие факты, на которые уже ссылались. Сначала собор был саксонским и оставался таковым почти семьдесят лет; затем пришел нормандский епископ, который снес существующее здание и заменил его фундаментом и башнями более красивого. В течение девяноста девяти лет, иногда вяло, иногда энергично, продолжалась работа, так что к концу епископства Маршалла (1206 г.) благородные амбиции Варелваста были реализованы. Между этой датой и 1280 годом церковь почти не пострадала, но епископ Брузэр построил

здание капитула "для Бога и церкви Святой Марии и Святого Петра, достаточной площади, чтобы сделать Капитул в нашем саду рядом с башней Святого Иоанна". Затем был введен третий стиль, раннеанглийский, за которым последовала почти полная трансформация всего здания в украшенный стиль. Далее мы приводим несколько примеров перпендикулярной работы. Эта серия изменений заметна сама по себе и примечательна тем, что она не повлияла на здание так, как можно было бы ожидать. Действительно, первое впечатление, которое создается при взгляде на экстерьер, заключается в том, что это результат одного дизайна, что в значительной степени так и есть. Только при ближайшем рассмотрении видны остатки ранее украшенных периодов. "Церковь, - как метко выразился профессор Фримен, - росла по одному общему образцу, но с определенным продвижением в деталях по мере продвижения работ на запад".

Второе, что поражает посетителя, - это то, что он никогда не видел такой церкви, как эта. "Он сам по себе представляет собой класс, и его нельзя сравнить ни с чем, кроме его собственной миниатюры в Оттери".

Оставляя в стороне саксонский собор Леофрика, можно проследить четыре различных стиля в том, что было мудро названо "самым благородным памятником религиозного рвения наших предков на западе Англии". Но при обнаружении всего этого чувство чуда усиливается, поскольку здание оказывается не просто нагромождением, а целостным целым. Хотя можно датировать отдельные части здания и распознать различные формы изготовления, архитекторы трудились с таким четким пониманием того, какого прекрасного результата следует достичь, что не возникает ощущения лоскутного шитья.

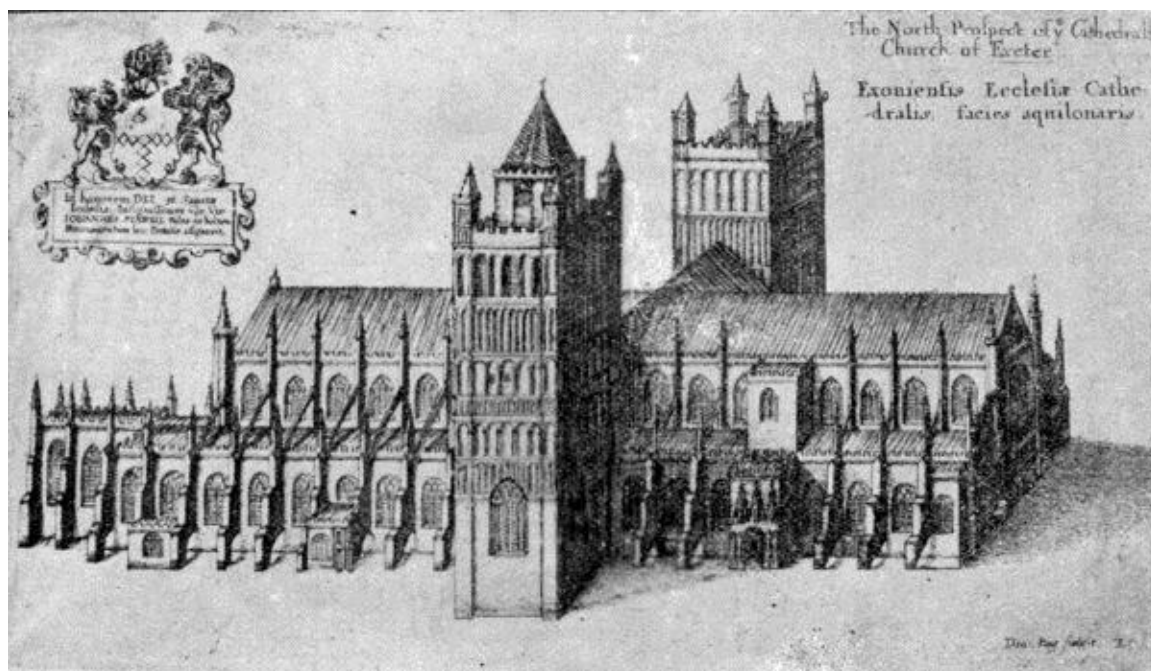
Лучший вид на здание открывается издалека. В некотором смысле это не лишено компенсации, поскольку кафедральный собор был и остается не только великолепным зданием, но и центром духовной жизни епархии. Поэтому вполне уместно, чтобы оно казалось самым красивым жителям деревень и поселков за городом, придавая им, так сказать, своего рода собственность на здание, которую они, возможно, и не почувствовали бы, если бы оно было менее заметным. Приближаясь к Эксетеру на поезде со стороны Плимута, можно увидеть благородные крыши и башни над красными домами города. Место действительно было выбрано удачно. Под холмом, на котором стоит город, раскинулись сады, пестрящие цветами, и прекрасные яблоневые сады. Вверху синее небо, более насыщенное и глубокое, чем обычно бывает в Англии. Со всех сторон, кроме одной, простирается прекрасный Девоншир, луга, живые изгороди и лесистые холмы. На той стороне Эксе быстро течет, расширяясь по мере продвижения, к морю. Всего в нескольких милях к югу голубые воды ла-Манша набегают на желтые песчаные дюны. Ни один собор, даже Линкольн, не может похвастаться более красивым и подходящим расположением. "В сознании всех ранних христиан, - говорит м-р Рескин, - сама церковь чаще всего символизировалась в образе корабля". Нет страны, столь пропитанной морскими традициями, как Корнуолл и Девон. "Экс терра" — "вне земли" — иногда объявляется производным от названия Эксетер. Может быть, это была всего лишь благодарная шутка какого-нибудь моряка, который обнаружил, что после зимних штормов плывет вверх по тихой реке, а перед ним возвышаются городские стены. И все же память о таких героях вестерна, как Рейли и Дрейк, которые призывали своих последователей сидеть смирно и наносить удары...

"Звучащие борозды, для моей цели предназначенные

Уплыть за пределы заката и бань

Из всех звезд Вестерна, пока я не умру",²

заставляет осознать, насколько уместно, что башни собора должны смотреть через всю страну на "глубокие воды" и быть для моряка мачтами судна, на котором можно быть в безопасности, каким бы свирепым ни был шторм.

ЭКСЕТЕРСКИЙ СОБОР, С ГРАВЮРЫ ДЭНИЕЛА КИНГА, ок. 1650 г.

СОБОР —С ЮГО-ВОСТОКА.

Из многих частей окружающей страны открываются прекрасные виды с Уодлсдауна, Альфингтонской дамбы и многих каналов и берегов рек.

Более близкий взгляд на первый взгляд может показаться разочаровывающим. Каждый писатель повторял сожаление доктора Оливера о том, что его окружают "жилые дома такого разного характера". Но даже более тщательный осмотр, если проявить терпение, вознаграждается. Башни, изящно прорисованные окна, скульптурные дверные проемы и великолепная крыша легко заставляют нас забыть о его убогом окружении.

Башни.— Для многих это будет самая интересная часть здания. Ни один другой собор не может похвастаться столь необычным внешним видом. Их положение экстраординарно и породило бесконечные споры. Было высказано предположение, что они должны были стоять как западные башни, а здание должно было стоять к востоку от них, и что, по предварительной мысли, они были преобразованы в трансепты. Но Кэнон Фримен в своей истории, [3](#) отвергает эту точку зрения как просто привлекательную. Он считает, что они, безусловно, были бы более сложными, если бы были построены как западные башни, но у них нет ни портала, ни декоративной отделки. Действительно, более чем на половине своей высоты они очень напоминают крепости. Вполне возможно, что они служили таковыми во времена Стефана, поскольку северный был сильно потрепан. Он несколько отличается в деталях от того, что находится на южной стороне, поскольку на полпути вверх имеется переплетающаяся аркада, возможно, перестроенная таким образом, когда устранялись разрушения, вызванные осадой. На каждой башне шесть ступеней, но только самые верхние четыре каким-либо образом украшены. В них есть глухие аркады и оконные проемы круглой формы; но детали на каждой немного отличаются. Башенки по углам вершин и зубчатые стены были пристроены в пятнадцатом веке, но эффект не является дисгармоничным, и оригинальные детали хорошо сохранились. Согласно старой гравюре семнадцатого века, в северной башне раньше был чердак с пирамидальной крышей. Вероятно, это было дополнением, когда большой колокол был впервые повешен (см. стр. [74](#)). Эффект от этих трансептальных башен настолько прекрасен, что заставляет нас пожалеть об их редкости. Случай, в котором им явно подражали, можно увидеть в прекрасной приходской церкви Оттери С. Мэри, Девон. Существуют также наиболее практические доводы в их пользу, и рассмотрение их, как правило, усиливает удивление по поводу того, что их не следует встречать чаще. Во-первых, можно получить непрерывный, равномерный участок свода, при этом крыша не прерывается центральной башней. Кроме того, план упрощен, а неф и хоры имеют большую архитектурную преемственность. Опять же, построив трансептальные башни и отказавшись от обычной центральной башни, интерьер избежал опасности, которую часто трудно преодолеть, - трудности с поддержанием центральной башни. Вполне возможно, что Варелваст был достаточно дальновиден, чтобы предвидеть эту беду. Истории других соборов доказывают, что она была вполне реальной. В 1107 году рухнула Винчестерская башня. В Солсбери шпиль по-прежнему является постоянным источником беспокойства, несмотря на "сложное расположение железных полос и шпилей", которые неоднократно укреплялись. Чичестерская башня рухнула в 1861 году. Существует легенда о падении центральной башни монастыря Крайстчерч, и можно привести другие предупреждения, например, о Херефорде, Селби, Питерборо и Уэллсе.

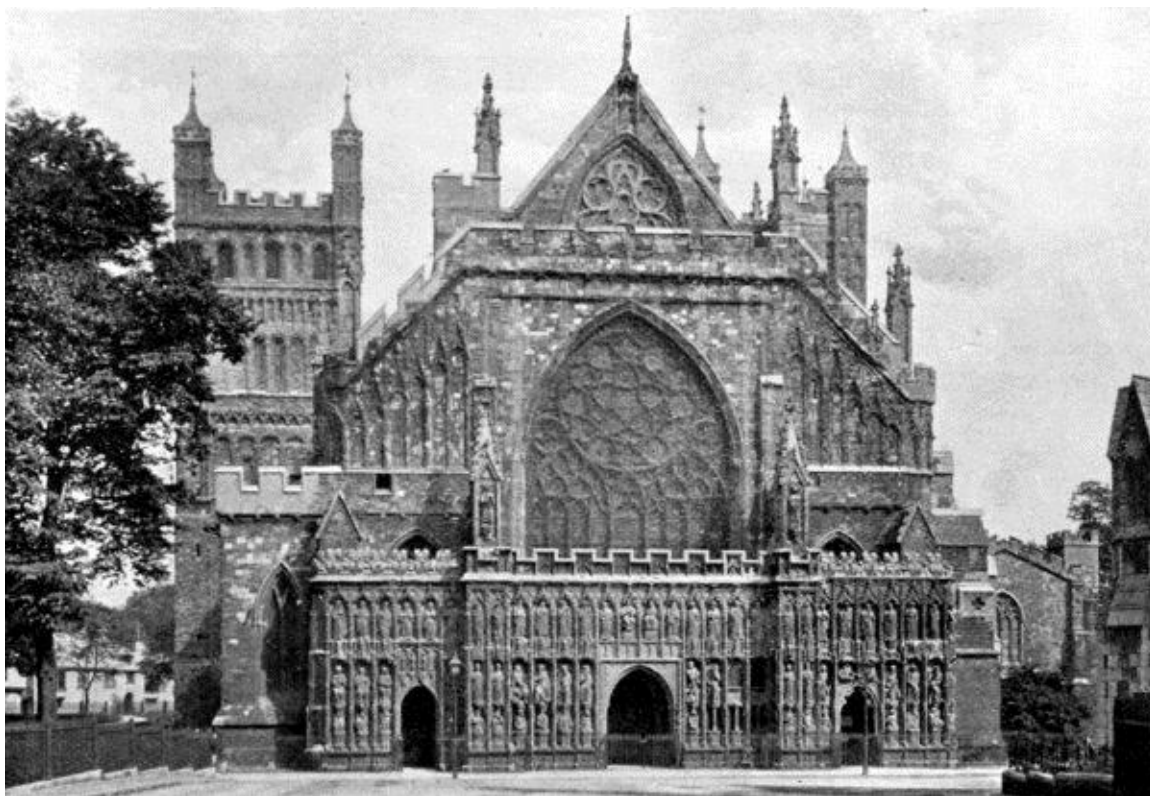
Первоначально эти две башни были отделены двумя арками внизу от корпуса церкви. Но Квивил, желая расширить интерьер, сделал это, "поместив в него пространство Башни".

Крыша - одна из самых ярких особенностей здания, особенно если смотреть на нее издалека. Длинная линия гребня нефа и хоров, не прерываемая центральной башней, придает ему уникальное отличие среди английских соборов. Изящный гребень из лилий и остроконечные элементы, венчающие поддерживающие контрфорсы, устраняют любое впечатление тяжеловесности, а вместе с длинным рядом окон верхнего этажа, похожих по форме, но отличающихся восхитительным ажуром, создают исключительное впечатление красоты.

Северное крыльцо.— Это был северный вход в нормандскую церковь, и снаружи можно проследить линию, где фасад пятнадцатого века был пристроен к старому строению. Он украшен семью нишами с балдахинами в стиле того периода. Они, однако, оставались пустыми до 1920 года, когда их заполнили статуи работы мистера Х. Рида из Эксетера, представляющие святых покровителей Англии и союзников: святого Георгия, святого Дениса, святого Иосифа; святых Кирилла и Мефодия; святого Владимира и святого Амвросия. Крыша сводчатая, а на центральном выступе - искусно вырезанный Агнус Божий. В углублении восточной стены находятся три обезглавленные фигуры, изображающие в центре Распятие, Святую Марию и святого Иоанна, стоящих по обе стороны. Над внутренним дверным проемом находится ниша, в которой, вероятно, когда-то стояла фигура Пресвятой Богородицы.

СЕВЕРНАЯ БАШНЯ.

ЭКСЕТЕРСКИЙ СОБОР —ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ.

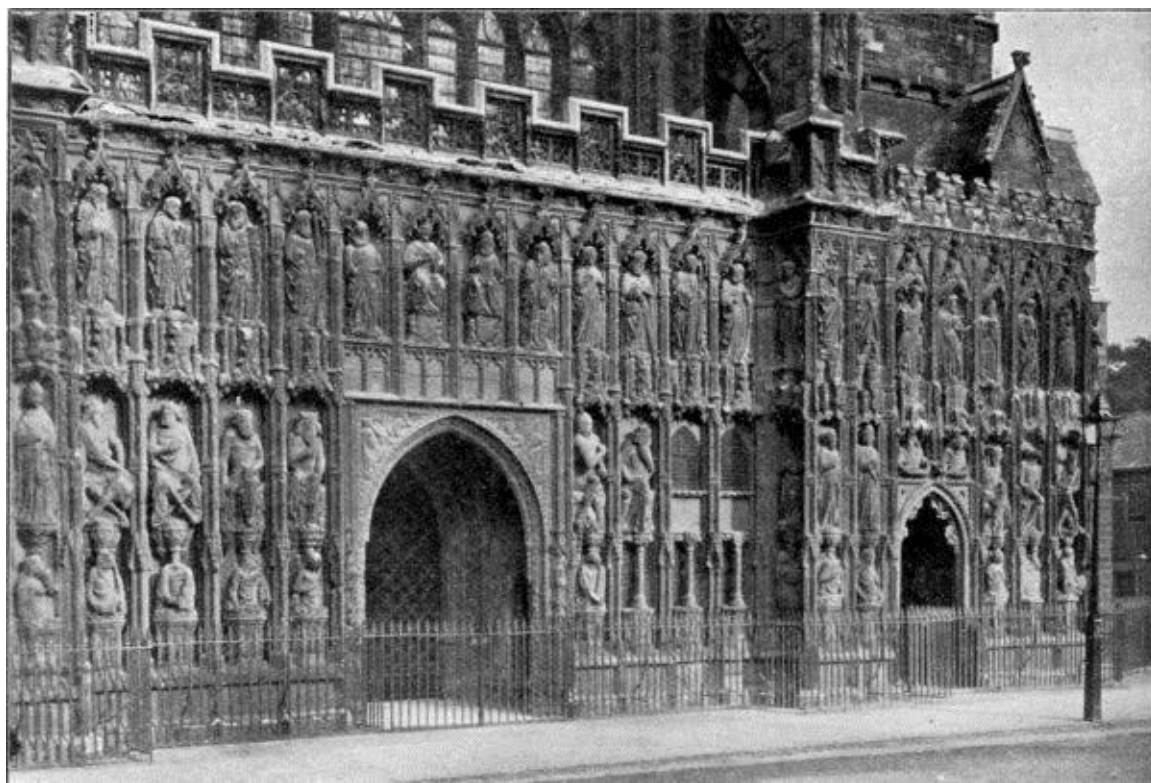
Западный фасад - одна из особенностей, придающая этому собору особый характер. По богатству изображений на проекционном экране, который образует нижнюю часть фасада, он уступает только Уэллсу среди английских соборов. Собственно западная стена церкви является работой епископа Грандиссона, который построил на южной стороне центрального дверного проема небольшую часовню Святой Радегунды как место своего захоронения. Большую часть торцевой стены нефа занимает большое окно с удивительно красивым узором в его изголовье. Дата, должно быть, около 1350 года. Над ним находится зубчатый парапет, наклоненный с каждого конца так, чтобы повторять линии крыш приделов. Над этим парапетом появляется фронто́н главной крыши, в который вставлено треугольное окно с элегантным ажуром, освещающее пространство между сводом и внешней крышей. На вершине фронтона находится ниша с небольшой статуей святого Петра.

Ширма, образующая нижнюю ступень этого фасада, должно быть, была закончена во времена Брэнтингхэма, хотя представляется вероятным, что она была спроектирована, если не начата Грандиссоном. Он содержит восемьдесят восемь фигур, расположенных в три ряда и представляющих ангелов, воинов, королей и святых. Их костюмы и доспехи характерны для моды времен правления Ричарда II. Самый нижний ряд состоит из фигур ангелов, каждая из которых поддерживает тройную пилястру с капителями. На этих капителях стоят статуи второго ряда, длинный ряд рыцарей и королей, над которыми возвышаются ангелы и апостолы третьего ряда. Над третьим рядом стоят две фигуры, которые, как говорят, представляют Ательстана и Эдуарда Исповедника. Первый когда-то изгнал бриттов из города; второй, как мы знаем, основал епископство.

Эта группа статуй стала предметом монографии мисс Э.К. Придо, которая показывает, что намерение состояло в том, чтобы символизировать Небесный Иерусалим, где ангелы,

святые и монархи объединяются, чтобы почтить восседающего на троне Спасителя и Его Благословенную Мать, которая, как представительница Торжествующей Церкви, венчается своим Сыном. Коронация Пресвятой Богородицы была изображена в центральной группе непосредственно над большим дверным проемом, это были фигуры Святого Петра, Богоматери, Господа Нашего и святого Павла. В какой-то неизвестный день статуя Пресвятой Богородицы была разрушена, а в 1818 году ее заменили фигурой, предназначенной для изображения Ричарда II. Две другие фигуры, приписываемые Якову Меньшему и королю Вильгельму I, являются современными репродукциями Альфреда Стивенса; также было добавлено несколько новых голов. Многие обстоятельства в сочетании с действием времени повредили эти скульптуры, но общий эффект насыщенный, хотя и несколько тяжелый. Над экраном находится помост, с которого епископ, вероятно, благословлял народ, а менестрели песнями приветствовали приближение королевских особ или знатных гостей.

Три дверных проема на экране заслуживают внимания, поскольку богато украшены. Та, что с южной стороны, самая красивая, и в ней находятся два прекрасных скульптурных произведения, одно из которых, как правило, изображает ангела, явившегося Джозефу во сне, другое, несомненно, запечатлевшее поклонение Пастухов. Центральное крыльцо украшено скульптурной растительностью, а на центральном выступе ажурной крыши изображено Распятие.

ПОРТАЛЫ ЗАПАДНОГО ФРОНТА.

НЕФ С ЮЖНОГО ТРАНСЕПТА (ИЗ "ЭКСЕТЕРА" БРИТТОН, 1826).

СТРУКТУРА СОБОРА. ИНТЕРЬЕР.

Каким бы прекрасным ни был внешний вид, интерьер здания не менее прекрасен. Реставрация в необычайно тщательном и сдержанном стиле многое сделала для возрождения утраченного великолепия этого места. Шестьдесят лет назад неф был заставлен уродливыми и громоздкими скамьями, и та работа, которая была проделана для поддержания этого помещения в порядке, была выполнена с наихудшим вкусом. Но за последние годы произошли самые счастливые перемены, так что ни один собор в стране не может похвастаться более восхитительным интерьером.

Было принято выражать сожаление по поводу отсутствия высоты, и ее низменность вызвала сравнения с соборами Франции. Но это возражение, несомненно, довольно тривиально. Ибо, хотя длинная сводчатая крыша, проходящая по всей длине здания, может создавать впечатление высоты, работа на самой крыше, изящные орнаменты на капителях и окнах во многом компенсируют этот эффект. Можно с уверенностью утверждать, что для обычного посетителя недостаток роста будет очевиден только тогда, когда ему укажут на это.

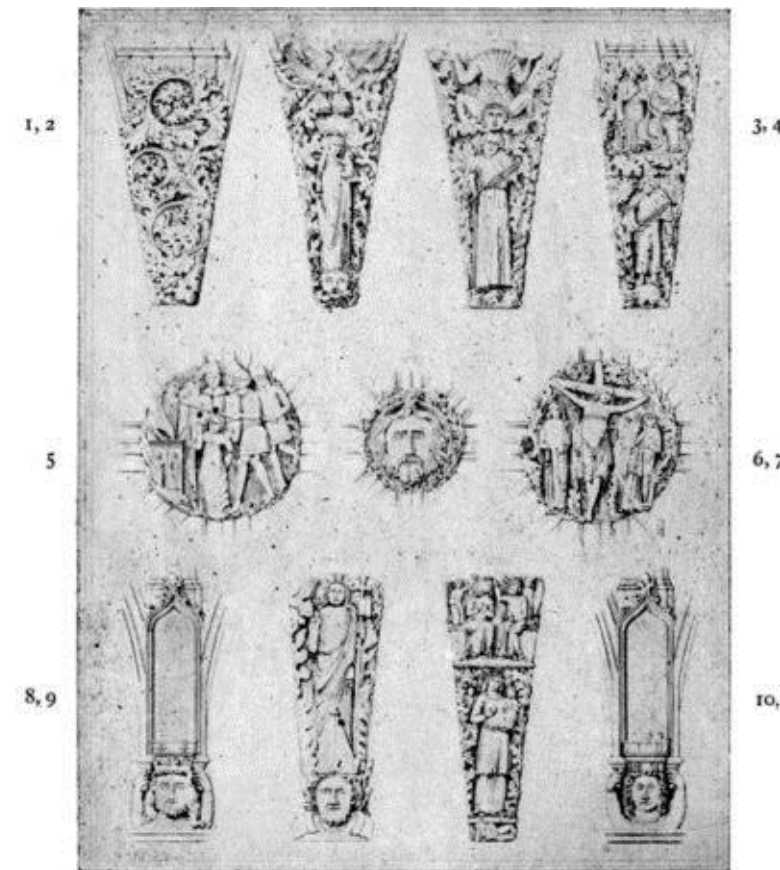
Неф.—Сейчас мало что можно увидеть от нормандской каменной кладки, но ясно, что, когда Маршалл завершил проект Уорелваста, он считал неф законченным. Процитируем каноника Фримена, чья книга, слишком техническая для широкой публики, представляет неоценимую ценность для изучающего: "На внутренней стороне северной и южной стен нефа нарушения каменной кладки, происходящие через равные промежутки времени, указывают на расположение ряда нормандских пилястр, основание одной из которых недавно было найдено *in situ* под каменным сиденьем. Снаружи, в соответствии с положением каждой из нескольких пилястр, можно наблюдать либо плоские контрфорсы нормандской формы и каменной кладки, либо следы их демонтажа. Эти остатки, связывающие воедино явно нормандские башни и массивную западную стену, указывают на вывод о том, что нормандский собор, каким его нашел Маршалл, включал в себя весь неф".

Когда начались изменения, Рулоны ткани, если они "не совсем нас покинули", оказали нам лишь скудную помощь, так что о точной дате и стоимости каждой детали можно только догадываться. Вероятно, Стэплдон намеревался еще в 1325 году начать работы по переделке нефа. В том году он закупил "15 больших тополей, купленных для строительных лесов, и 100 деревьев ольхи". В дальнейших записях говорится о древесине стоимостью в семь и восемь пенсов, "купленной епископом в Лондоне", и "48 больших деревьев из Лэнгфорда". Работа, которую до сих пор пытался выполнить Стэплдон, не требовала затрат такого рода; так что, хотя Грандиссону выпала честь закончить неф, кое-что должно быть сделано Стэплдону за проявленную инициативу. Крупные остатки средств за предыдущие девять лет оставили в руках последнего крупную сумму денег, и пожертвование Стэплдона еще больше увеличило этот остаток на значительную сумму в 600 фунтов стерлингов. В январе 1333 года есть запись о счете Уильяма Кэнона за мрамор, который ему было поручено отделать. Он согласился поставить колонны Пурбека для нефа, получив за это 10-16 фунтов стерлингов. для одиннадцати больших колонн и 5 секций для оснований и капителей. Это одна из самых интересных имеющихся у нас сведений о строительстве и стоимости собора, и, к счастью, она появилась в то время, когда подобная информация необычайно скудна. В дополнение к вышеупомянутому мрамору Пурбек в больших количествах закупался камень из каменоломен Кана в Нормандии и других мест, расположенных ближе к дому. В 1338 году епископ разрешил декану и капитулу приобрести у своих агентов в Чадли "двенадцать подходящих дубов из его тамошнего леса". Около 1350 года строительство нефа было завершено. В последние годы он был тщательно отреставрирован под руководством сэра Гилберта Скотта. Колонны Пурбека пришли в крайне ветхое состояние и были тщательно отремонтированы, причем материал был взят из тех мест, которые поставляли первоначальные строители.

Вид на неф, открывающийся при входе в западную дверь, наиболее впечатляющ. Его полная высота в семьдесят футов не затмевает беспрепятственный участок крыши. Рифленая крыша сама по себе изумительной красоты и берет начало в стройных сводчатых шахтах, выступы которых украшены изысканной резьбой со странной смесью религиозных и легендарных фигур, листы и животных. Художники, кажется, перерыли всю вселенную в поисках сюжетов и с большой хитростью интерпретировали свои идеи. Выступы, поддерживающие сводчатые шахты, столь же искусно вырезаны.

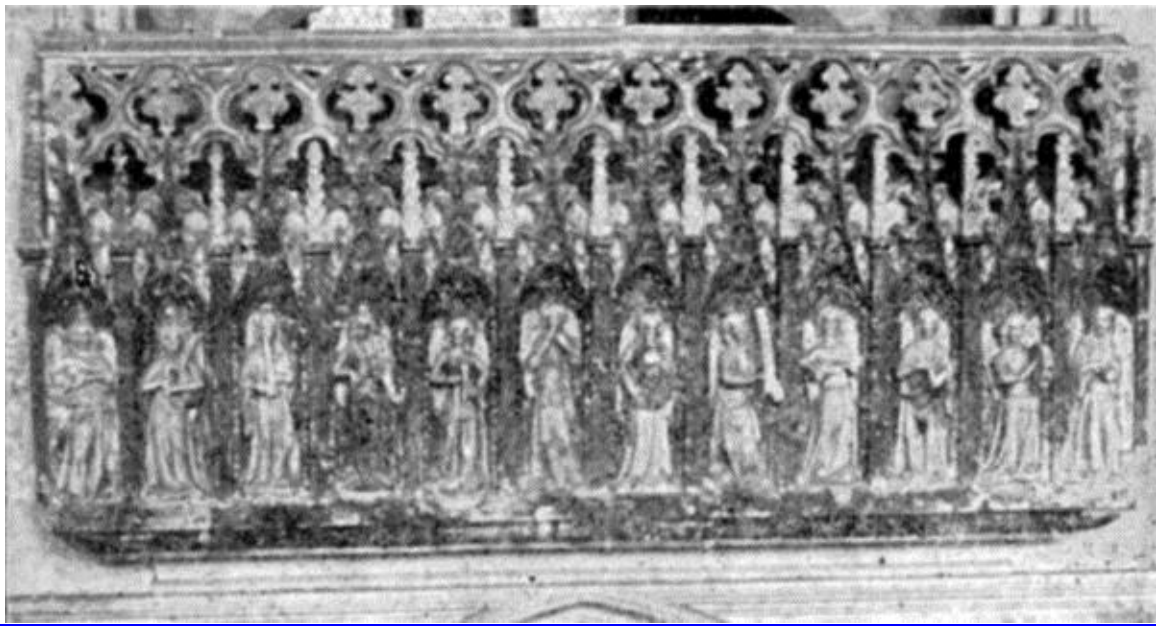
НЕФ, ОБРАЩЕННЫЙ На ЗАПАД.

ВЫСТУПЫ И ВЫСТУПЫ (ИЗ "ЭКСЕТЕРА" БРИТТОН, 1826).

(2) Дева с младенцем. (3) Менестрель и акробат. (4) Коронация Пресвятой Девы. (5) Убийство С. Томаса (Беккета) из Нефа. (6) Из Часовни Пресвятой Богородицы. (7) Из хора. (8) и (11) Головы, обычно отождествляемые с Эдуардом III и К. Филиппой. (10) Дева Мария и ее коронация. (См. Придо и Шафто, "Выступы и карнизы Экстерского собора").

Они состоят из фигур и листвы, и разнообразие выбранных сюжетов не менее удивительно, чем мастерство, проявленное художниками в реализации своих идей. Являются ли они характерными для Эксетеера или нет, можно с уверенностью сказать, что нелегко найти им равных ни по дизайну, ни по исполнению. Рассматриваемые предметы слишком многочисленны для подробного рассмотрения в этом месте, но резьбой по виноградным лозам, желудям и дубовым листьям можно без труда восхититься.

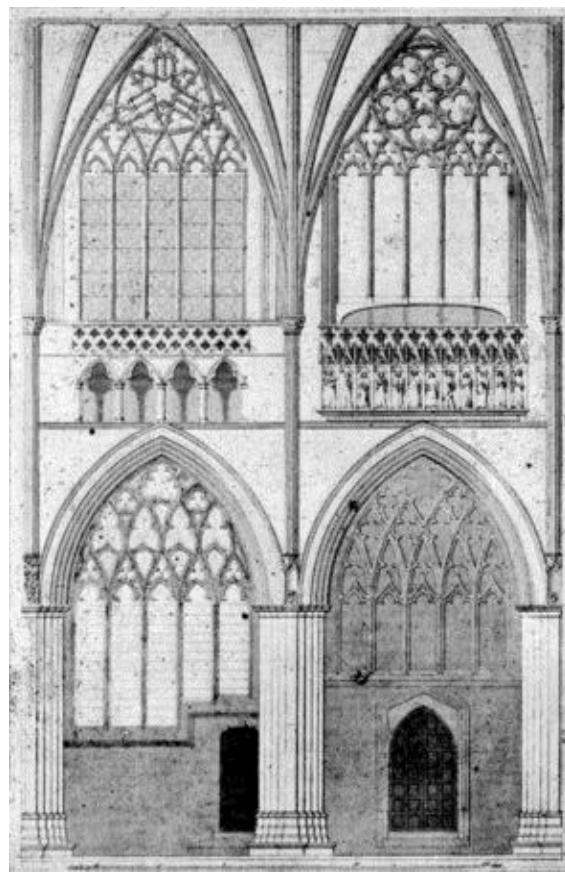
ГАЛЕРЕЯ МЕНЕСТРЕЛЕЙ.

Неф имеет семь пролетов, а аркады поддерживаются колоннами из пурбекского мрамора различных оттенков синего и серого. В каждой опоре имеется шестнадцать стволов, соответствующих восьми второстепенным лепным украшениям в каждой паре арок, и диагональное расположение каждой группы во многом подчеркивает ее изящный внешний вид. На ретро-хорах есть более ранние примеры такого рода опор, показывающие, как строители экспериментировали с группировкой стволов, прежде чем достигли идеальных пропорций колонн в нефе и на хорах. Похоже, что они использовали нормандские колонны в качестве центрального стержня, вокруг которого группировались шахты Пурбека. Трифорий, состоящий из четырех арок, необычно низок и опирается на небольшие сгруппированные колонны, сломанные только в одном месте на северной стороне, чтобы освободить место для Галереи менестрелей.

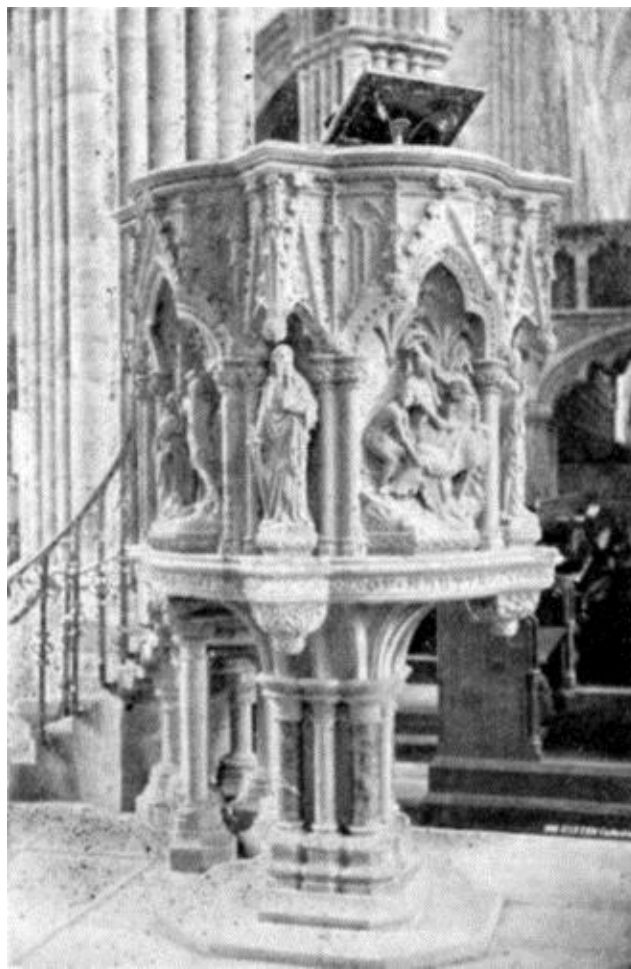
Галерея менестрелей.— Это самая красивая галерея такого рода, которую можно найти в Англии, в ее двенадцати украшенных нишах находятся фигуры музыкантов. Представленные музыкальные инструменты включают цитру, волынку, гобой, крот, арфу, трубу, орган, гитару, бубен и тарелки, а также два других, которые не определены. Раскрашенные фигуры ангелов, выделяющиеся на оранжевом фоне — каждый в отдельной нише с искусно вырезанным балдахином, - играющих на различных инструментах, превосходно вырезаны и очень изящны по форме и расположению. В двух нишах по обе стороны галереи находились фигуры Святой Марии и Святого Петра; ниши поддерживаются головами Эдуарда III и королевы Филиппы в кокошниках. Эдуард III провозгласил Черного принца герцогом Корнуоллским в 1337 году и сделал город Эксетер частью герцогства. "Город, - по словам Изаке, - принадлежит упомянутому герцогу как часть голландии за счет арендной платы за ферму в размере двадцати фунтов в год". С этим связано возведение галереи, поскольку такие герцогства "были территориальными реалиями", и принца встречали менестрели, распеваящие песни на галерее, всякий раз, когда он посещал свою феодальную зависимость. Утверждается, что впервые он был использован после битвы при Пуатье, когда Черный принц привез с собой в Англию, посетив Эксетер *по пути* в Лондон, плененного французского короля. Но профессор Фримен считает, что герцог в то время не

посещал Эксетер, и что местная традиция на самом деле относится к более поздней дате, когда "он вернулся домой больным" незадолго до своей смерти.

Примечателен высокий характер этажерки над галереей, расположенной несколько дальше назад. Узор всех окон выполнен в лучшем стиле четырнадцатого века и не имеет себе равных в любом другом английском соборе аналогичной эпохи. По своим основным характеристикам противоположные окна похожи, хотя и различаются в деталях.

НИШИ НЕФА С ГАЛЕРЕЕЙ МЕНЕСТРЕЛЕЙ (ИЗ "ЭКСЕТЕРА" БРИТТОН, 1826).

КАФЕДРА "ПАТТЕСОН".

Часовня Святой Радегунды.— С южной стороны от главного входа и в толще западной стены находится часовня Святой Радегунды, одна из самых интересных в соборе. Еще в 1220 году в акте, принадлежащем Капитулу, упоминается эта часовня "на кладбище Святого Петра", и он датирован мэрией некоего Турбеста и засвидетельствован тогдашним епископом Симоном де Апулия. Грандиссон, в соответствии с обычаем своего времени, завершая работу по преобразованию собора, присмотрел для себя подходящее место захоронения. Он выбрал эту часовню, и в 1350 году рулоны ткани содержат упоминание об остеклении окон и лучшем их закреплении девятью железными прутьями. В соответствии с пунктом в его завещании, "Верный мой волеизъявление для отделения от остия западной Церкви истекает. *ita celeriter sicut fieri poterit:*" его останки были помещены под низкой аркой на востоке часовни. Здесь они пролежали много лет, но в последние годы правления Елизаветы, по-видимому, не вызвав никакого общественного возмущения, его могила была разграблена, а прах развеян "на все четыре ветра". По-видимому, нет веской причины, по которой религиозный фанатизм должен был привести к разграблению могилы такого великого и хорошего человека. Две интересные детали - резная фигура Христа на крыше и отверстия в камнях, из которых раньше были подвешены светильники.

Часовня Святого Эдмунда, расположенная в северо-западном углу нефа, была частью нормандской церкви и была включена епископом Грандиссоном в его новую работу. На нем изображен крупный шрифт в современном готическом стиле, представленный в девятнадцатом веке архидиаконом Варфоломеем.

Купель.— На юго-западной стороне нефа стоит купель из белого мрамора в форме чаши, специально изготовленная в 1644 году для крещения Генриетты Анны, младшего ребенка Карла I, впоследствии герцогини Орлеанской, которая родилась в Эксетере во время парламентских войн. Говорят, что шрифт был изготовлен за две недели, что может объяснить неполноценный характер скульптуры. Но если он не имеет художественных достоинств, то, безусловно, представляет исторический интерес, и после того, как его отложили на несколько лет, в 1891 году вернули на его нынешнее место, и теперь он всегда используется для крещений.

Кафедра Паттесона была установлена в нефе в 1877 году. Он сделан из Мэнсфилдского камня и является прекрасным образцом современной скульптуры. Панели изображают мученичество св. Албан, отплытие святого Бонифация и его спутников в Германию и уроженцы Нукапу, Меланезия, погрузка тела епископа Паттесона в каноэ. Епископ-мученик изображен завернутым в местную циновку - реликвию, до сих пор хранящуюся в его семье.

ПАМЯТНИКИ В НЕФЕ

Большое западное окно было заполнено витражами в 1904 году в память о докторе Темпле, епископе Эксетера в 1869 году, Лондона в 1885 году, а в 1896 году архиепископа Кентерберийского. Фигуры в нижнем свете представляют самых известных епископов Эксетера от Леофрика до Фредерика Темпла.

Памятник под западным окном посвящен заслугам и потерям 1-го батальона легкой пехоты герцога Корнуоллского, который, как 32-й полк, сильно отличился во время восстания сипаев в Индии в 1857-8 годах.

На северо-западе находится настенная табличка с портретом-медальоном в память о Ричарде Блэкморе, авторе книги "*Лорна Дун*", 1825-1900. Три источника света в маленьком окне вверху заполнены витражами в связи с этим мемориалом. Соответствующее окно на южной стороне было заполнено витражами Дина Коуи.

Самый большой памятник в северном проходе посвящен памяти офицеров и рядовых 9-го уланского полка, павших во время долгой и выдающейся службы в Индии.

Далее - большая медаль, не имеющая особых достоинств, в память о бойцах 2-го батальона Северо-Девонского полка, павших в Афганской войне 1880-81 годов. Он увенчан двумя полковыми знаменами.

Над настенной табличкой, посвященной лейтенанту Г.А. Аллену, находится витражное окно, установленное в память об 11-м графе Девоне. Цветовая гамма особенно хороша, а дизайн, воплощающий мечту Джейкоба, не является неудачным.

Простая табличка в память о Сэмюэле Себастьяне Уэсли, знаменитом музыканте, - единственный памятник в проходе, представляющий всеобщий интерес.

В том же проходе недавно были размещены цвета девонских батальонов, участвовавших в великой европейской войне 1914-18 годов.

Чтобы завершить осмотр нефа, мы должны перейти к южному проходу, в первом пролете которого находится древний дверной проем, вероятно, построенный епископом Бруэром, ведущий в монастырь. В конце прохода находится памятник полковнику Джону

Макдональд, умершему в 1831 году, сыну знаменитой Флоры Макдональд. Самое восточное окно нефа заполнено витражами, изображающими четырех епископов семьи Кортни. Питера Кортни, епископа Эксетерского, узнают по тому, что он держит в руках большой колокол "Питер", его дар собору, который висит в северной башне. Это епископ, на которого ссылается Шекспир (*Ричард III*, Акт IV, часть 4):

"В Девоншире

Сэр Эдвард Кортни и надменный прелат,

Епископ Эксетерский, его старший брат,

С оружием в руках еще много союзников".

После восшествия на престол Генриха VII он был переведен в Винчестер.

НЕФ, ОБРАЩЕННЫЙ НА ВОСТОК.

Раньше в последнем отсеке этого придела находилась церковь Кортни, соответствующая церкви епископа Брэнтингэма на северной стороне. Они пришли в упадок и были демонтированы в начале девятнадцатого века. Гробница Кортни в южном трансепте полностью отреставрирована. Изображения изображают сэра Хью Кортни, 2-го графа Девона, и Маргарет де Богун, его жену. Великая медь их сына, сэра Питера Кортни, также ранее служившая в церкви, теперь находится в южном проходе между хорами: она сильно пострадала от того, что по ней много сотен лет ходили ногами, и теперь защищена циновками. Он был знаменосцем Эдуарда III. и Ричарда II., и одним из первых кавалеров ордена Подвязки.

Центральное окно придела южного нефа заполнено витражами в память о тех из Девонского полка, кто служил в Южноафриканской войне 1899-1901 годов. Таблички с их именами находятся в часовне Святого Эдмунда. Их флаги висят по обе стороны окна.

Однако большая латунная табличка, как и слишком многие мемориалы в нефе, излишне большая и далеко не достойная внимания по дизайну, не лишена интереса. Это в память о генерал-майоре Говарде Элфинстоуне, В.К., который утонул у берегов Ушанта в 1890 году.

Над медной табличкой, посвященной Хью, 2-му графу Девонскому, и его жене, находится окно, возведенное сэром Эдвином Уоткином в память о Томасе Латимере. Следует обратить внимание на маленькое окно слева, возведенное Дином Коуи в память о его жене.

Северный трансепт.—Мы уже видели, что две большие башни собора изначально были трансептными по своей природе. Но они были совершенно отделены от основного корпуса церкви, соединяющие их арки были заполнены мощной каменной кладкой, образующей сплошную стену. Но Квивил, желая расширить интерьер здания, снес эти стены и приступил к изменению арок и преобразованию их в тот же стиль оформления, чтобы соответствовать этой работе в остальной части здания. Он также изменил и преобразовал нормандские

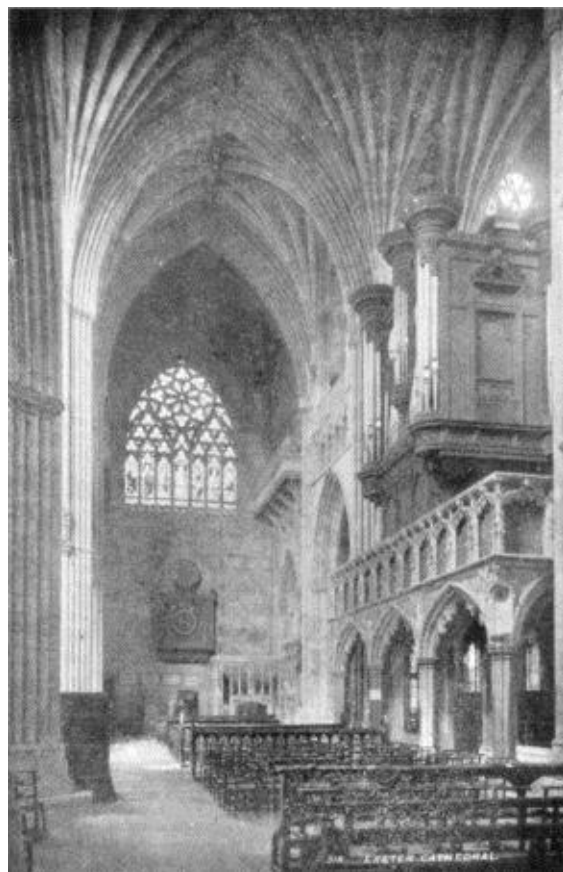
часовни, которые выступали на восточную сторону каждого трансепта. В северном трансепте одно окно и два узких дверных проема все еще выдают их нормандское происхождение. Открытые галереи в каждом трансепте соединены проходом с клерикалом. Это тоже работа Квивила, и интересны его окна в двух часовнях святого Иоанна и святого Павла, легко различимые по форме колеса.

Здесь находится прекрасная статуя Чантри девонширского художника Норткота и табличка в память о солдатах и офицерах 20-го (Девонского) полка, павших в Крыму. Посетители с интересом обратят внимание на довольно удачную фреску, изображающую воскресение, солдаты в доспехах нарисованы с большим воодушевлением.

Часовня Силке находится в северном трансепте. Сильке был человеком, имевшим большое значение в свое время, и человеком, который заслуживал немалых почестей от своих современников. Он управлял делами епархии в качестве генерального викария во время отсутствия епископа Куртенэ, а также во время отсутствия епископа Фокса. В 1499 году он был назначен регентом и занимал этот пост до своей смерти. Священники, благодарные за усилия, которые он приложил для их утешения, решили сохранить его некролог. Аббат и монастырь Святой Марии Кливской в Сомерсетшире, желая продемонстрировать свое чувство долга перед ним и каноником Муром, ежегодно выделяли декану и капитулу сумму в размере 6 13 *фунтов стерлингов* 4д. для празднования их годовщины. Могила Зильке представляет собой очень призрачную фигуру с эпитафией: "Sum quod eris, fueram quod es, pro te, pro eo, ora". Часовня выполнена в стиле поздней готики и является одним из тех "последних штрихов" к собору, которые, по мнению архидьякона Фримена, ему так удачно придали. В этой часовне были размещены старинные часы тринадцатого века на северной стене, механизм которых находится в движении, хотя сейчас он не приводит в действие ни одну часть настоящих часов. Различные детали имеют разную дату; самое старое колесо работает более или менее исправно около 700 лет. Циферблат изображает солнце и Луну, вращающиеся вокруг земли в центре, с указанием различных фаз Луны.

Часовня Святого Павла находится на восточной стороне северного трансепта. Относится ко времени маршалла или его непосредственных предшественников. На плитках изображен герб брата Генриха III, Ричарда Корнуоллского, который был избран римским королем. Он используется как ризница для хоровых викариев-мирян.

Южный трансепт.—С восточной стены открывается **часовня святого Иоанна Крестителя**. Он соответствует храму Святого Павла в северном трансепте. Часть стекол в окнах была вставлена туда во время реставрации 1870 года. Ширма, отделяющая его от трансепта, - работа Олдхэма. Теперь часовня оборудована для уединенных медитаций и молитв.

ТРАНСЕПТ, РАСПОЛОЖЕННЫЙ На СЕВЕРЕ, ПОКАЗЫВАЕТ ОРГАН И ЧАСЫ.

Часовня Святого Духа.— Это одна из самых древних частей собора, расположенная между южной башней и домом капитула. Она занимает место прохода, известного в монастырских церквях как слип. Следует отметить простую каменную бочкообразную крышу. Сейчас она используется как ризница для певчих.

В южном трансепте находится очень интересная коллекция памятников.

Памятники в Южном Трансепте.—На восточной стене неглубокая ниша, в которой установлены некоторые фрагменты скульптуры, традиционно описывается как гробница Леофрика, первого епископа Эксетерского. Хокер так рассказывает историю: "Этот Леофрикус умер в 1073 году и был похоронен на кладбище или погосте своей собственной церкви под простым или битым мраморным камнем; это место, благодаря последующему расширению его церкви, теперь находится в Южной башне той же церкви, где недавно, в 1568 году, был воздвигнут новый памятник в память о столь хорошем, достойном и благородном персонаже, стараниями автора этих строк, но на средства декана и капитула".

В юго-восточном углу находится могила епископа Иоанна Чаунтера, умершего в 1191 году. В течение тридцати лет он был регентом собора и был рукоположен в епископа Болдуином, архиепископом Кентерберийским, "проповедником и паломником Крестового похода", уроженцем Эксетера. Епископ Иоанн присутствовал на коронации Ричарда I. Он занимал престол в течение шести лет.

Сэр Питер Кэрю, чья настенная табличка является заметной особенностью, был похоронен в Уотерфорде в Ирландии. Он один из самых выдающихся представителей древней

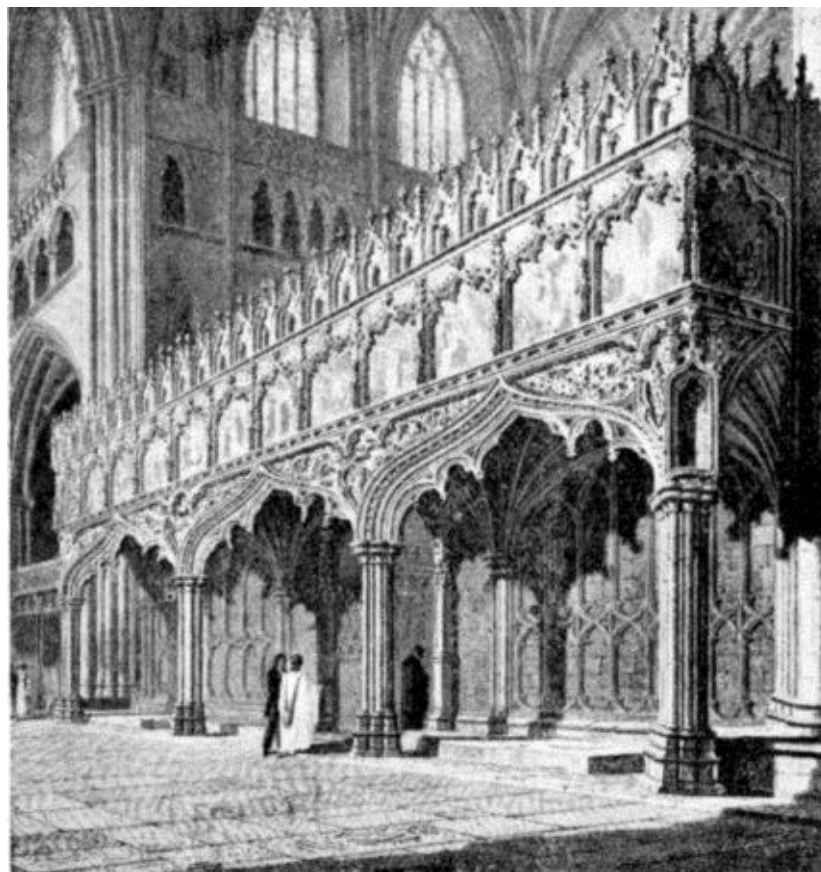
западной семьи. В Троицын день 1549 года деревня Сэмфорд Кортни подняла восстание против нового молитвенника Эдуарда VI. он распорядился использовать его в церквях, и вся епархия быстро последовала его примеру. Люди поклялись, что "они будут придерживаться старой религии, как это делали их предки до них". Сэр Гавейн Кэрю, сэр Питер Кэрю и сэр Томас Деннис, шериф, были заняты тем, что сдерживали волну восстания. Попытки найти компромисс были бесполезны. Люди яростно требовали старой религии и называли новую форму богослужения "христианской игрой", в то время как корнуолльцы заявляли, что они, поскольку "некоторые из нас не понимают по-английски, полностью отвергают новый английский". В начале июля недовольные осадили Эксетер. Богатство гражданских сановников подстегнуло осаждающих, которые трижды призывали город сдаться, клянясь, что "они войдут силой и заберут его добычу", если их требования будут отклонены. В стенах царили недовольство и заговоры, а еда заканчивалась. Многие горели желанием впустить повстанцев, и Хокер записывает, что "всего за два дня до сдачи города" недовольные прошли парадом по улицам, выкрикивая: "Выходите, эти еретики и двухпенсовые книготорговцы! Где они? Клянусь Божьими ранами и кровью, мы не будем вынуждены служить им в свою очередь: мы выйдем и примем наших соседей; они будут честными, хорошими и благочестивыми людьми ". Но видные горожане, хотя и воспитанные в старой вере, мрачно поддерживали короля. Осада была снята Джоном, лордом Расселом, которого сэр Питер поспешно вызвал из Хинтон-Сент-Джорджа в Сомерсетшире. Продовольствие доставлялось в город "благодаря особому трудолюбию и путешествиям тысячи валлийцев под командованием сэра Уильяма Герберта". Сэру Питеру по прибытии в Лондон лорд-протектор пригрозил повешением "за то, что он вызвал переполох, подожгв амбары в Кредитоне". Он сослался на письмо короля, которое было у него под рукой, и личную печать. Но ему с трудом удалось сбежать, хотя в награду он получил от лорда Рассела земли Винислакра. Позже он выступил против брака королевы Марии с королем Неаполя, и, как выразился Фуллер: "Этот деятельный джентльмен приложил немало усилий, чтобы ускорить процесс и спасти свою жизнь, будучи заключенным в тюрьму за уступчивость сэру Томасу Уайту". Он жил активной, безрассудной жизнью до последнего, завершив свою карьеру какой-то "службой связи" в Ирландии. Он был братом графа Тотнесского. Красивый памятник елизаветинской эпохи посвящен сэру Джону Гилберту, брату более известного Хамфри, и его жене Элизабет Чадли. Он был одним из торговцев-авантюристов и сводным братом Рейли. Его отношения с Эксетером были очень дружескими, купцы были живо заинтересованы в морских открытиях, поскольку надеялись в далекой Азии найти новый рынок сбыта для своих тканей.

Герои последних дней не забыты в этой доблестной роте, и табличка на восточной стене увековечивает память солдат 32-го полка (легкая пехота Корнуолла), павших во время индийского мятежа. На цветах полка изображены названия Ватерлоо и Лакхнау.

ИНТЕРЬЕР НЕФА В ПРОШЛОМ ВЕКЕ (С ГРАВЮРЫ В БРИТАНСКОМ МУЗЕЕ).

Экран для хора.— Это работа епископа Стэплдона, и, вероятно, она была завершена около 1324 года. Декан и капитул предвкушали восхищение, которое эта ширма вызовет в последующие века, и мы читаем, что они подарили Уильяму Кэнону, заказчику мраморных работ, "4 фунта стерлингов из их любезности". Высоко над экраном, как мы узнаем из рулонов Ткани, на железной перекладине покоился крест с Мэри и Джоном.

ЭКРАН ДЛЯ ХОРА, СМОТРЯЩИЙ НА СЕВЕР (ИЗ "ЭКСЕТЕРА" БРИТТОН, 1826).

Картины на панелях над красиво вырезанными шпандрилами не представляют особого интереса, хотя считается, что они датируются тем же периодом, что и сама ширма. Однако трудно поверить, что они могут быть такими старыми или что такие хорошие и плохие работы могут относиться к одному и тому же периоду. Джеймс I. ввел в листву спандрилов розу и чертополох; но это неуместное исправление было быстро удалено в 1875 году. Боковые арки ширмы когда-то были перекрыты толстыми стенами, а входную арку перегораживали две прочные двери, но реставраторы изменили ее в 1875 году.

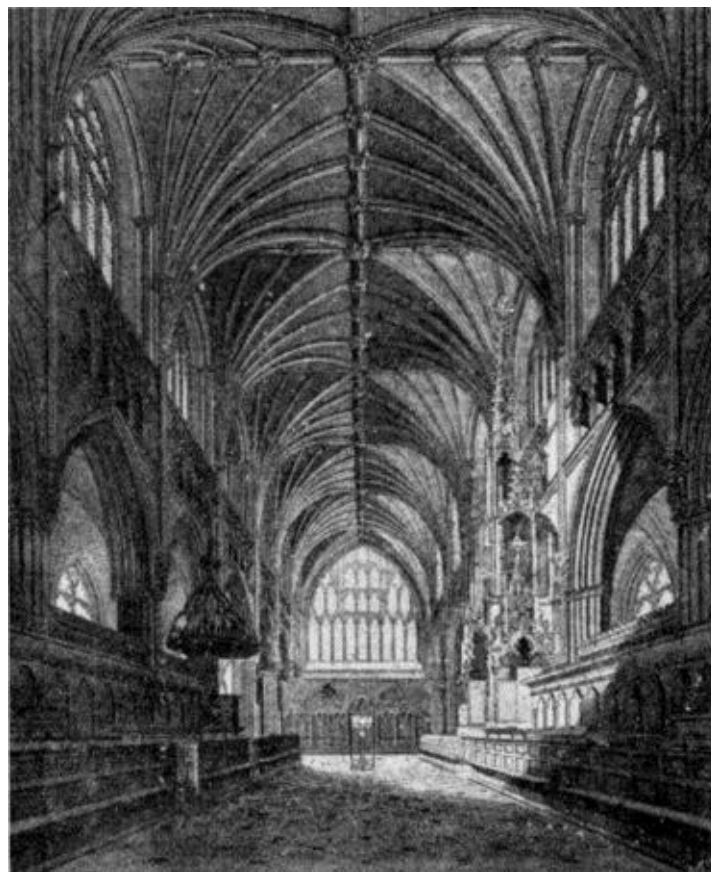
Орган первоначально был построен Джоном Лоузмором около 1665 года. В своем нынешнем виде он представляет собой расширенную реконструкцию, выполненную господами Лоузморами. Уиллис, старый инструмент, используемый в нем в качестве органа для хора. Корпус органа, который был элегантным образцом деревянной работы эпохи Возрождения, также подвергся переделке и обновлению.

Хор.—Если главная слава в отношении внешнего вида собора, несомненно, принадлежит проектировщику и строителю великих башен, то хор, работа Байттона и Стэплдона, не менее несомненно, является высшей славой внутреннего убранства. Нормандский хор достигал не дальше третьего отсека, считая от экрана на хорах. Недавно обнаруженные следы, похоже, доказывают, что он имел апсидальное окончание. Епископ Маршалл, завершая работу Варелваста, добавил четыре пролета и разрушил тройную апсиду. Также возможно, что в период зарождения переходного периода к раннеанглийскому языку некоторые своды были заостренными. Байтон переделал хор, оставленный Маршаллом, в Украшенный стиль, вдохновленный успехом, который сопутствовал усилиям Квивила в

самом восточном отсеке нефа. Вся работа — преобразование хора с его нефами — заняла около пятнадцати лет, скорость и мастерство, с которыми она была выполнена, объяснялись тем фактом, что задача не была полностью в руках одной группы рабочих. По-видимому, он был разделен на две части, над которыми строители работали одновременно. Какой бы замечательной ни была работа Квивила в нефе, работа Байттона на хоре - это улучшение. Несомненно, он чему-то научился на трудностях, с которыми столкнулся его предшественник, и знал, как их избежать. Во всяком случае, он продвигал эту работу с большой энергией и смелостью. Он сформовал свои колонны из горизонтальных секций пербекского мрамора толщиной от девяти до пятнадцати дюймов: по пять бутылей с каждой стороны, представляющих "вид двадцати пяти стволов, соединенных в один". Для облицовки хора было использовано более десяти тысяч плиток. Для перекрытия хора, также его работы, хотя в оказанной ему чести ему до недавнего времени отказывали, он закупил большое количество портлендского камня. Материал для оснований и капителей был импортирован также из Портленда: запись в рулонах ткани гласит: "На покупку 18 больших каменных блоков в Портленде для ключей или выступов, вместе с 60 основаниями и капителями, включая перевозку морем, 4 168 фунтов стерлингов". Цвет краеугольных камней был выбран благодаря Стэплдону в первый год его епископства.

ХОР СМОТРИТ На ЗАПАД.

ХОР ПЕРЕД РЕСТАВРАЦИЕЙ (С ГРАВЮРЫ ЧАРЛЬЗА УАЙЛДА).

Между 1870 и 1875 годами хор подвергся очень капитальному ремонту. По большей части они были успешными, и если в отдельных случаях могут быть выдвинуты возражения, то было бы чрезмерной критикой умалять их ценность. Везде, где это было возможно, камень брали из карьеров, которыми пользовались первые строители. Особенно сильно пострадал мрамор Пурбек, а лепнина и основания были безжалостно разрушены, чтобы лучше сочетать обшивку с прилавками; более того, различия в природе камня были сведены на нет отвратительной желтой краской, которой они были щедро посыпаны. Во время реставрации карнизы и выступы крыши были очищены и тщательно отремонтированы. Они, хотя и имеют тот же характер, что и в нефе, богаче и разнообразнее по дизайну и более искусно вырезаны.

Партер для хора.—Партер полностью современный, работы сэра Гилберта Скотта. Первоначально, без сомнения, они были похожи по стилю на епископский трон, одно из самых замечательных пристроек Стэплдона к собору. Вероятно, они были увенчаны навесами, а за ними - открытая каменная аркада. Современный дизайнер сконструировал свои партеры таким образом, чтобы подчеркнуть эту идею, поскольку они, насколько это возможно, призваны заменить более ранние. Под сиденьями помещены мизерикорды епископа Бруэра. Этим мизерикордам нет равных в Англии. Они украшены богатой резьбой, изображающей листву, диких зверей, слона, сражающихся мужчин, других людей, играющих на музыкальных инструментах, и легендарных монстров. Появление слона доказывает, что эти записи о несчастьях были завершены только после смерти Бруэра в 1244 году; слон был

впервые завезен в Англию в 1255 году. Существует также изображение рыцаря в лодке-лебеде, показывающее, что легенда о Лознгрине была известна в Англии.

The Reredos.— Это тоже современная работа, и наиболее успешно Эрп воплотил в жизнь проекты сэра Гилберта Скотта. Он сделан из алебаstra, инкрустированного агатом, сердоликом и яшмой. В центре трех отделений, на которые он разделен, изображено Вознесение, две другие группы представляют Сошествие Святого Духа и Преображение. Поскольку работа встретила значительное противодействие, хорошо бы вспомнить слова архидьякона Фримена о том, что у него самое лучшее из всех прав высказываться. "С его изящными балдахинами из алебаstra и скульптурами, выполненными со смелым рельефом, инкрустацией из отборного мрамора, избытком дорогих камней и сопутствующими фигурами ангелов, он воплощает множество идей, хорошо гармонирующих с его местом и назначением". Древний алтарь Стейплдона давно исчез. Он был в основном из серебра, только менса была мраморной. В памятнике Леофрику, воздвигнутом историком Хокером, была найдена большая мраморная плита, отмеченная крестами. Возможно, это была часть алтаря Стэплдона, разрушенная по Приказу Совета 1550 года (см. Ниже, стр. [69](#)).

Епископский трон был работой Стэплдона, возведен в 1316 году. Примечателен тем, что в нем нет ни единого гвоздя, он полностью скреплен деревянными колышками. Этот "великолепный сноп резного дуба", как его еще называют, достигает высоты пятидесяти семи футов. На резьбе изображены необычайной красоты листья и наверхия, а под балдахинами - фигуры ангелов со знаками отличия епископской должности. На одной стороне чаша и Обитель благословения; на другой - колокольчик, книга и свеча, передающие проклятие епископа.

На момент реставрации 1870 года трон находился в очень плохом состоянии. Он был покрыт коричневой краской, а нижние панели были немного повреждены. Здесь до сих пор сохранились следы древней окраски, но отреставрированы были только росписи у основания, посвященные квартету знаменитых епископов Варелваста, Квивила, Стэплдона и Грандиссона, которые, без сомнения, были созданы несколько позже, чем сам трон. Первоначально ниши в скинии были заполнены фигурами, но они исчезли.

ХОР, СМОТРЯЩИЙ НА ВОСТОК.

СЕДИЛИЯ В ХОРЕ.

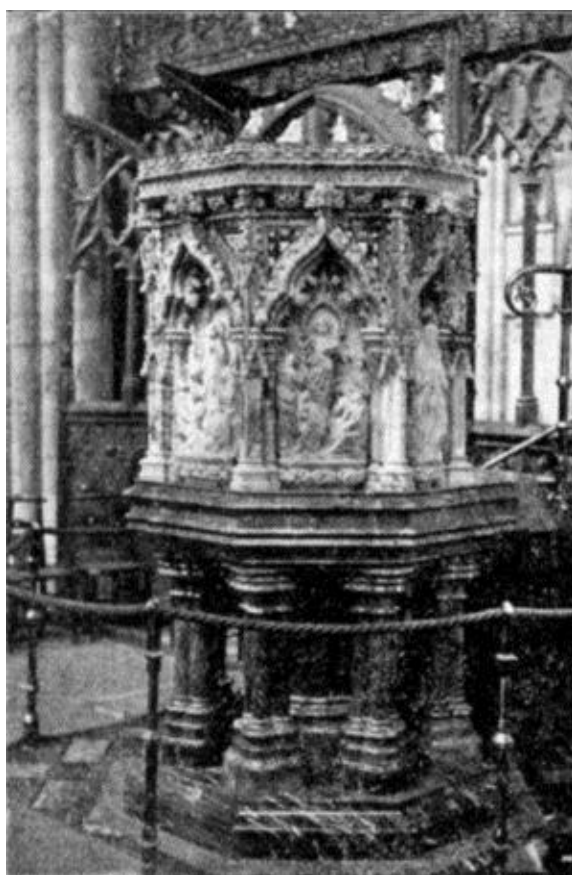
Сидилия.—Естественно после изучения трона из дерева обратиться к не менее великолепному творчеству Стэплдона из камня. Сидилия была самым тщательным образом отреставрирована при сэре Гилберте Скотте. Здесь есть три ажурные арки, каждая высотой десять футов, над которыми находится богатая экспозиция дарохранительской работы. В нишах когда-то стояли статуи, поскольку видны гнезда. Резьба, необычайно искусная и замысловатая, состоит из листьев и голов животных. Как и большая часть резьбы в соборе, которая относится к этой дате, это работа французского художника Де Монтакута. Сиденья разделены металлическими перекладинами, а концевые секции поддерживаются львами. Утверждалось, что эти львы датируются значительно более ранней датой, чем остальные работы; но нет никаких доказательств, кроме воображаемого сходства с ранними английскими работами. Кажется, нет причин, по которым Стэплдону не следовало бы выбрать львов в качестве подходящего украшения и вырезать их в более или менее традиционном стиле. На обратной стороне сидилии вырезаны три маленькие головы, центральная - Леофрика, а по обе стороны - головы Эдуарда Исповедника и его жены Эдгиты. Следует помнить, что они присутствовали со всем своим двором при установке статуи Леофрика. Центральное сиденье известно как камень Леофрика, на котором, как традиционно говорят, он сидел, и в 1418 году есть запись о том, что было выплачено двадцать пенсов "за надпись на камне милорда Леофрика".

На галерее трифорий, прямо над сидилиями, повторяются головы Леофрика, Эдуарда и Эдгиты.

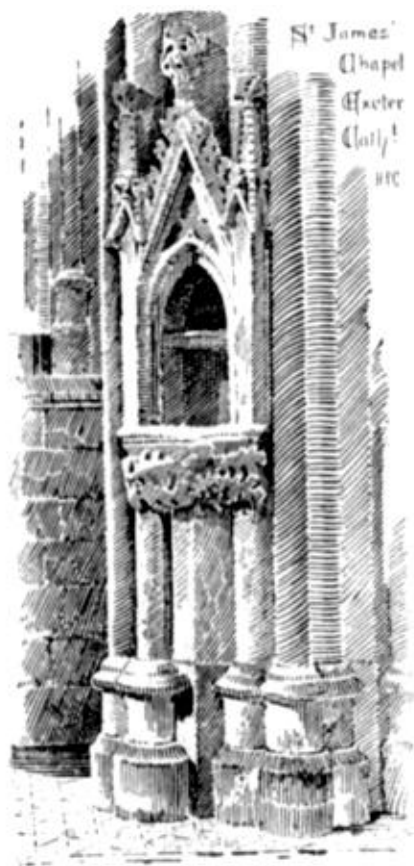
Украшение хора хранилище гг. Клейтон и колокола. Попытка оживить кровлю, позолотив выступы и покрасив ребра в красный, синий и золотой цвета, в то время как основной цвет - тускло-белый, не лишена достоинств.

Кафедра в хоре из девонского мрамора и алебаstra, возведенная в 1871 году. На красивых резных панелях изображены наш Господь, благословляющий детей; Нагорная проповедь; святой Петр, проповедующий в день Пятидесятницы; святой Павел в Афинах; и святой Павел перед Фестом.

Восточное окно.—Генри де Блейкборн, каноник собора, увеличил "это двускатное окно в перпендикулярном стиле". Хотя во времена Кромвеля он был сильно поврежден, большая часть старого стекла сохранилась. Щиты в верхней части окна современные, но те, что внизу, принадлежат первым епископам и благодетелям. Три центральные фигуры в нижнем ряду были добавлены во времена Брэнтингхэма.

КАФЕДРА НА ХОРЕ.

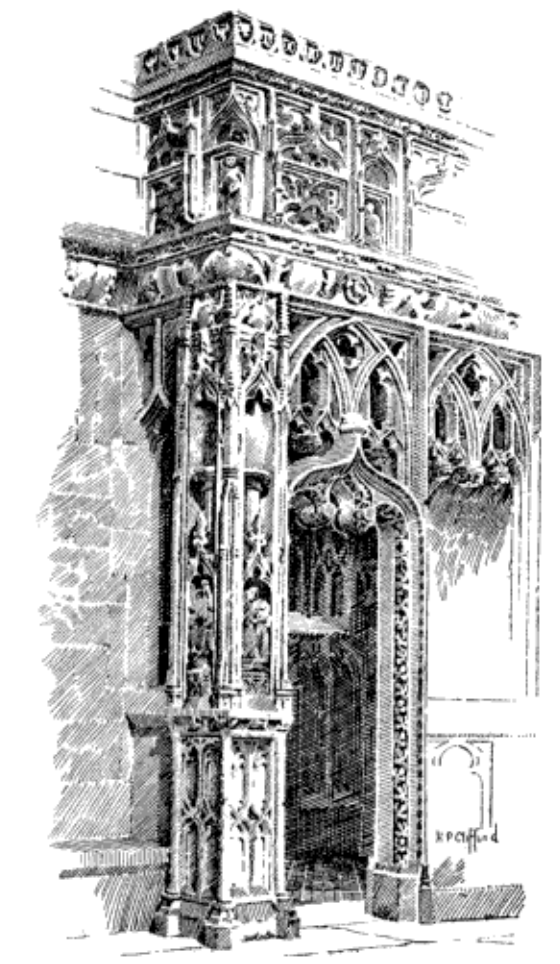
**ЧАСОВНЯ СВЯТОГО ИАКОВА
(НАРИСОВАНА Х.П. КЛИФФОРДОМ).**

Часовня Святого Иакова.— В проходе к югу от хоров. В северном проходе, прямо напротив, находится сопутствующая часовня святого Андрея. Можно заметить, как часто одна часть уравнивает другую по всему зданию. Эти часовни частично являются работой Маршалла. Когда апсидальные часовни были снесены в то время, когда была разрушена апсида, Маршалл построил нынешние часовни Святого Иакова и святого Андрея. Бронскомб значительно переделал их, и первый пункт в рулонах ткани гласит: "для 3 окон для часовни Святого Джеймса 8с.ш. 9д.; для стекла 16с.". Это последний год епископства Бронскома, и это доказывает, что он, во всяком случае, почти закончил реконструкцию этой часовни. Наиболее заметными достопримечательностями являются верхняя палата и великолепный, но полуразрушенный памятник, известный в народе как гробница Леофрика. В часовне было два алтаря, один посвящен святому Иакову, а другой, вероятно, святому Томасу Кентерберийскому.

Почти напротив этой часовни находятся изображения двух рыцарей, датируемые четырнадцатым веком; их поза со скрещенными ногами приводит к ошибочному представлению о том, что они были крестоносцами. Вероятно, они представляют Хамфри де Богуна, отца Маргарет, жены Хью Кортни, 1332 года рождения, и сэра Артура Чичестера из Роли, 1301 года рождения. Старые предания описывают гербы, нарисованные на их щитах, но они давным-давно исчезли.

Часовня Святого Андрея.— Напротив часовни Святого Иакова и соответствует ей. Изначально это была работа Маршалла, как и его коллега по капелле, заменившая одну из старых апсидальных капелл нормандского хора. Стейплдон завершил реконструкцию, чтобы сделать ее параллелью отреставрированной часовне Святого Иакова в Бронскомбе.

Отдельно стоящие шахты явно являются имитацией более ранней работы епископа. В часовне находится верхняя комната, ранее использовавшаяся как кладовая. Первоначально в часовне находились алтари святого Андрея и святой Екатерины. В 1305 году Байтон издал приказ о проведении здесь церковных служб по Эндрю де Килкенни, покойному декану, и другим. Среди имен мы находим имя Генри де Килкенни, который на момент создания ордена Байтона был еще жив, и каноника собора.

ЧАСОВНЯ СВЯТОГО Георгия (ИЛИ ЧАСОВНЯ СПИКА). НАРИСОВАН Х.П. КЛИФФОРДОМ.

Амбулатория.—Между главным алтарем и часовней Богоматери находится амбулатория. Заметно, что шахты отличаются от шахт в других частях здания. Северное и южное окна относятся ко времени епископа Бруэра (тринадцатый век). Архитектура всего ретрохуара оформлена в раннем стиле.

Две старые дубовые коробки с библиями прикреплены по одной к каждой колонне: хотя они уродливы и неуклюжи, они определенно интересны.

Окна современные и превосходные. Господа. Клейтон и Белл редко делали что-либо лучше. Цвета восхитительны и хорошо сочетаются. Два памятника якобинской работы вполне заслуживают внимания. Относительно одного из них, Джейкоба Рейларда, узнать нечего; но другой, Джон Бидгуд, был "одним из самых опытных и полезных врачей своего времени" и родился в 1623 году. Его лишили стипендии в Эксетерском колледже в 1648 году "за то, что он пил за здравие к замешательству реформаторов". Как и многим другим хорошим людям,

ему пришлось пострадать за свою лояльность. Он получил докторскую степень в Падуе и завоевал отличную репутацию умелого и гуманного практикующего. После реставрации он получил степень в Оксфорде, но продолжал практиковать в своем родном городе. Он умер на шестьдесят восьмом году жизни.

В северном конце амбулатории находится **Часовня Слика**, также называемая часовней Святого Георгия. Это новейшая и чрезвычайно насыщенная Перпендикулярная работа. Оливер замечает, что в 1657 году восточное окно и алтарь были разрушены, чтобы образовался проход "в великую церковь Святого Петра на Востоке, отделенную от церкви Западного Петра кирпичной стеной, возведенной, оштукатуренной и побеленной с обеих сторон Уолтером Диблом за 150 фунтов стерлингов". Изображение сэра Джона Слика покоится в часовне; резьба за фигурой очень искусная. Его дом находился в Уайт-Лакингтоне в Сомерсетшире, и он был владельцем Брэмфорд-Слика недалеко от Эксетера. Чтобы обеспечить соблюдение некролога о нем и его жене, он передал часовне "земли, доходные дома и наследственные владения в Лэнгфорде, Фрихеде и Эшилле, в Сомерсетшире".

Северное окно посвящено памяти архидиакона Варфоломея и было установлено здесь в 1865 году.

ЧАСОВНЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ.

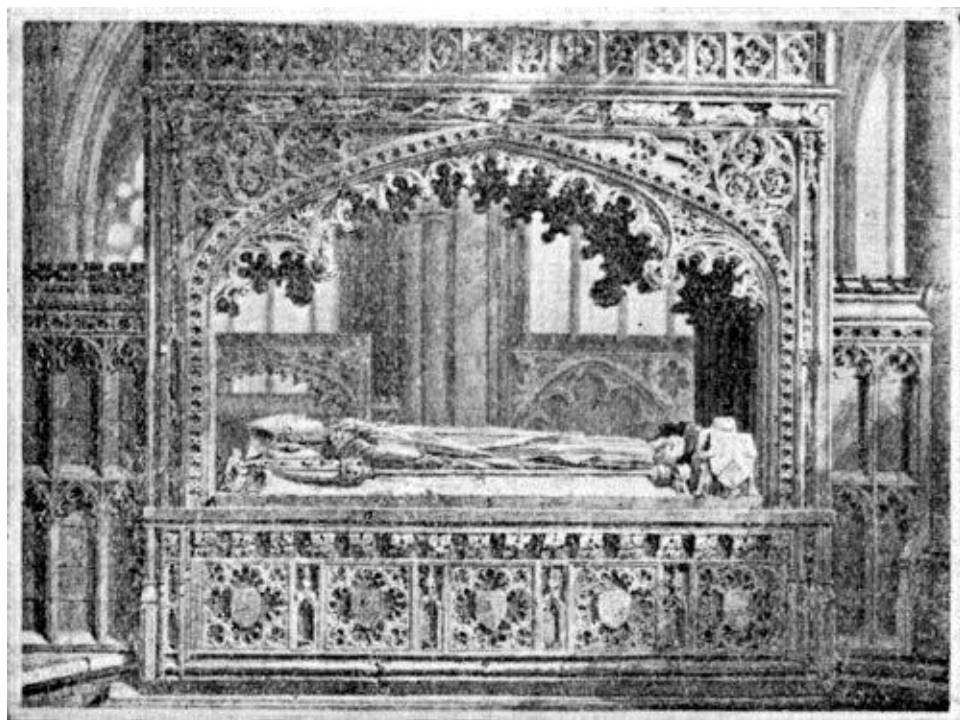
В другом конце амбулатории находится **Часовня епископа Олдхэма**, посвященная нашему Спасителю. Он был богато отреставрирован епископом Олдхэмом, который также восстановил церковь Слика, или Святого Георгия, расположенную прямо напротив. Именно этому епископу мы обязаны "тонким и элегантным экраном, который придает дистанцию и завесу всем девяти часовням и часовне приора Силке в северном трансепте". Стены и своды

богато украшены, а панели и ребус в северо-восточном углу содержат ребус с именем епископа (Owl-dom), украшенный совами. В соответствии с его целью восстановления часовни, его тело было похоронено там, а его изображение находится в нише южной стены. Олдхэм был одним из основателей колледжа Корпус-Кристи в Оксфорде, по приказу которого часовня была восстановлена несколько лет назад. Он положил оружие на стол — гулы, поднятый меч из бледно-серебряного цвета с навершием и рукоятью или, увенчанный двумя ключами в серебряной оправе последнего. Он был уроженцем Манчестера, основал там среднюю школу и занимал должность директора. По словам Хокера, он был человеком с очень методичными привычками. Обедал он регулярно в одиннадцать, а ужинал в пять. "Для обеспечения точности у него были домашние часы, которые отбивали время, и слуга, который присматривал за ними. Если бы важные дела помешали его светлости явиться к столу в назначенное время, слуга задержал бы бой часов до тех пор, пока не убедился бы, что его хозяин готов. Иногда, если его спрашивали, который час, он с юмором отвечал: "Как будет угодно вашей светлости", на что епископ улыбался и уходил".

Часовня Богоматери.—Было высказано предположение, что эта часовня находится на месте хора в старом соборе Леофрика. Самое раннее упоминание о нем содержится в акте епископа Бруэра 1237 года. Он был реконструирован Бронскомбом и Квивилом. Но "две стрельчатые арки с массивными опорами — полностью отличающиеся от любых других в соборе, отделяющие часовню от боковых приделов", хотя их лепнина была значительно изменена, чтобы соответствовать более позднему стилю, свидетельствуют о гораздо более ранней дате. Шахты сделаны из пербекского мрамора, а окна, расположенные так же, как и в нефе, содержат последнее импортируемое из-за границы стекло, за исключением стекла в трансептальных окнах, используемых в соборе. Следует обратить внимание на выступы в восточном заливе с эмблемами евангелистов и головой Христа. Искусно выполненное рeredo четырнадцатого века - работа Грандиссона. В центральной нише находилась фигура Богородицы, перед которой была подвешена лампа. Интересны сидилия и двойная писцина на южной стороне.

В часовне Пресвятой Богородицы находится несколько монументальных гробниц, представляющих интерес. Под арками, ведущими в боковые часовни, находятся изображения епископов Бронскома и Стаффорда.

Бронском умер в 1280 году, Стаффорд - в 1419 году; но с учетом симметрии, которая бросается в глаза в соборе, более раннее изображение Бронскома было поднято и снабжено новым балдахином, чтобы соответствовать могиле Стаффорда на противоположной стороне. Бронскомб находится на южной стороне, у входа в свою часовню Святого Гавриила, или с северной стороны от нее. Окраска изображения, должно быть, была необычайно великолепной, и даже остатки узоров не утратили своей красоты.

ПАМЯТНИК ЕПИСКОПУ БРОНСКОМБУ (ИЗ "ЭКСЕТЕРА" БРИТТОН, 1826).

Могила Стаффорда находится с северной стороны у входа в часовню Святой Марии Магдалины. Ему приходилось бороться с более суровыми врагами, чем старость, но, как ни шокирующе, несмотря на то, что чучело пострадало, оно все еще сохраняет что-то от своей первоначальной красоты и величия. Поза проста: руки епископа в перчатках сложены на груди в молитвенной позе. Лицо худое и аскетичное, его святая суровость становится более заметной благодаря богатой митре, венчающей голову. Складки халата уложены с непревзойденной простотой и мастерством. В "Маршруте" Лиланда сохранилась эпитафия епископа:

"Hic jacet Edmundus de Stafforde intumulatus,

Quondam profundus legum doctor reputatus,

Verbis facundus, Comitum de stirpe creatus,

Felix et mundus Pater hujus Pontificatus."

Могила сэра Джона и леди Доддридж. Сэр Джон Доддридж происходил из старинного девонширского рода, поскольку в 1285 году некто Уолтер Доддридж и его жена уступили декану и капитулу Эксетера право входа в замок из своего дома на Хай-стрит. Фуллер говорит о нем, что "трудно было сказать, кем он был лучше - художником, богословом, врачом или обычным юристом, хотя в своей общественной профессии он остановился на последнем". Он был вторым судьей Королевской скамьи и приобрел большую известность как судья строгой честности. Сэр Джон был трижды женат, леди, чье изображение здесь представлено, была его третьей женой, Дороти, дочерью сэра Эмиаса Бэмпфилда. Она умерла в 1615 году. Сэр Джон, ставший судьей Королевской скамьи, прожил до 1628 года. Он получил прозвище "сонный судья", потому что в суде всегда закрывал глаза, чтобы лучше сосредоточить свое внимание на деле. Памятник очень сложный, и если и не красивый, то

вполне заслуживающий внимания из-за своих технических качеств и вероятной точности его изображения. Платье леди Дороти Доддридж представляет собой хороший пример костюма; юбка расшита аютиными глазками и гвоздиками; оборка и манжеты украшены старинным девонширским "костяным кружевом". Без сомнения, оно было скопировано с одного из настоящих платьев леди.

С южной стороны часовни Пресвятой Богородицы находятся два самых интересных памятника ранних епископов. Направление на восток было приписано Варфоломею Искану (1161-84), но, по всей вероятности, оно представляет одного из его гораздо более ранних предшественников. Скульптура выполнена в почти архаичном стиле, митра низко опущена, лицо бородатое, а тип лица необычайно византийский. В левой руке он держит пастырский посох, острием которого пронзает крылатого дракона с головой сфинкса у его ног. В углах арки у гробницы изображены фигуры двух ангелов с кадильницами.

Другая гробница - Симона де Апулия (ум. в 1223 г.). Она сильно отличается от только что описанной. Большой прогресс, достигнутый в искусстве скульптуры, замечен по более человеческому характеру лица, которое чисто выбрито, и более умелому обращению с руками. Художник, похоже, тоже столкнулся с трудностями, поскольку епископская мантия и митра богато украшены драгоценными камнями, а листва и животные у его ног, хотя и обычные, выполнены с особой тщательностью.

ШИРМА СВЯТОГО. ЧАСОВНЯ Гавриила.

Епископ Питер Квивил (1291).—Этот надгробный камень в центре тротуара был восстановлен здесь в 1820 году по представлению мистера Джона Джонса из Франклина; крест и буквы были заново вырезаны по его указанию. Эпитафия гласит: "Петра тегит Петрум, нихиль официат сиби тетрум", и Уэсткотт в своем "Взгляде на Девон" пишет: "этот

стих был написан древним шрифтом, каждая буква отстояла друг от друга по меньшей мере на четыре дюйма; так что этот короткий стих занимал всю большую окружность, и мне стоило некоторого труда найти и прочитать его".

Безусловно, это один из самых интересных памятников в соборе; более того, его вполне можно считать самым интересным, поскольку он посвящен человеку, благодаря гению которого был создан весь великий замысел. Его простота заслуживает внимания. Но Квивилу не требовалось сложного погребения; сам собор является его величественным памятником, поскольку именно он основал...

"Храм более благородный, чем храм весталки..."

В христианский храм, к христианскому Богу".⁴

Часовня Святого Гавриила.—Эта часовня была преобразована епископом Бронском (1257-80). Своды были перекрашены в соответствии с древними тонами и узорами. В часовне находилось несколько памятников, но они были перенесены в другие части собора. Бронском преобразовал часовню, чтобы использовать ее для своего захоронения. Святой Гавриил был его покровителем, и он устроил празднование дня архангела с почестями, подобными Пасхе и Рождеству. В окнах есть несколько старых стекол. Обратите внимание на коленопреклоненную фигуру епископа со свитком: "О Святой Архангел Гавриил, ходатайствуй безвозмездно". Искусная реставрация южного окна с использованием кусочков старого стекла - один из самых счастливых результатов более поздних работ в соборе. Алтарная плита, отмеченная пятью крестами, по-видимому, использовалась в памятнике Леофрику, где она была найдена в прошлом веке. Его поместил сюда Дин Коуи.

Часовня Святой Марии Магдалины, впервые упоминается в рулонах ткани за 1284 год. Вероятно, изначально это была работа Маршалла, Бронском еще больше усовершенствовал ее, а Квивил полностью переделал. За исключением перпендикулярной ширмы, отделяющей его от северного придела, он датируется той же датой, что и часовня Пресвятой Богородицы. Северное окно - работа Бронкомба, а еще более изящное восточное окно, в котором много стекла начала пятнадцатого века, принадлежит Квивилу. Первоначально в часовне находился алтарь святого Иоанна Богослова и фигура Магдалины, поскольку в реестре епископа Лейси есть слова "extra vestibulum coram ymagine Sanctae Марии Магдалины". На полу часовни находится бронзовая медаль каноника Лэнгтона, датированная 1413 годом. Он был двоюродным братом епископа Стаффорда. Он изображен коленопреклоненным, одетым в богатейшую ризу и альбу, на которой изображен стаффордский узел. Его руки сложены в молитве. В эпитафии указана только дата его смерти и упоминаются его отношения с вышеназванным епископом.

В этой часовне также находится великолепный памятник сэру Гавейну Кэрю, его жене и их племяннику сэру Питеру. Она состоит из двух частей: на верхней изображены фигуры сэра Гавейна и его супруги, на нижней - более знаменитого племянника со скрещенными ногами - необычная поза для фигуры в столь поздней гробнице. Сэр Питер и его дядя принимали активное участие в подавлении восстания, охватившего западные графства в правление Эдуарда VI. Первый умер в Уотерфорде, Ирландия, в 1575 году. Сэр Питер Кэрю входил в королевскую комиссию 1552 года, которая вызвала декана и капитул во дворец епископа "немедленно и там, чтобы ответить на все требования и вопросы, касающиеся драгоценностей и других украшений вашего кафедрального собора".

В 1857 году памятник был великолепно отреставрирован членами семьи Кэрю, весь он был позолочен и раскрашен.

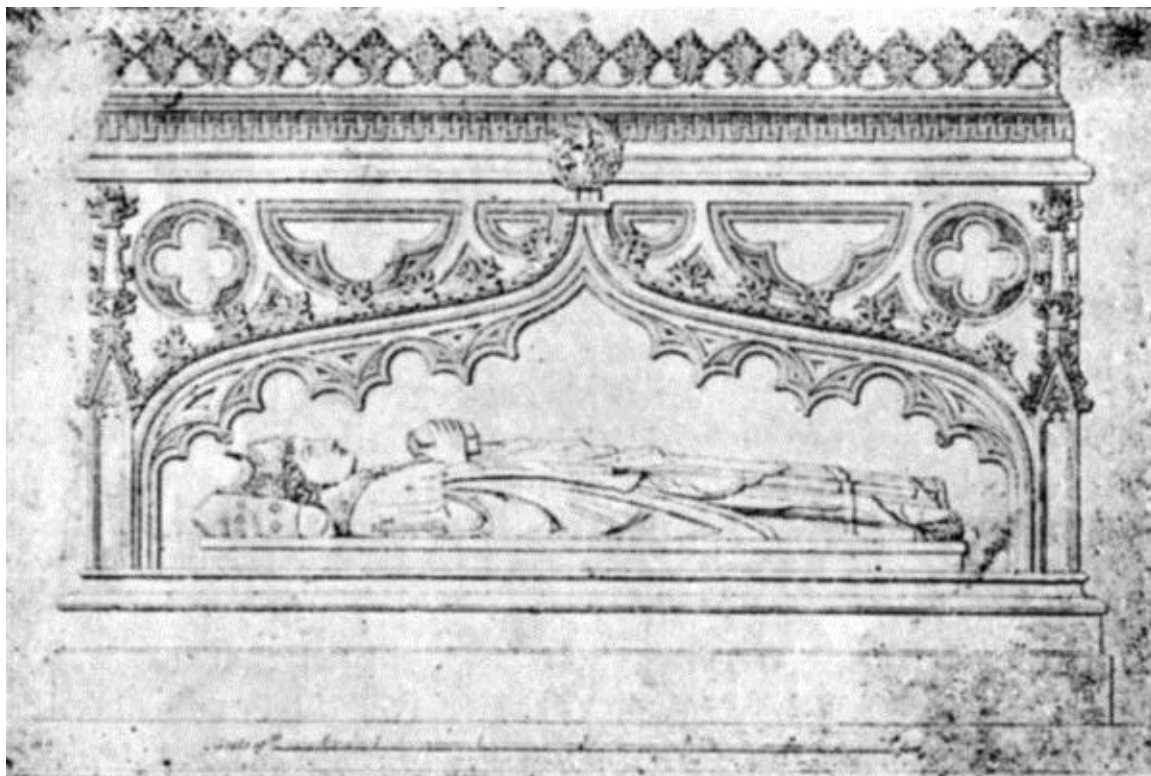
НАДГРОБИЯ НА ХОРАХ И ПРИДЕЛАХ К ХОРАМ.

Первая могила, на которую обращают внимание с северной стороны хоров, - это могила убитого епископа Стэплдона. Балдахин был предусмотрительно отреставрирован в начале века. Из-под него виднеется огромное изображение Христа с пронзенными руками, поднятыми для благословения. Израненные ноги стоят на сфере, возможно, символизирующей Его власть над миром, и незначительный земной царь в алых одеждах, кажется, находит убежище в тени Спасителя. Под балдахином находится фигура епископа, сжимающего посох в левой руке и книгу в правой. Ключи на его рукаве символизируют герб престола. Над памятником на экране хора изображен герб епископа, а над могилами Лейси и Маршалла соблюден тот же план. Этот экран был установлен примерно в конце четырнадцатого века.

Ниже сакрариума, на севере, находятся могилы епископа елизаветинской эпохи Уильяма Брэдбриджа и епископа Лейси (1420-55). На экране можно увидеть, как его руки "Стерты головы трех лопатников" работают над этим. С гробницы снята медь, которая когда-то украшала ее - говорят, ее забрал декан Реформации Саймон Хейс (который также разорил часовню Святой Радегунды), потому что паломники приходили к могиле Лейси и считали его святым.

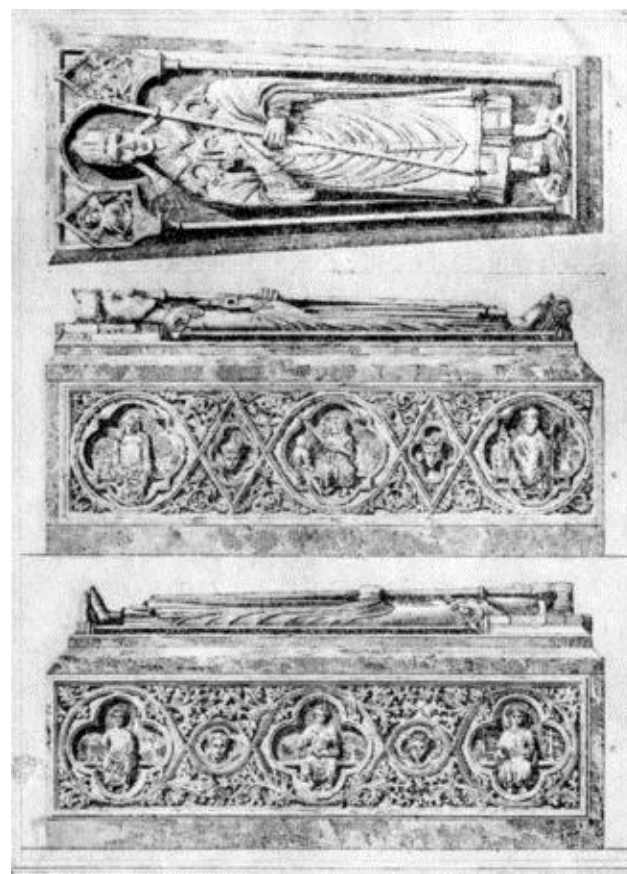
Следующая гробница, Маршалла, представляет особый интерес, и, к сожалению, хорошего обзора добиться нелегко. Специалист отметил, что орнамент на ризе почти уникален и напоминает листву на ранних английских работах. Особенно интересны медальоны сбоку.

На западе, недалеко от церкви Спик, находится замечательный памятник, обычно считающийся могилой сэра Ричарда де Стэплдона, старшего брата великого епископа, трагическую смерть которого мы уже описывали в первой главе этой книги. Он был юристом и одним из судей его Величества. Причудливое описание его могилы принца стоит процитировать полностью: "В нише в стене установлен памятник в его память, представляющий его Фигуру, высеченную из камня сидящей верхом на лошади; где также вырезан калека, держащийся за переднюю ногу своей лошади: что, по-видимому, подтверждает Традицию, согласно которой некий Калека, когда сэр Ричард въезжал в Лондонский сити со своим Братом, лежащим у ворот, ухватился за одну из передних ног своей Лошади и, перекрестив ее, сбросил Лошадь и Всадника на Землю; таким образом, он был ранен". вскоре был убит; и что с этого момента это место получило название Калека-гейт, которое оно сохраняет по сей день". Жаль, что столь причудливая история принадлежит к области легенд, поскольку нет никаких существенных доказательств ее правдивости.

МОГИЛА ЕПИСКОПА СТЭПЛДОНА.

Следующий памятник с этой стороны - изможденная фигура, или *Memento Mori*, ужасный стиль, популярный в пятнадцатом веке. Возможно, он предназначался для кенотафа епископа Боте, надпись наверху которого почти стерта и совпадает с надписью на его меди в церкви Ист-Хорсли, графство Суррей, где он похоронен.

**ПАМЯТНИК ЕПИСКОПУ МАРШАЛЛУ
(ИЗ "ЭКСЕТЕРА" БРИТТОН, 1826).**

Памятник Энтони Харви из Коломб-Джона не представляет большого интереса, поскольку плохо спроектирован. Его дата - 1564 год. Харви был управляющим аббатствами Хартленд, Бакленд и Ньюенхэм в то время, когда религиозные дома были подавлены. Говорят, что он накопил очень значительное состояние; ибо, в дополнение к прибыли, полученной от разграбления вышеупомянутых монастырей, он получил от Генриха VIII значительные земли, принадлежащие аббатству Тьюксбери, которые он продал, вероятно, с наибольшей выгодой, кредитноспособному суконщику. Харви был связан с семьей Кэрю через брак своей дочери и наследницы с Джорджем Кэрю, деканом Эксетерского университета, печально известным плюралистом. Их сын, внук Харви, получил титул графа Тотнеса, но умер, не оставив потомства.

В западном конце южного придела находится памятник епископу Гэри (1621-26) и настенная табличка в память о Роберте Холле, старшем сыне епископа Холла и казначее собора. Ему Эксетер в вечном долгу благодарности, ибо, когда город сдался Фэрфаксу в 1646 году, он снял Епископский трон и спрятал его (закопал согласно местной традиции), а после реставрации смог вновь установить на своем надлежащем месте самый великолепный епископский трон в Англии.

Ни изображение епископа Коттона (1621), ни ангел, покоящийся на саркофаге епископа Уэстона — типичном грузинском памятнике, — не обладают особыми достоинствами. Статуя Флаксмана генералу Симкоксу, герою Королевских рейнджеров в Американской войне, является единственным другим заметным монументальным достижением в южном проходе хора.

Говорят, что Петр, или Большой колокол, из Эксетера был подарком епископа Кортни. Это мнение вызывает много споров, поскольку рулоны ткани показывают, что во времена Эдуарда II здесь были колокола. Уже в 1351 году есть запись в *бсекунд*. для починки колокола Петра. Снова в 1453 году, за двадцать пять лет до того, как Кортни был назначен епископом, упоминается о трате двадцати пенсов "на una bauderick pro Maxima Campana в Кампанили Бореали". Оливер, однако, остро отмечает, что эта последняя запись датирована тем самым годом, когда Кортни был назначен архидьяконом Эксетера, и предполагает, что "по этому случаю он, возможно, преподнес такие ценные подарки". 5 ноября 1611 года колокол был поврежден, но в 1676 году его отлили заново. Его предполагаемый вес составляет 12 500 фунтов. Если это верно, то это второй по величине колокол в Англии. Большой Том из Церкви Христа в Оксфорде весит более 5000 фунтов. тяжелее, но он легко превосходит других своих конкурентов, Тома из Линкольна и Большого колокола собора Святого Павла, которые весят соответственно 11 296 фунтов. и 8 400 фунтов.

Здание капитула находится в южном конце трансепта за Часовней Святого Духа. Нижняя часть зала представляет собой оригинальное здание начала тринадцатого века, между 1224 и 1244 годами, а лицевая сторона стены украшена раннеанглийскими аркадами, разделенными изящными шахтами. Вероятно, у этого здания была каменная сводчатая крыша. Лейси усилила его, добавив высокие перпендикулярные окна; и все это завершается богатой балочной крышей, частично работы епископа Боте (1465-78), чей герб с изображением Лейси нарисован на нем (см. стр. [13](#)). Восточное окно, недавно отреставрированное, украшено множеством гербов на старинном стекле. Среди них австрийский орел, расквартированный со львом Богемии, напоминающий нам, что Ричард, граф Корнуолла, брат Генриха III и лорд замка Ружмон в Эксетере, был около 1260 года избран римским королем, таким образом ассоциируя Эксетер с высшей светской наградой, известной тогда Европе.

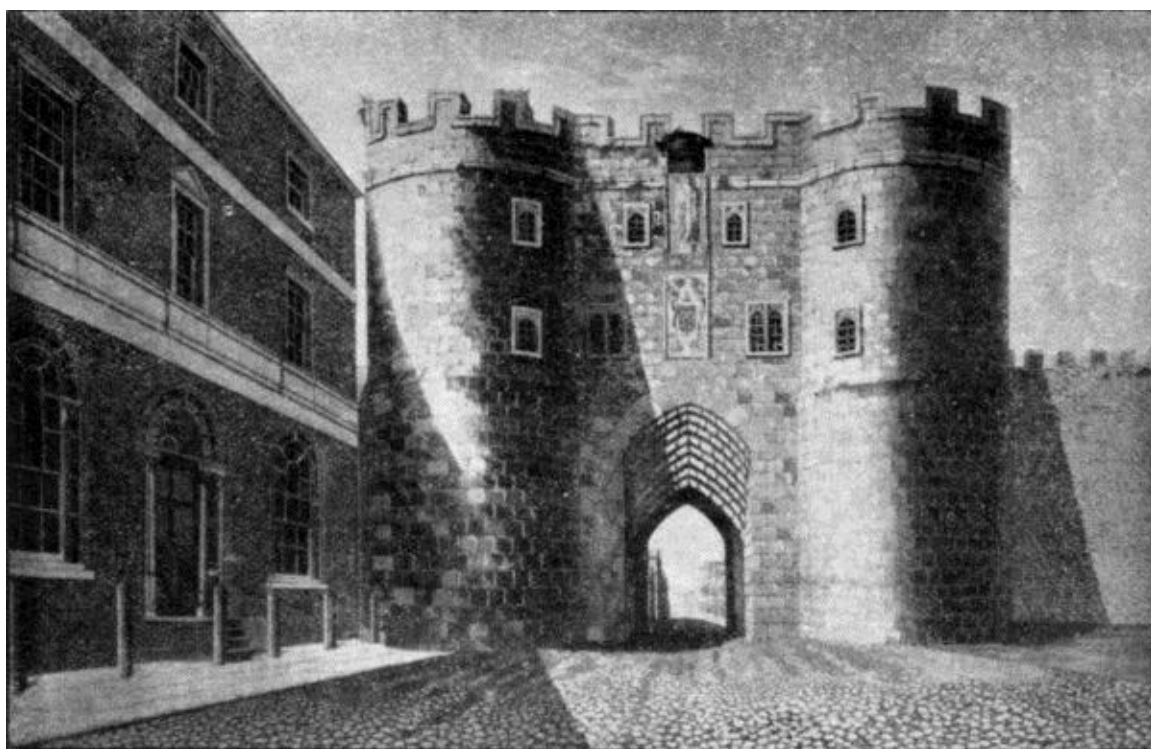
Монастырь.—Архидьякон Фримен считает, что первоначально монастырь "был ограничен восточной стороной, как необходимое сообщение между домом капитула и большой южной дверью нефа". Во времена Стэплдона было проявлено желание расширить этот монастырь; и в 1323 году есть запись о том, что для перекрытия монастыря были вырезаны восемь голов. В рулонах ткани есть записи, свидетельствующие о том, что работа по изготовлению проходила с определенной активностью и значительной дешевизной. Вот несколько интересных выдержек:

"Двадцать пять лошадиных повозок песка для монастыря, 9d. Тысяча рейковых гвоздей и лечебных булавок для do. S. Clifford sculpanti 18 страниц 3/9: 10 do. 2/-."

К 1342 году работы, вероятно, были завершены на севере, а сорок лет спустя все должно было быть завершено целиком. Говорили, что старый монастырь уступал монастырям Вустера и Глостера. Но они, должно быть, имели немалые заслуги, если реставрация мистера Пирсона действительно представляет собой, в чем почти нет сомнений, старое строение.

Любопытно, что монастырь, безусловно, наименее оскорбительная и не самая красивая часть собора, так сильно пострадал от рук пуритан. Ибо в целом сам собор отделался лишь небольшими повреждениями. Профессор Фримен, обсуждая предполагаемое осквернение,

которому подверглись святые Мария и Петр после вступления Фэрфакса и его армии в город, пишет так: "Отчет в Mercurius Rusticus, который придал моду распространенной истории, полностью не соответствует действительности". Далее он добавляет: "Согласно этой истории, какой-нибудь солдат-фанатик действительно мог отрубить голову королеве Елизавете, приняв ее за Богоматерь. Но в то время не было массовых увечий или осквернения. И в Эксетере одна из форм увечий, которая особенно затронула западный фронт, была делом рук не врагов, а преданных. Испокон веков сельские жители, приезжавшие в город, любили приносить домой камень Петра для исцеления своих недугов". Справедливо будет добавить, что архидьякон Фримен совершенно иным языком описывает результат оккупации пуританами, но, хотя декоративные части монастыря, возможно, пострадали, мы не можем объяснить исчезновение внешних стен без более веской причины для их разрушения. Следует, однако, отметить, что в пятнадцатом веке декан и капитул горько жаловались на поведение мальчиков из Эксетера, которые играли в "незаконные игры в качестве *toppe, queke, penny pryke* и *most atte tenys*" в монастыре, в результате чего они были "очищены от загрязнений и все стеклянные окна разбиты". Но в то время собор и муниципальные власти были далеки от дружелюбия друг к другу. Доктор Оливер в свое время писал о руинах, что они "исчезли, за исключением части рифленой колонны в западном углу столярной мастерской". Из обломков были построены маленькие и убогие домики. 30 октября 1657 года нам дается намек на то, что, возможно, означало это бессмысленное разрушение. По-видимому, территория, выделенная для "удобства прилежных и созерцательных", была признана ценной в качестве рыночной площади, поскольку в указанный выше день было приказано провести в этом месте "пятничный рынок тканей для одежды и других драпировок". Однако коммерция торжествовала недолго, поскольку всего три года спустя покупатели и продавцы вернулись на Саут-стрит.

ВОСТОЧНЫЕ ВОРОТА, СНЕСЕННЫЕ В 1784 ГОДУ.

Большое количество выступов и резьбы оригинальной конструкции, обнаруженных во время недавних раскопок, были умело использованы мистером Пирсоном при реставрации.

Над монастырем находится библиотека, содержащая 8000 томов, многие из которых были завещаны покойным канцлером Харрингтоном.

Закрытие.— Это было важным дополнением ко всем соборам в дни, последовавшие за завоеванием. Мы видели, что по крайней мере однажды кафедральный собор Эксетера подвергся серьезной бомбардировке, в результате чего северная башня местами значительно отличается от южной. Таким образом, мы можем предположить, что церковь предназначалась для использования, при необходимости, в качестве крепости; но поскольку это было и нечто совсем иное, этой необходимости скорее избегали, чем поощряли. Поэтому было принято отделять церковь от мира стенами и воротами проверенной прочности. Это защищенное таким образом пространство образовывало внешнюю крепость, на которую волей-неволей должны были быть направлены атаки врага в первую очередь. Это полностью возложило на духовенство защиту своей собственной церкви, задачу, которую они были вполне способны выполнить с честью; ибо Мэтью Пэрис рассказывает нам об одном епископе Эксетера, Бруэре, что он проявлял активность как "духовную, так и мирскую" в Святой Земле. Оборона города, защита священного здания, обеспечиваемая таким образом, была делом капитанов и латников. Стены и ворота замка исчезли, не оставив и следа своего существования. Однако одна привилегия все еще преследует это место — корпорация не имеет над ним юрисдикции.

В конце северной части собора установлена статуя Ричарда Хукера, теолога (1553-1600), автора книги "Законы церковного устройства". "Благоразумный Хукер" родился в Эксетере и приходился племянником Джону Воуэлу по прозвищу Хокер, камергеру и историку города.

Кафедральная библиотека была основана самим Леофриком. Одной из главных причин, по которой он перевел епархию из Кредитона в Эксетер, был его страх, что ценные книги, которые он собрал, в любой момент могут быть уничтожены налетчиками в незащищенном городе.

Когда в начале семнадцатого века сэр Томас Бодли, сам уроженец Эксетера, основал Бодлианскую библиотеку в Оксфорде, декан и капитул Эксетера подарили ей большое количество книг и рукописей, многие из которых принадлежали Леофрику. К счастью, один том остался в Эксетере, не замеченный владельцами, которые тогда не знали о его ценности, возможно, и о самом его существовании. Этот том, "Эксетерская книга", является величайшим сокровищем, которым обладают декан и Капитул, поскольку представляет собой англосаксонскую рукопись, содержащую почти треть всей известной англосаксонской литературы. Содержание включает "Христа Киневульфа", поэму о жизни Господа нашего; несколько легенд о святых; и причудливый сборник загадок и шуток. Чернила на нем, которым почти тысяча лет, такие же свежие, как если бы его написали совсем недавно.

Как уже упоминалось, комната для пожертвований раньше располагалась над часовней Святого Андрея. Позже библиотека была размещена в часовне Богоматери, а оттуда перенесена в здание капитула. Ближе к концу прошлого века каноник Кук и канцлер Харрингтон завещали свои ценные библиотеки декану и капитулу, и, чтобы разместить книги, декан Коуи отреставрировал южную часть монастыря и построил над ней новую библиотеку.

Здесь можно увидеть "Эксетерскую книгу", "Эксетерский судный день", "Ординал Грандиссона", "Папский собор Лейси" и другие прекрасные примеры иллюминирования. Также оригинальная хартия Эдуарда Исповедника о назначении Леофрика епископом

Эксетера, подписанная королем и королевой, графом Годвином и известной группой саксонских танов.

Среди печатных книг - Первое издание Шекспира и запечатанный молитвенник короля Карла II.

Библиотека открыта для публики после заутрени по вторникам и пятницам.

Дворец - это здание, настолько тесно связанное с кафедральным собором, что требует краткого ознакомления. В нем находится часовня Святой Марии, которая, по-видимому, часто использовалась вместо собора для проведения епископских церемоний. В его стенах часто проводились службы по рукоположению. Первоначально он был построен для того, чтобы там можно было проводить службы за упокой душ умерших епископов Эксетера. Оливер цитирует документ, в котором приход Олвингтона призван выплачивать исполняющему обязанности капеллана ежегодную сумму в размере четырех марок, а приход Харбертона - двух. Эта часовня, ныне отреставрированная, используется в хозяйственных целях. Но когда-то это явно считалось относящимся к собору, поскольку декан и капитул в праздник Святой Веры подарили ему пару восковых свечей. Brantyngham, in 1381, mentions the "fructus et proventus cantariae infra Palatium nostrum Exonie, pro animabus predecessorum nostrorum ipsius fundatorum." Старый вход находился под большой аркой, и зубчатые стены, с милостивого разрешения королевской семьи, окружали его целиком. В большом зале устраивались пиры для 100 бедняков, но сейчас дворец лишен значительной части своего величия. Церковные комиссары в 1845 году решили перестроить и отремонтировать то, что осталось.

ЕПИСКОПСКИЙ ДВОРЕЦ.

ЕПАРХИЯ ЭКСЕТЕРА.

Здесь кратко приводится хронологический список епископов епархии, начиная со времен Леофрика, когда резиденция епископства была перенесена из Кредитона, и заканчивая нашими днями, когда епархия Труро была выделена из епархии Эксетера, поскольку более заметные обладатели престола уже упоминались в первой главе.

Леофрик (1046-1072). В 1050 году епархия была выведена из состава Кредитона и основан новый престол Эксетера.

Осберн (1072-1103). В этот период в здании не производилось никаких изменений. Епископом восхищались за его "простоту английских манер и привычек", поскольку, несмотря на нормандское происхождение, он получил образование в Англии.

Уильям Уорлваст (1107-1136), племянник Вильгельма Завоевателя, начал сносить Саксонскую церковь. К нему можно отнести башни, хоры, апсиду и неф нормандского здания. История о его слепоте и о том, что его отправили с посольством в Рим, опирается на довольно слабые источники.

Роберт Чичестер (1138-1155) был переведен из благочиния Солсбери в совет Нортгемптона. Он продолжил работу Warelwast.

Роберт Уорлваст (1155-1160) был племянником бывшего епископа с таким именем.

Бартоломей Искан (1161-1184), уроженец Эксетера, был скромного происхождения. Говорят, что он был врагом Бекета и был назван папой Александром III. "светилом английской церкви".

Джон Чаунтер (1186-1191) продолжил строительство, которое было приостановлено во время последнего епископата.

Генри Маршалл (1194-1206), брат графа Пембрука, маршала Англии, получил повышение из Йорка, в соборе которого он был настоятелем. Он завершил строительство зданий, спроектированных во время первой войны. Ему мы обязаны часовней Пресвятой Богородицы, большим хором, северным крыльцом, дверным проемом в монастырь и шестью часовнями. Он присутствовал на коронации короля Ричарда в Винчестере в 1194 году и на коронации Джона в 1199 году.

Simon de Apulia (1214-1223). Но об этом епископе мало что известно. Он присутствовал на коронации Генриха III в Глостере, когда королю было десять лет. Ему также приписывают установление границ городских приходов. Его могила находится в часовне Пресвятой Богородицы.

Уильям Брюэр (1224-1244) служил регентом Эксетера до того, как стал епископом. Ему причитается здание капитула и партер в старом хоре. В течение пяти лет он находился в Святой Земле, и Мэтью Пэрис пишет о его энергии и неутомимой преданности делу удовлетворения нужд своих соотечественников.

Ричард Блонди (1245-1257). По словам Хокера, этот епископ был сыном Хилари Блонди, мэра Эксетера в 1227 году.

Уолтер Бронескомб (1257-1280), уроженец Эксете́ра, был произведен в дьяконы только тогда, когда был избран епископом. Он восстановил часовни Святого Гавриила, святой Марии Магдалины и святого Иакова. Он также основал колледж в Гласни и восстановил "истеблишмент Кредитона" во многом в его былом великолепии.

Питер Квивил (1280-1291) родился в Эксете́ре и был *протеже* компании Bronescombe's. Его первым назначением был пост архидиакона собора Святого Давида, откуда он был назначен епископом своего родного города. Именно он спроектировал украшенный собор и преобразовал трансепты с часовнями, восточный пролет нефа и часовню богоматери.

Томас де Байтон (1292-1307) продолжил работу Квивила, преобразив хоры и их нефы. Он был уроженцем Глостершира и занимал должность декана Уэллсского университета. Папа Бонифаций VIII, три архиепископа и пять епископов даровали индульгенцию сроком на сорок дней всем, кто должен был молиться о его процветании. Правила, которые он установил для управления коллегиальной церковью в Кредитоне, получили всеобщее одобрение.

Уолтер де Стэплдон (1308-1326) был профессором канонического права в Оксфорде и капелланом папы Климента V. Он был убит лондонской толпой. Преобразованные трансепты хоров - его работа, и он установил экран для органа, епископский трон, и седилию. Во время его епископства также были заложены монастыри.

Джеймс Беркли (1326-1327), архидьякон Хантингдона и внук Уильяма де Феррерса, графа Дерби, скончался через несколько недель после своего посвящения.

Джон Грандиссон (1327-1369) родился в Херефордшире, в хорошей семье. Его долгое пребывание на престоле - одна из самых запоминающихся глав в истории Эксете́ра. Смертельная черная смерть произошла во время его епископства в 1348-1369 годах. Он унаследовал преобразующее рвение своих предшественников и наложил свою печать на шесть западных пролетов нефа, большие западные окна, своды и проходы. Он достроил северный монастырь.

Томас Брэнтингэм (1370-1394) получил образование при дворе Эдуарда III и был каноником Эксете́ра, когда был избран епископом. Он был постоянным советником короля и был освобожден от своих обязанностей в тайном совете и парламенте только тогда, когда из-за преклонного возраста они стали ему надоедать. Он был очень занят всеми делами епархии, но нашел время для завершения строительства монастырей, восточного окна и западного фасада.

Эдмунд Стаффорд (1395-1419) происходил из очень знатной семьи. Он был каноником Йорка, когда папа Бонифаций IX возвел его на престол Эксете́ра. Некоторое время он служил королю в качестве лорда-верховного канцлера. Кэмпбелл оскорблял его в своих "Жизнеописаниях лорд-канцлеров Англии", но, похоже, нет никаких сомнений в том, что он заслужил репутацию образованного, серьезного и мудрого человека, которого "вообще очень хорошо считали среди всех людей". Ему приписываются балдахины над гробницами в часовне Пресвятой Богородицы.

Джон Кеттерик или **Каттерик** (1419) умер во Флоренции через месяц после своего назначения.

Эдмунд Лейси (1420-1455), составитель службы в честь архангела Рафаила, оставил репутацию святого, и к его могиле долгое время совершались паломничества. По словам каноника Фримена, он возвел здание капитула и застеклил окна нефа.

Джордж Невилл (1458-1465) был сыном графа Солсбери. Он был канцлером Оксфорда, и ему было всего двадцать четыре, когда он стал епископом. Хотя в течение нескольких лет был лордом-верховным канцлером и переведен в Йорк, он умер в позоре и сравнительной бедности.

Джон Боте (1465-1478) был сыном чеширского рыцаря. Ему часто, но ошибочно, приписывали роль дарителя трона. С большей уверенностью крыша здания капитула была признана его работой.

Питер Кортни (1478-1486), сын сэра Филипа Кортни из Паудерхэма, был архидиаконом Эксетера и Уилтшира и деканом Виндзора и Эксетера, прежде чем был назначен епископом Эксетера. Он присутствовал на коронации Ричарда III, но, тем не менее, был переведен Генрихом за его заслуги в епархию Винчестера.

Ричард Фокс (1487-1491), следующий епископ, пользовался большим уважением Генриха VII, которого он некоторое время представлял в качестве посла при шотландском дворе. Он организовал предварительные приготовления к браку дочери Генриха Маргарет с Яковом IV. Его перевели в Бат и Уэллс, затем в Дарем и, наконец, в Винчестер. Говорят, что он отказался от сана архиепископа Кентерберийского, которое его крестник Генрих VIII очень хотел, чтобы он принял.

Оливер Кинг (1492-1495) был епископом Эксетера лишь короткое время, будучи переведенным в Бат и Уэллс. Он начал строить церковь аббатства в Бате, но не дожид до того, чтобы увидеть большую ее часть завершенной.

Ричард Редман (1496-1501) был переведен в Эксетер из Сент-Асафа. Он оставил престол, став епископом Эли.

Джон Аранделл (1502-1503) был переведен с кафедры Личфилда и Ковентри. Он был известен своей доброжелательностью и гостеприимством. Он умер, едва пробыв два года во владении западным епископством.

Хью Олдхэм (1504-1519) происходил из древнего ланкаширского рода. Большой и процветающий промышленный город в этом округе носит его имя. Он основал грамматическую школу в Манчестере и, достигнув высокого положения, прославился на весь запад Англии своей ученостью и благочестием.

Джон Веси (Харман) (1519-1551). В первой главе приводится подробный рассказ об этом епископе.

Майлз Ковердейл (1551-1553) был известным реформатором и переработал перевод Библии, сделанный Тиндейлом. Он не пользовался популярностью в епархии и после восшествия на престол королевы Марии был лишен своего престола, к великому удовлетворению своей паствы.

Джеймс Тербервиль (1555-1559) был лишен своей кафедры из-за отказа признать церковное превосходство Елизаветы. Он был популярен на западе Англии, где Реформацию поначалу искренне не любили.

Уильям Аллейн (1560-1570). Оливер пишет фамилию Аллей. Епархия была теперь настолько бедна, что он был вынужден сократить число каноников с двадцати четырех до девяти. Только приняв ректорство в Хонитоне, сам епископ смог поддержать достоинство своей должности. Он был автором нескольких религиозных книг, имевших значительную популярность в свое время.

Уильям Брэдбридж (1570-1578), как говорят, спекулировал в основном сельскохозяйственными угодьями и умер должником на крупную сумму, включая 1400 фунтов стерлингов, причитающиеся королеве Елизавете. Помимо этого, о нем мало что известно, за исключением того, что он жил в Ньютон-Феррерсе, где *пользовался почетом*, что, должно быть, доставляло его духовенству большие неудобства.

Джон Уолтон (1579-1594). Во время епископства Уолтона доходы капитула были восстановлены, корона оставляла за собой сумму в размере 145 фунтов стерлингов ежегодно. Священники-викарии также получили обратно от королевы большую часть своего имущества.

Джервейз Бабингтон (1595-1597) был переведен из Лландаффа. Он оставался в Эксетере недолго. Похоже, он был фаворитом королевы, которая воспользовалась первой возможностью, чтобы продвинуть его на богатый престол Вустера.

Уильям Коттон (1598-1621).

Валентайн Кэри (1621-1626) был магистром колледжа Христа в Кембридже и деканом собора Святого Павла.

Джозеф Холл (1627-1641) был настоятелем Вустера, когда был назначен епископом Эксетера. Он был известным теологическим писателем и был переведен в Норвич в 1641 году. Там он подвергся многочисленным незаслуженным преследованиям, которые переносил мужественно, хотя жестокое обращение с ним врагов убило его.

Ральф Браунригг (1642-1659), магистр церкви Святой Екатерины в Кембридже, был епископом в смутные времена. Ему пришлось удалиться в дом друга в Беркшире. Он был избран проповедником Храма и похоронен за счет гостиницы.

Джон Годен (1660-1662) был мастером Храма. Его титул на известность - как предполагаемого автора книги "**ΕΙΚΩΝ ΒΑΣΙΛΙΚΗ**". Будучи первым епископом, назначенным после Реставрации, его прибытие в Эксетер было с радостью встречено лояльными гражданами. Но он, похоже, не был привлекательным человеком и чрезмерно стремился к богатству. Его перевели в Вустер, когда его жалобы на бедность достигли ушей короля.

Сет Уорд (1662-1667) уже был популярен на посту декана, когда сменил Годена на посту епископа. Он очистил собор от мелких торговцев, осквернявших его территорию, и подарил своей церкви лучший орган, известный тогда в Англии. Он был переведен в Солсбери и стал канцлером ордена Подвязки. Он приобрел завидную репутацию за свой здравый смысл, набожность, ученость и щедрость.

Энтони Спарроу (1667-1676) был магистром Королевского колледжа в Кембридже, когда был рукоположен в епископа. Космо III. посещал Эксетер во время своего пребывания в епархии.

Томас Лэмплаф (1676-1688), по-видимому, был умным политиком. Выразив свою лояльность Якову II, когда Уильям высадился в Торбее, он был назначен архиепископом Йоркским; после этого он активно поддерживал принца Оранского. "Милорд, вы настоящий старый кавалерист", - таково было приветствие короля. Хочется надеяться, что воспоминание об этих словах беспокоило архиепископа в течение трех лет его пребывания в незаслуженном сане.

Джонатан Трелони (1689-1707) происходил из знаменитой корнуолльской семьи. Как епископ Бристоля он уже был знаменит, поскольку был одним из семи епископов, суд над которыми и оправдательный приговор ускорили падение последнего короля Стюартов. Его перевели в Винчестер. Популярный припев, основанный на стихах знаменитого священника Хоукера из Морвенстоу, хранит память о нем в западных графствах.

Отпрыск Блэкболла (1708-1716) был в основном и заслуженно известен как организатор благотворительных школ.

Ланселот Блэкберн (1717-1724). Об этом епископе мало что известно. В 1724 году он был переведен в архиепископство Йоркское.

Стивен Уэстон (1724-1742). Теперь епископские реестры впервые велись на английском языке. Его долгое правление, по-видимому, не было отмечено никакими событиями и, вероятно, поэтому было полностью успешным.

Николас Клаггетт (1742-1746) был переведен из Сент-Дэвидса.

Джордж Лавингтон (1747-1762).

Фредерик Кеппел (1762-1777), сын графа Албемарла, был каноником Виндзора, когда был назначен епископом Эксете́ра.

Джон Росс (1778-1792).

Уильям Буллер (1792-1796), происходивший из старинной семьи с запада, получил повышение из Кентерберийского благочиния.

Генри Реджинальд Кортни (1797-1803), переведенный для этой кафедры из Бристоля.

Джон Фишер (1803-1807) был наставником герцога Кентского, отца королевы Виктории. Он был переведен в Солсбери в 1807 году.

Джордж Пелхэм (1807-1820) был переведен из Бристоля. После того, как, по словам Оливера, "в течение тринадцати лет он ожидал более высокого положения", его повысили до Линкольна.

Уильям Кэри (1820-1830), директор Вестминстерской школы. Когда он пробыл в Эксетере десять лет, его перевели в Сент-Асаф - любопытное отклонение от обычного порядка действий. Ибо, хотя валлийское епископство часто приводило к английскому, переход из Эксете́ра в Сент-Асаф вряд ли мог быть "предпочтением" в обычном смысле.

Кристофер Бетелл (1830-1831). Эксетер и для этого епископа был всего лишь ступенькой между Глостером и Бангором.

Генри Филпоттс (1831-1868) был самым известным епископом, занимавшим престол в этом столетии. Он восстановил дворец, который пришел в упадок. Он энергично относился к

делам своей епархии, был прирожденным правителем людей и выдающимся ученым. История его епископства - хорошо известная глава для изучающих церковную историю первой половины правления королевы.

Фредерик Темпл (1869-1885), главный мастер регби в 1858-1869 годах; епископ Эксетерский в 1869 году; переведен в Лондон в 1885 году и в митрополию Кентерберийскую в 1896 году.

Эдвард Генри Бикерстет (1885-1901) был настоятелем Глостера, когда был назначен епископом. Ушел в отставку.

Герберт Эдвард Райл (1901-1903) переведен в Винчестер. Сложив с себя полномочия епископа Винчестерского, он стал деканом Вестминстера.

Арчибальд Робертсон (1903-1916). Ушел в отставку.

Руперт Эрнест Уильям Гаскойн Сесил (1916-).

СТАРЫЕ ДОМА На ФОР-СТРИТ

ЗАМОК РУЖМОН И РАТУША.

Рассказывают, что когда Гита бежала к реке, а Вильгельм Завоеватель прошел через восточные ворота города, заявив, что это его награда, он пообещал горожанам их жизни, имущество и конечности. Но, хотя он строго придерживался своего обещания и заботился о том, чтобы его победоносные солдаты не грабили и не оскорбляли жителей, он хорошо осознавал высшую ценность своей победы. Взятие Эксетера было практически захватом всей западной Англии. Поэтому он решил сделать свою позицию неприступной и с этой целью приступил к строительству замка на Красной горе. Задача была несложной: нормандским инженерам не было особой нужды демонстрировать свою особую изобретательность. Природа сделала многое, и к ее работе бритты, римляне и англичане вносили дополнения. Как выразился профессор Фримен: "Склон холма был готов, ров был вырыт". Болдуин де Молл был назначен суперинтендантом и комендантом, и он так хорошо выполнил возложенное на него доверие, что в течение года замок был построен, и жители Корнуолла и Девона тщетно атаковали его стены. Возможно, потому, что Вильгельм был милосердным завоевателем, не грабившим и плохо использовавшим горожан, возможно, потому, что горожане были напуганы, зная, что справедливый человек силен и его рука тяжела в гневе, осаждающие не нашли помощи за городскими стенами. Отныне Эксетер принадлежал королю.

Любопытный пример его лояльности был продемонстрирован в смутные дни правления короля Стефана. Граф Болдуин, по общему мнению, жестокий человек, поднял оружие против короля. Стефан потребовал, чтобы замок был сдан. В ответ граф запасся провизией и во главе своих сторонников патрулировал улицы города, угрожая отомстить тем, кто воспротивился его воле. Стефан, быстро извещенный своими верными гражданами об этих буйных деяниях, послал двести рыцарей противостоять мятежнику. Позже он пришел сам, и замок был плотно осажден. После трех месяцев тяжелых боев колодцы в замке вышли из строя. Лишенный воды, Болдуин, который был достаточно храбр, заменил ее вином, используя его как для приготовления пищи, так и для тушения пожаров. Но в конце концов король одержал победу и, не вняв мудрому совету своего брата Генриха Винчестерского, позволил сторонникам Болдуина "уйти со своим имуществом и следовать за тем лордом, за которым они пожелают".

В 1483 году Ричард III, опасаясь, что запад поддержит притязания Генриха, графа Ричмонда, поспешил в Эксетер. Его вежливо приветствовал Джон Эттвилл, мэр. Но его приезд был не слишком желанным, и его поведение не способствовало веселью жителей. В его свите был лорд Скруп, в чьи обязанности входило судить мятежников. Однако никого найти не удалось, кроме шурина короля Сент-Леджера и его оруженосца Джона Рэма. Ричард, тем не менее, был полон решимости вселить ужас в сердца всех, кто колебался в своей верности. Итак, оба человека были обезглавлены в Карфаксе. Покончив с этим, король занялся изучением окружающей местности и тщательно отметил город и замок. Военная мощь Ружмона понравилась ему, хотя название - нет. Некоторые говорят, что акцент вест-кантри придавал ему звучание Риджмаунта, слишком близкое к титулу его соперника. Этот инцидент упоминается Шекспиром в следующих хорошо известных строках:

- Ричмонд! когда я в последний раз был в Эксетере,

Мэр из вежливости показал мне замок,

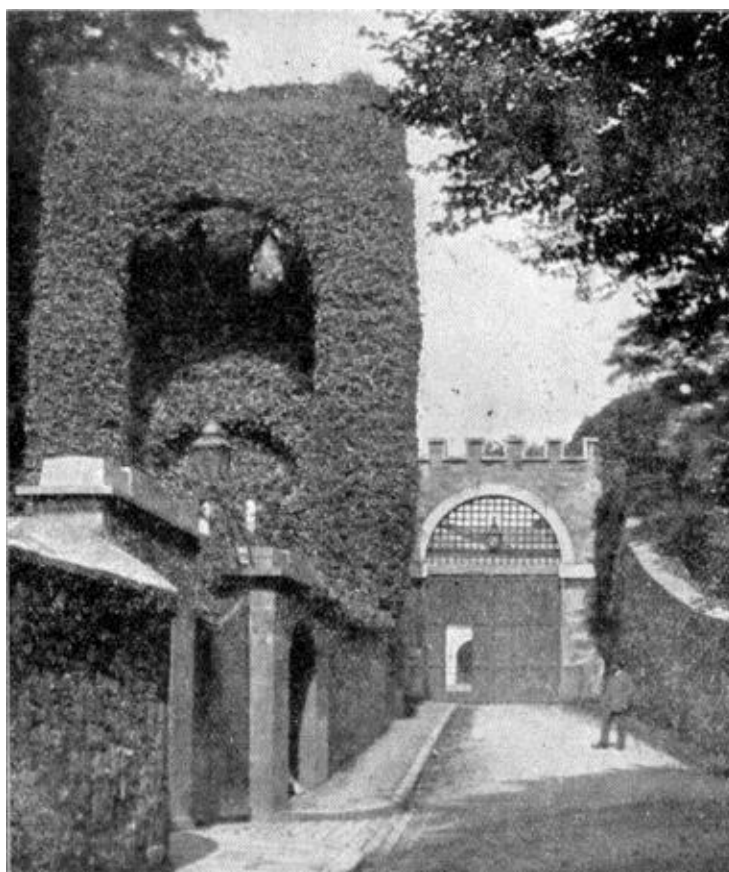
И назвал его Ружмон — с этого имени я и начал;

Потому что один ирландский бард сказал мне однажды,

Я недолго проживу после того, как увижу Ричмонд.

Замок значительно пострадал несколько лет спустя, когда Перкин Уорбек во главе своих корнуолльцев напал на город. Бой, похоже, был долгим и яростным. Северные ворота были сожжены, и как там, так и у Восточных ворот повстанцам временно сопутствовал успех. Но после того, как граф Девон и его свита пришли на помощь горожанам, мятежники были изгнаны и вынуждены были безуспешно пробиваться в Тонтон. Вскоре после этого прибыл Генри, приведя с собой Перкина Уорбека. Своим милосердием к мятежникам он вызвал настоящий энтузиазм, так что заключенные "отбросили свои поводья и закричали: " Боже, храни короля".

К тому времени, когда Карл I взойшел на трон, в замке уже были видны "зияющие щели и постаревшее лицо". Фэрфакс и его Круглоголовые довершили разрушение. Но не только война оставила здание таким, каким мы его сейчас видим. Все, что осталось, - это увитые плющом ворота. И все же с его вершины открывается прекрасный вид на окружающую местность, и легко понять, какое стратегическое значение, должно быть, имело обладание им в "давних битвах".

ЗАМОК РУЖМОН.

ЗДАНИЕ ГИЛЬДИИ, ЭКСЕТЕР.

Рука реформатора оказалась сильнее руки капитана-победителя. То, чего не смогли сделать предприимчивые граждане в мирное время. Примерно в 1770 году отцами города, повидимому, овладела нечестивая страсть к разрушению. Снесли не только дом графов Бедфорд, дом, полный исторических и величественных воспоминаний, но и почтенную крепость, привлекавшую внимание. Сначала исчезли ворота, затем часовня, позже дом кастеляна. На их месте гордо выросли новые суды присяжных, в высшей степени уродливые. Но даже тогда рвение реформаторов не было удовлетворено. "Десять лет спустя Восточные ворота с их двумя мощными боковыми башнями, возвышающимися над живописным домом по обе стороны от широкой и величественной арки в стиле тюдоров, пересекающей дорогу, статуя Генриха Седьмого, посвященная их восстановлению после осады Перкином Уорбеком, — ворота, унаследовавшие те, через которые прошел завоеватель, — все это погибло, к великому удовлетворению жителей Эксета того времени; ибо "из Сент-Сидуэлла открывался прекрасный вид на Хай-стрит, очень большое и необходимое улучшение". "Легко поделить профессора. Возмущение Фримена; к сожалению, не так легко убедить людей наших дней благожелательно относиться к древним памятникам, которые все еще остались нам.

Еще одним зданием, сыгравшим заметную роль в истории города, является **Ратуша Гилдхолла**, портик которой является столь приятным украшением Главной улицы. Здание представляет собой живописную смесь "английских окон и итальянских колонн", и профессор Фримен остроумно предполагает, что оно напоминает нам о смешении языков, характеризующих "большую часть юридического бизнеса, который велся в нем". Нынешнее

здание было построено в 1464 году, заменив одно из более ранних. В зале много картин, представляющих местный интерес, а также портреты сэра Питера Лели принцессы Генриетты, Анны, герцогини Орлеанской и генерала Монка работы сэра Питера Лели. Принцесса родилась в Эксетере, и портрет был подарен городу Карлом II после реставрации. Генерал Монк принадлежал к девонширской семье, резиденция которой находилась недалеко от Торрингтона. По-видимому, когда-то существовала гильдия или братство, связанное с часовней Святого Георгия, возведенной над залом примерно в последний год правления Ричарда III. В отчетах встречаются такие записи, как эта: "Principiae и другие для exequis и мессы, отслуженные в часовне Гилдхолла за упокой душ братьев и сестер братства Святого Георгия".

Когда Ричард III приближался к концу своего правления, крыша была укреплена пушкой, переданной в ведение Джона Крокера и десяти солдат. Странное совпадение, что часовня была построена именно в это время. Очевидно, мудрые горожане были полны решимости защищать свои интересы как здесь, так и в будущей жизни.

РАЗМЕРЫ.

Внутренняя длина	383 фута.
Неф, длина	140 футов.
" ширина (с проходами)	72 фута.
" высота	хора
Хор, длина	123 фута
Трансепт, длина	140 футов.
,Площадь	29 600 кв. Футов

Серия "Колокольный собор"

БАНГОР. Автор П.Б. АЙРОНСАЙД-БАКС.
БРИСТОЛЬ. МАССЕ, магистр искусств, 2-е издание.
КЕНТЕРБЕРИ. ХАРТЛИ УИЗЕРС. 9-е издание.
КАРЛАЙЛ. К.К. ЭЛИ. 2-е издание.
ЧЕСТЕР. ЧАРЛЬЗ ХАЙАТТ. 4-е издание.
ЧИЧЕСТЕР. Х.К. КОРЛЕТТ, A.R.I.V.A., 3-е издание.
ДАРЕМ. Дж.Э. БАЙГЕЙТ, A.R.C.A., 4-е издание.
ЭЛИ. Преподобный У.Д. СВИТИНГ, магистр 5-е издание.
ЭКСЕТЕР. ПЕРСИ АДДЛШОУ, бакалавр, 5-е издание, переработанное.
ГЛАЗГО. П. МАКГРЕГОР ЧАЛМЕРС.
ГЛОСТЕР. Х.Дж.Л.Дж. МАССЕ, магистр искусств, 6-е издание.
ХЕРЕФОРД. А. Хью ФИШЕР, A.R.E., 2-е издание, переработанное.
ЛИЧФИЛД. А.Б. КЛИФТОН. 3-е издание, переработанное.
ЛИНКОЛЬН. А.Ф. Кендрик, 5-е издание бакалавриата.
ЛЛАНДАФФ. Автор: Э.К. МОРГАН-УИЛМОТТ, A.R.I.V.A.
МАНЧЕСТЕР. Преподобный Т. ПЕРКИНС, M.A., F.R.A.S.
НОРВИЧ. К.Х.Б. КЕННЕЛЛ. 2-е издание, исправленное.
ОКСФОРД. Преподобный ПЕРСИ ДИРМЕР, магистр медицины, 2-е издание, исправленное.
ПИТЕРБОРО. Преподобный У.Д. СВИТИНГ, магистр 4-е издание, переработанное.
РИПОН. СЕСИЛ ХАЛЛЕТ, бакалавр 2-е издание.
РОЧЕСТЕР. Г. Х. ПАЛМЕР, B.A., 2-е издание, переработанное.
СЕНТ-ОЛБАНС. Преподобный Т. ПЕРКИНС, M.A.
СВЯТОЙ АСАФ. П.Б. АЙРОНСАЙД-БАКС.
ЦЕРКОВЬ СВЯТОГО ДАВИДА. ФИЛИП РОБСОН, A.R.I.V.A., 2-е издание.
СОБОР СВЯТОГО Патрика, ДУБЛИН. Преподобный епископ
ОССОРИЙСКИЙ, M.A., 2-е издание.
СОБОР СВЯТОГО Павла. Преподобный АРТУР ДАЙМОК, магистр
медицины, 5-е издание, переработанное.
СОЛСБЕРИ. ГЛИСОН УАЙТ. 6-е издание, переработанное.
САУТУОРК, СОБОР СВЯТОГО Спасителя. ДЖОРДЖ УОРЛИ.
САУТВЕЛЛ. Преподобный АРТУР ДАЙМОК, магистр медицины, 2-е издание, переработанное.
УЭЛЛС. Преподобный ПЕРСИ ДИРМЕР, магистр медицины, 6-е издание, переработанное.
ВИНЧЕСТЕР. П.У. СЕРЖАНТ. 4-е издание, исправленное.
ВУСТЕР. ЭДВАРД Ф. СТРЕЙНДЖ. 3-е издание.
ЙОРК. А. КЛАТТОН БРОК. 6-е издание.

Униформа из вышеуказанной серии.

БЕВЕРЛИ МИНСТЕР. ЧАРЛЬЗ ХАЙАТТ. 47 иллюстраций. 3-е издание.
ЦЕРКВИ КОВЕНТРИ. ФРЕДЕРИК У. ВУДХАУС.
ЦЕРКОВЬ СВЯТОГО Мартина, Кентербери. Автор: преподобный КЭНОН
РУТЛЕДЖ, М.А., F.S.A. 24 иллюстрации. 2-е издание.
Св. МЭРИ РЕДКЛИФФ. БРИСТОЛЬ. МАССЕ, магистр искусств *В прессе.*
СТРАТФОРД-НА-ЭЙВОНЕ. ГАРОЛЬД БЕЙКЕР, 2-е издание.
ЦЕРКОВЬ СВЯТОГО Варфоломея, СМИТФИЛД. ДЖОРДЖ УОРЛИ.
АББАТСТВО ТЬЮКСБЕРИ И МОНАСТЫРЬ ДИРХЕРСТ. Автор: Х.Дж.Л.Дж.
МАССЕ, М.А. 44 иллюстрации. 4-е издание.
ВЕСТМИНСТЕРСКОЕ АББАТСТВО. Чарльз ХАЙАТТ. 4-е издание.
МОНАСТЫРЬ МАЛВЕРН. ПРЕПОДОБНЫЙ. ЭНТОНИ ДИН.

Справочники Белла для континентальных церквей.

Богато иллюстрированные. Корона 8во, ткань, по 3с. нетто каждая.

ШАРТР: Кафедральный собор и другие церкви. МАССЕ, магистр искусств
РУАН: Кафедральный собор и другие церкви. Преподобный Т. ПЕРКИНС,
магистр медицины
АМЬЕНА. Преподобный Т. ПЕРКИНС, М.А., F.R.A. S.
МОН-СЕН-МИШЕЛЬ. Х.Ж. Л.Ж. МАССЕ, магистр медицины
БАЙЕ. Преподобный Р.С. МИЛН, магистр медицины

ЛОНДОН: G. BELL AND SONS, LTD.

NORTH

From Britton's "Antiquities of Exeter."

А. Б. Западные двери.

C. Heφ.

Д. Д. Проходы в нефе.

Е. Часовня Святого Эдмунда.

Ф.Северное крыльцо

Г.Северный трансепт (башня Святого Павла).

Н. Часовня святого Иоанна Крестителя.

І.Ризниця каноника.

Дж. Хор.

К.К. Проходы между хорами.

Церковь Л.Сайка.

М. Часовня Святого Иакова.

Н. Часовня Святого Георгия (часовня Спика).

О. Часовня Святого Спасителя (часовня епископа Олдхэма).

П. Часовня Богоматери.

Q. Часовня Святой Марии Магдалины.

Р. Часовня Святого Гавриила.

Т. Южный трансепт (башня Святого Петра).

U. Часовня Святого Духа.

V. Здание капитула.

Y. Часовня Святого Павла (Северный трансепт).

Z. Часовня Святой Радегунды.

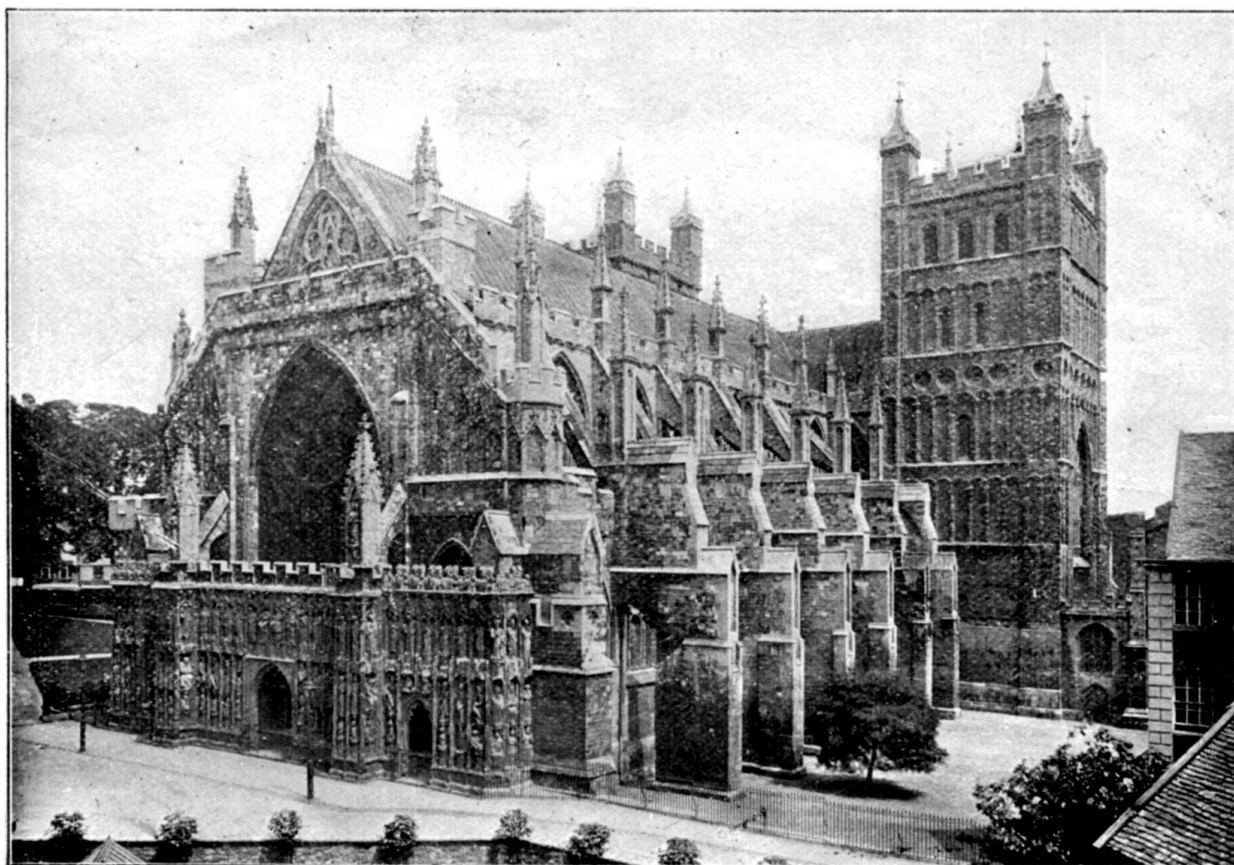
Сноски.

[1](#) "Эксетер" (серия "Исторические города"), профессор Э. А. Фримен (Лонгманс).

[2](#) "Улисс" Теннисона.

[3](#) "История архитектуры Эксетерского собора", автор Филип Фримен, архидьякон и каноник Эксетера (Белл), 1888.

[4](#) Ричард Кларк Сьюэлл, 1825, Колледж Магдалины.

The Photochrom, Co. Ltd. Photo.

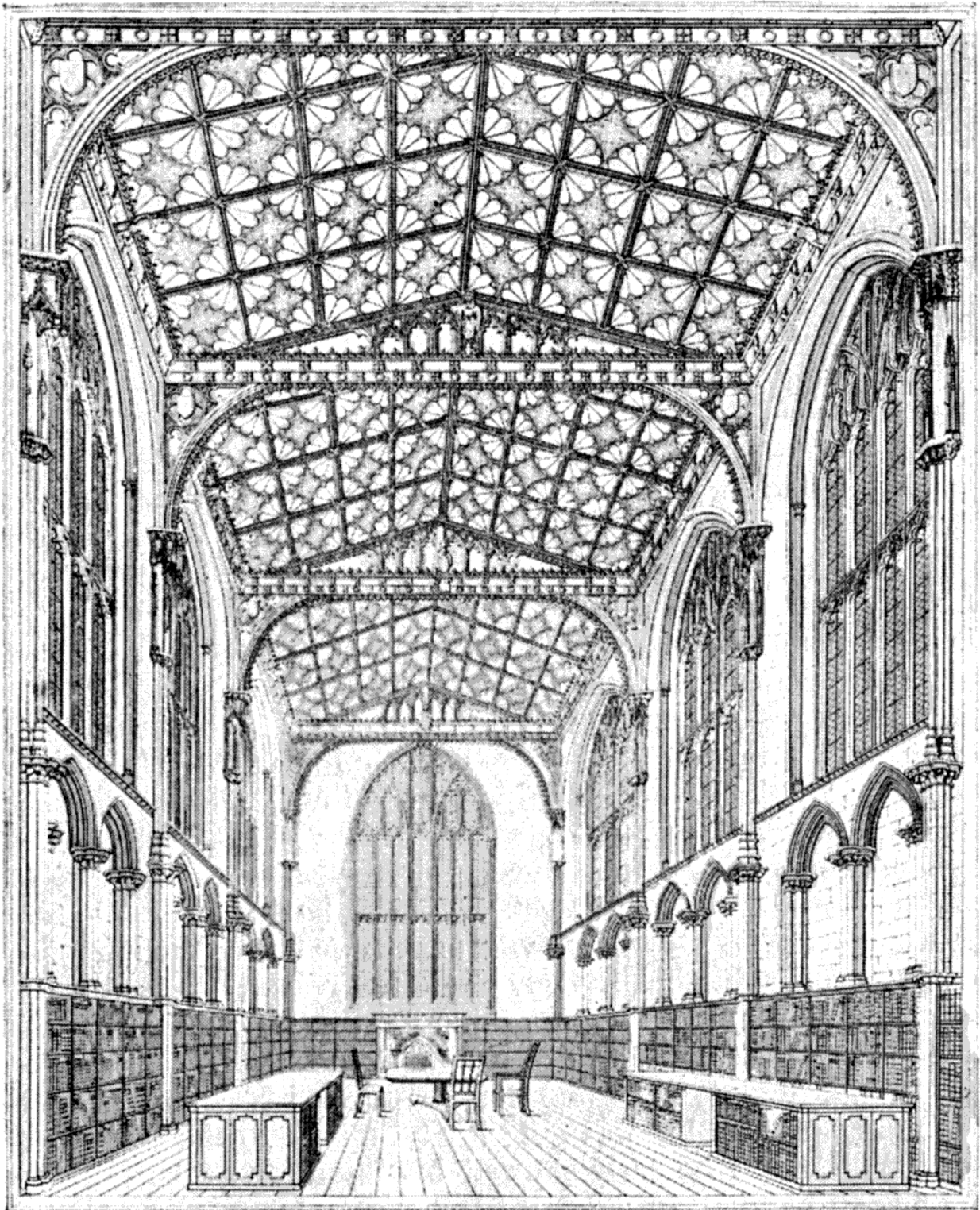
EXETER CATHEDRAL—FROM THE SOUTH-WEST.

[back](#)

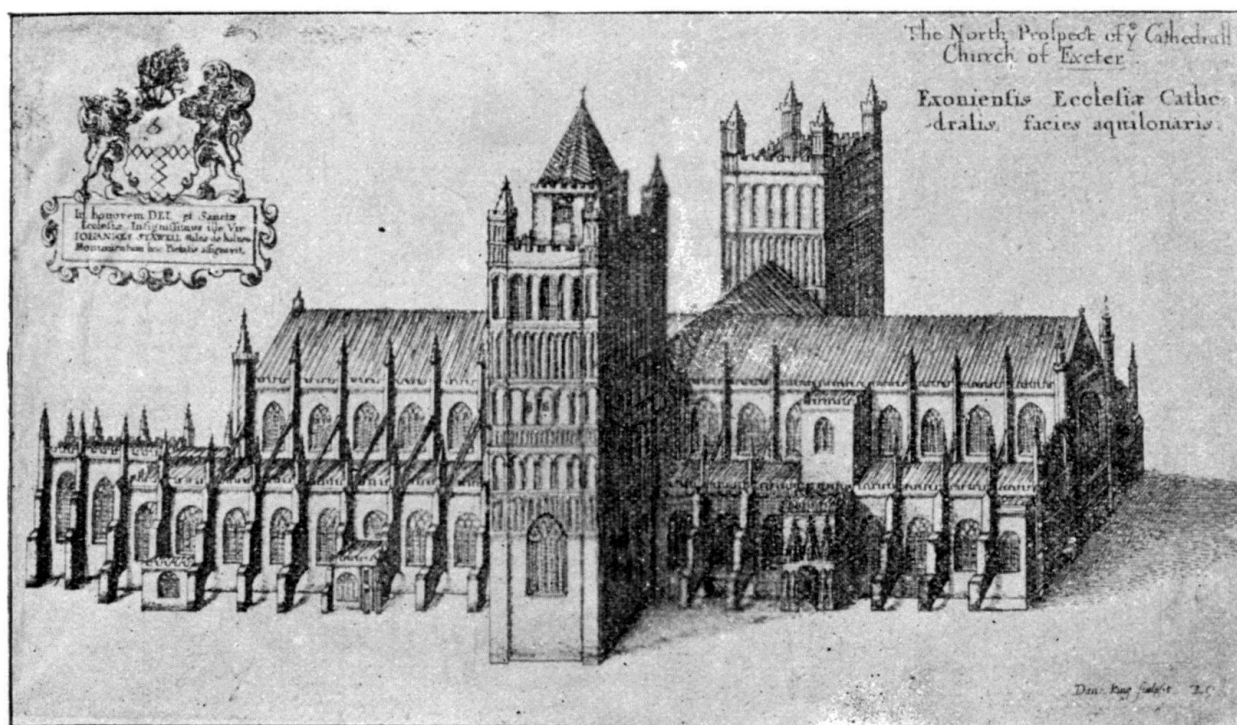
EXETER CATHEDRAL, FROM THE SOUTH.

[back](#)

THE CHAPTER HOUSE (FROM BRITTON'S "EXETER," 1826).

[back](#)

EXETER CATHEDRAL, FROM AN ENGRAVING BY DANIEL KING, c. 1650.

[back](#)

The Photochrom. Co. Photo.

THE CATHEDRAL—FROM THE SOUTH-EAST.

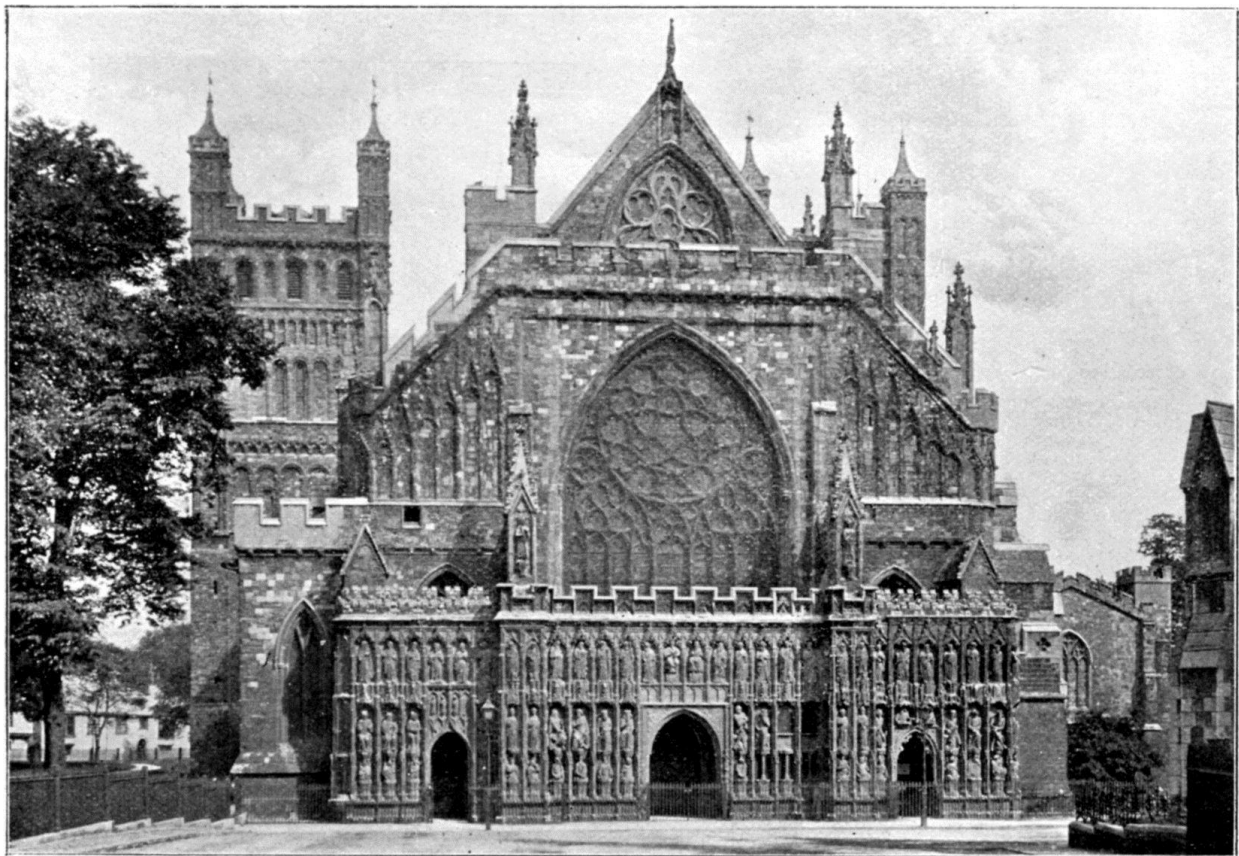
[back](#)

The Photochrom Co. Photo.

THE NORTHERN TOWER.

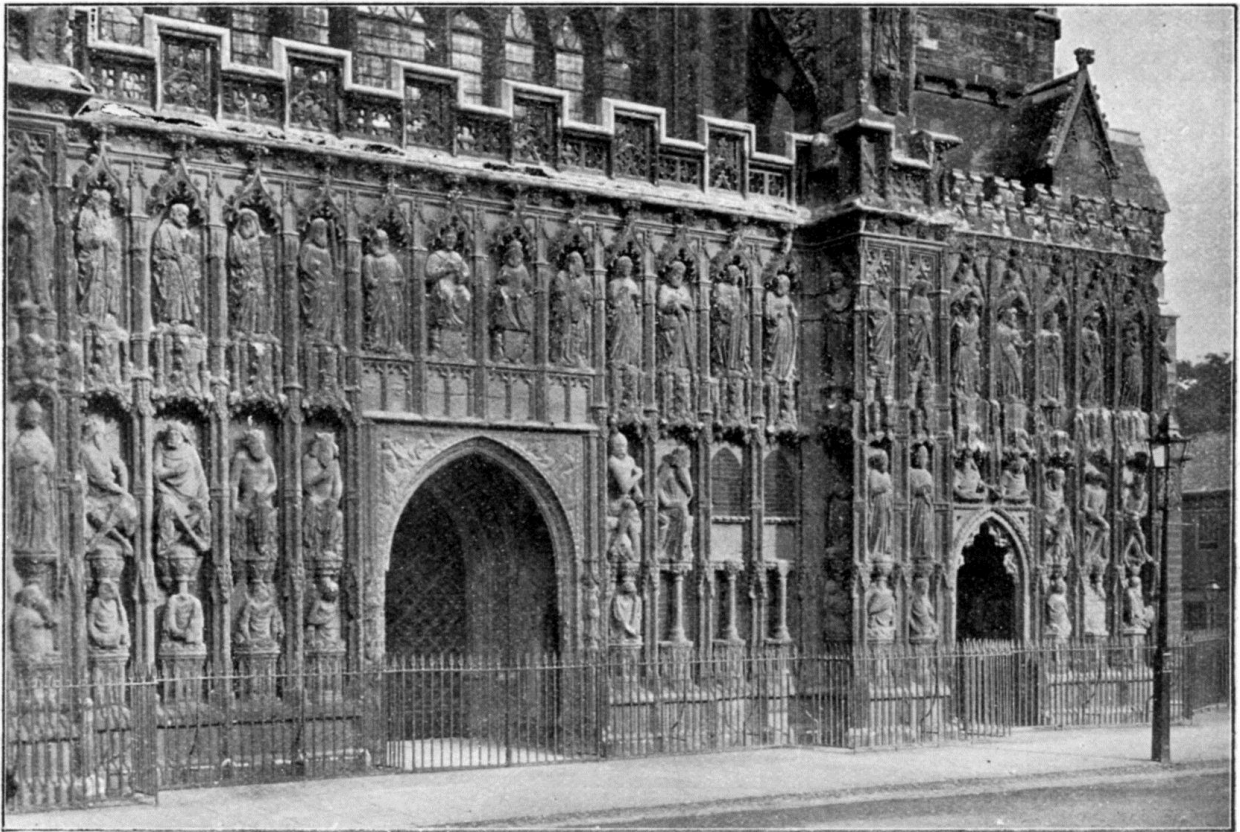
[back](#)

The Photochrom, Co. Photo.

EXETER CATHEDRAL—THE WEST FRONT.

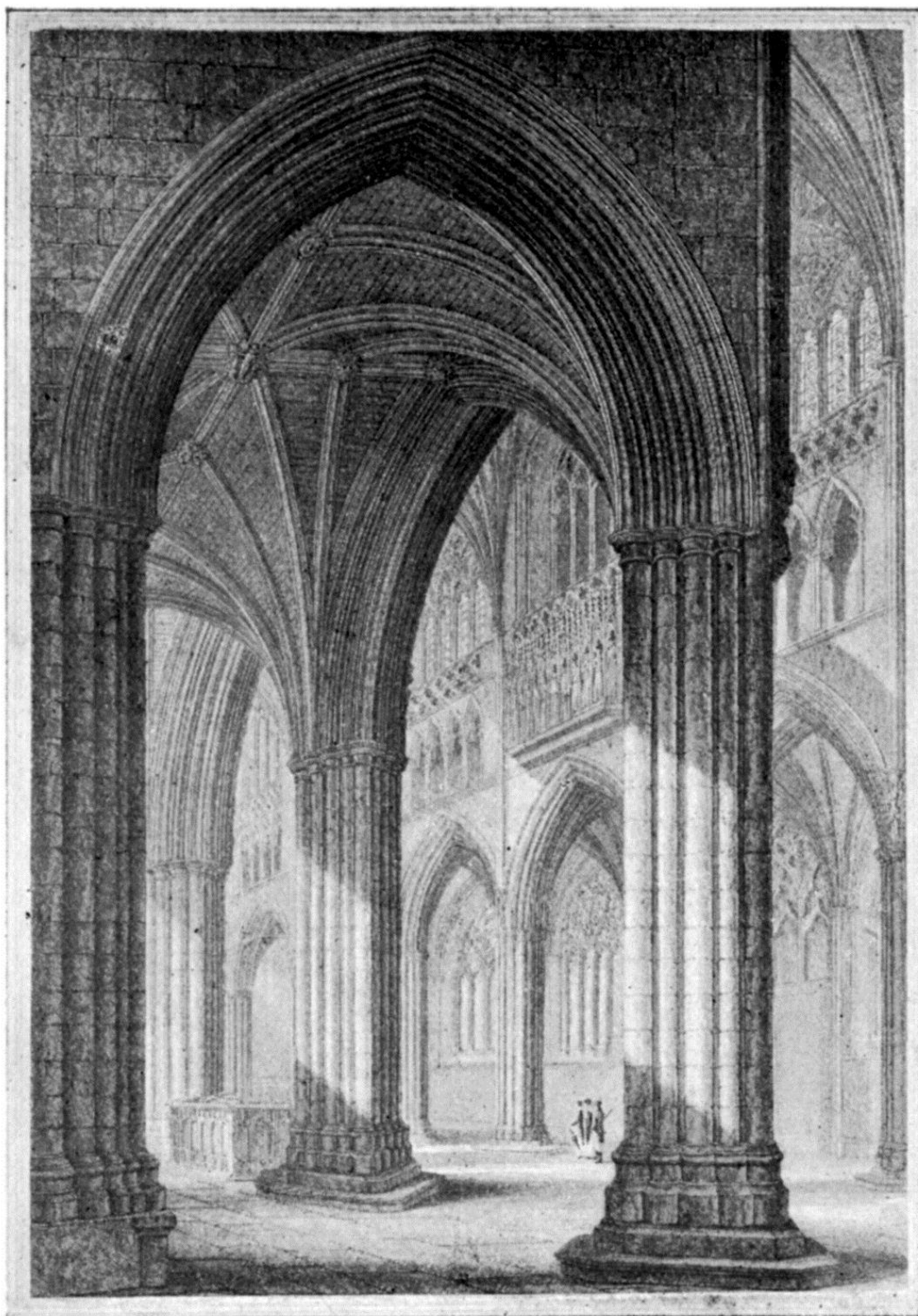
[back](#)

The Photochrom, Co. Photo.

PORTALS OF WEST FRONT.

[back](#)

THE NAVE, FROM THE SOUTH TRANSEPT (FROM BRITTON'S
"EXETER," 1826).

[back](#)

The Phot:chrom Co. Photo.

THE NAVE, LOOKING WEST.

[back](#)

1, 2

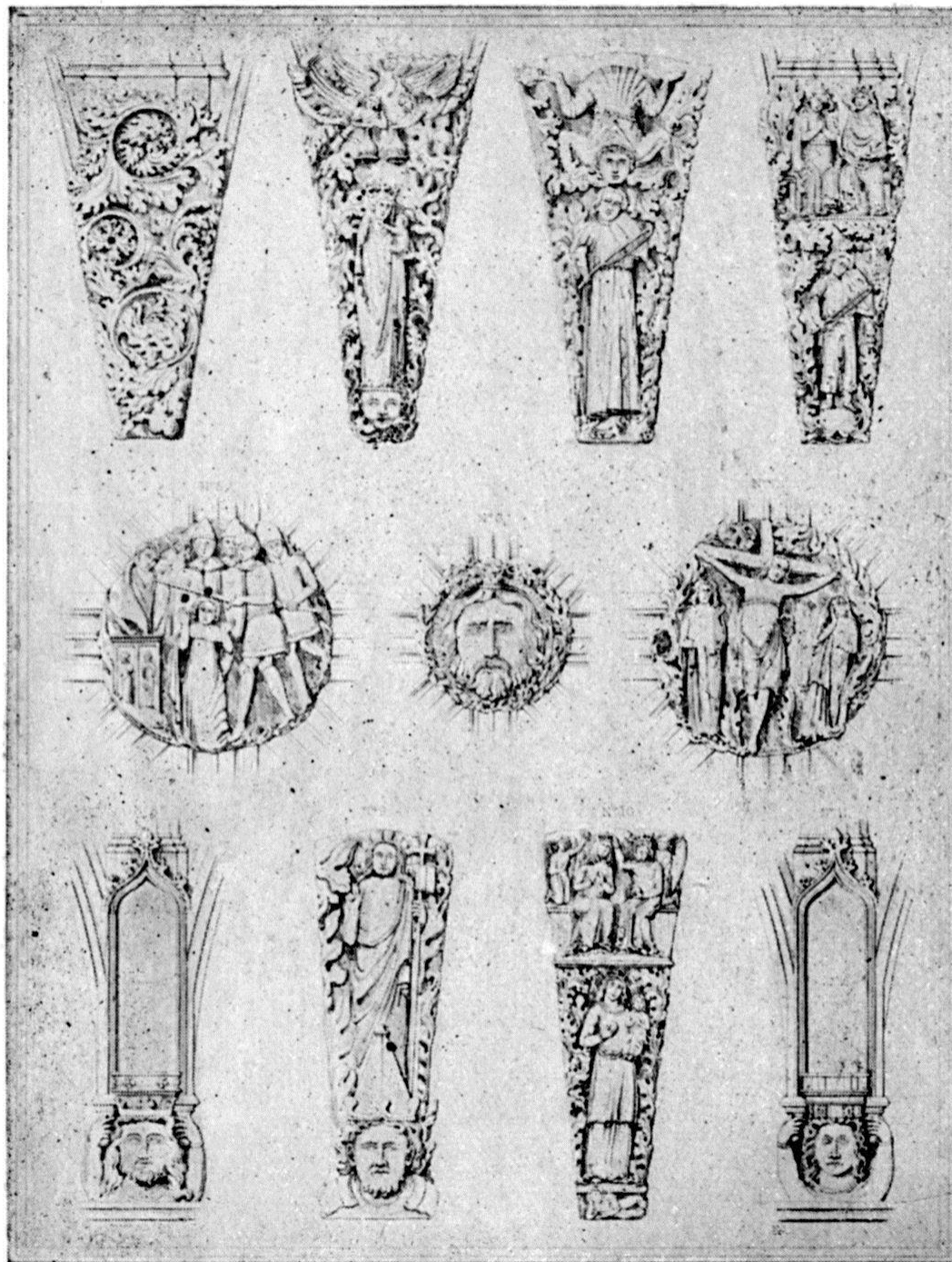
3, 4

5

6, 7

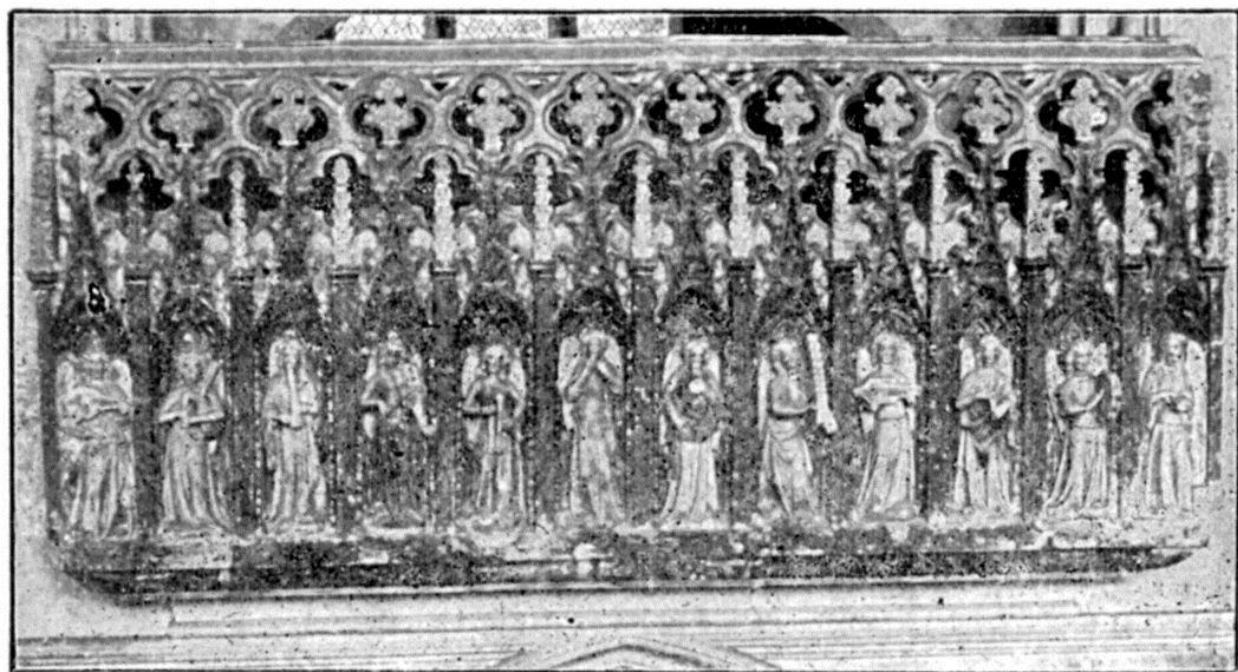
8, 9

10,

CORBELS AND BOSSES (FROM BRITTON'S "EXETER," 1826).

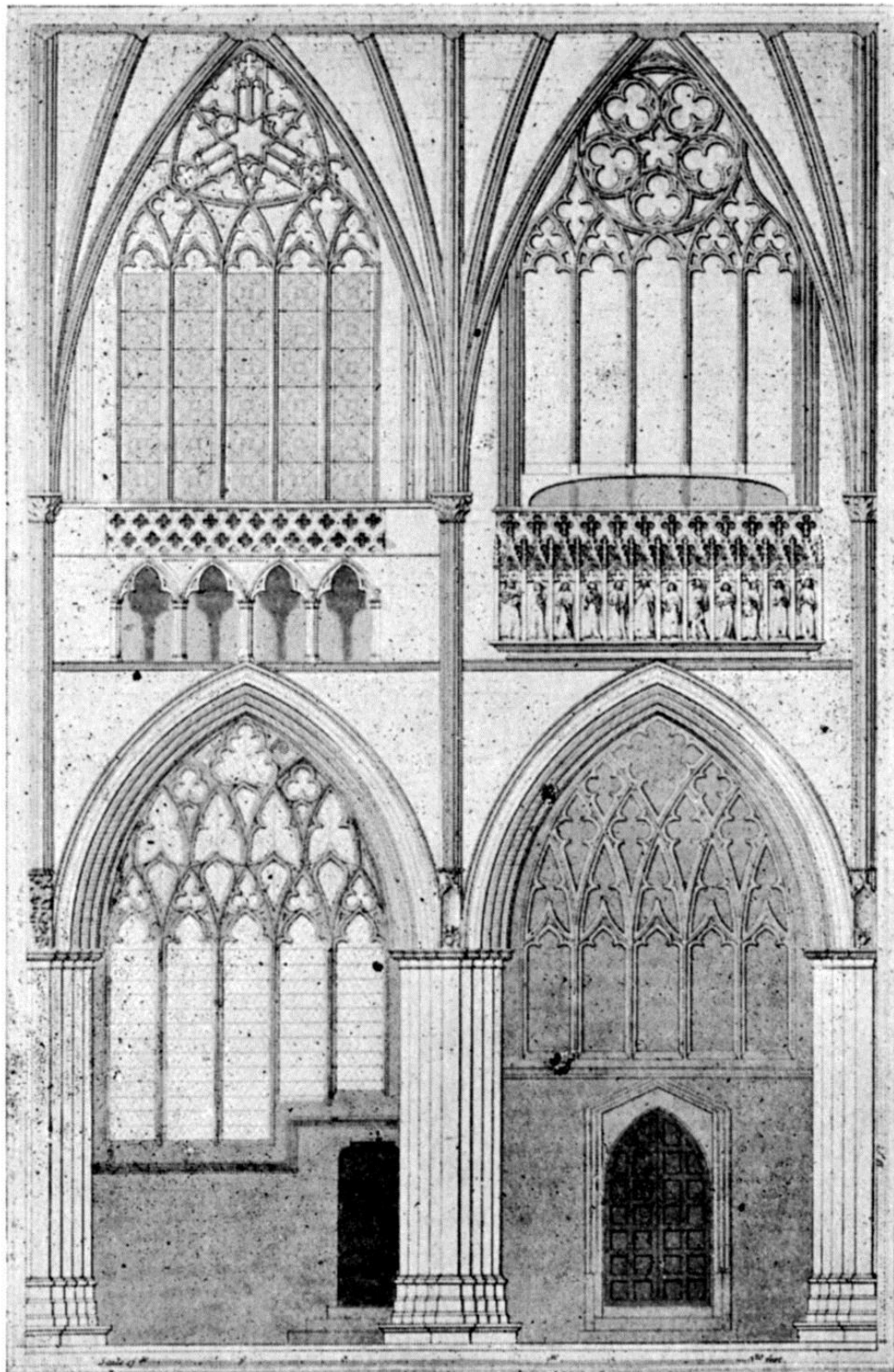
[back](#)

The Photochrom Co. Photo.

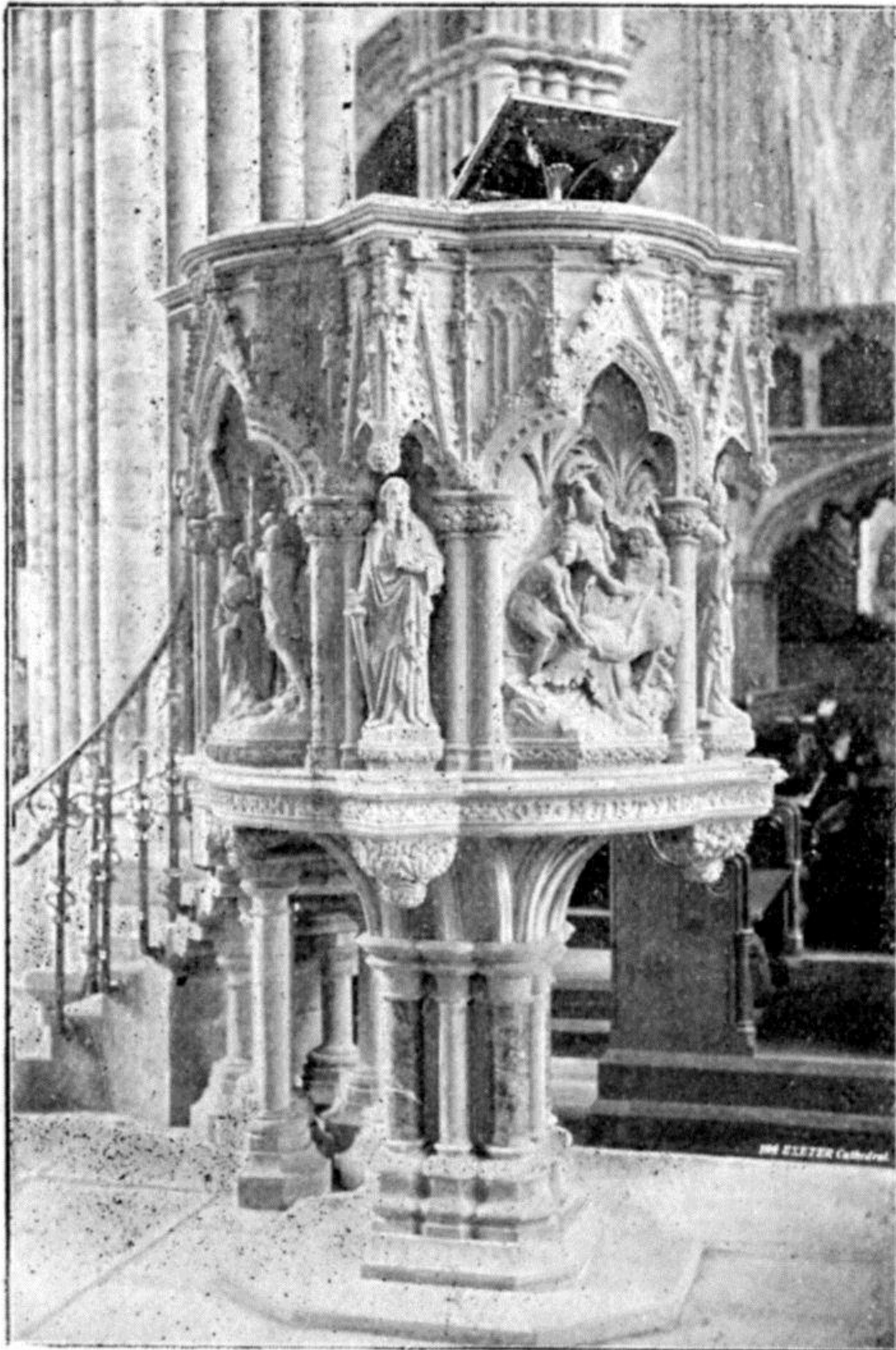
THE MINSTRELS' GALLERY.

[back](#)

BAYS OF NAVE, WITH THE MINSTRELS' GALLERY (FROM BRITTON'S
"EXETER," 1826).

[back](#)

The Photochrom. Co. Photo.

THE "PATTESON" PULPIT.

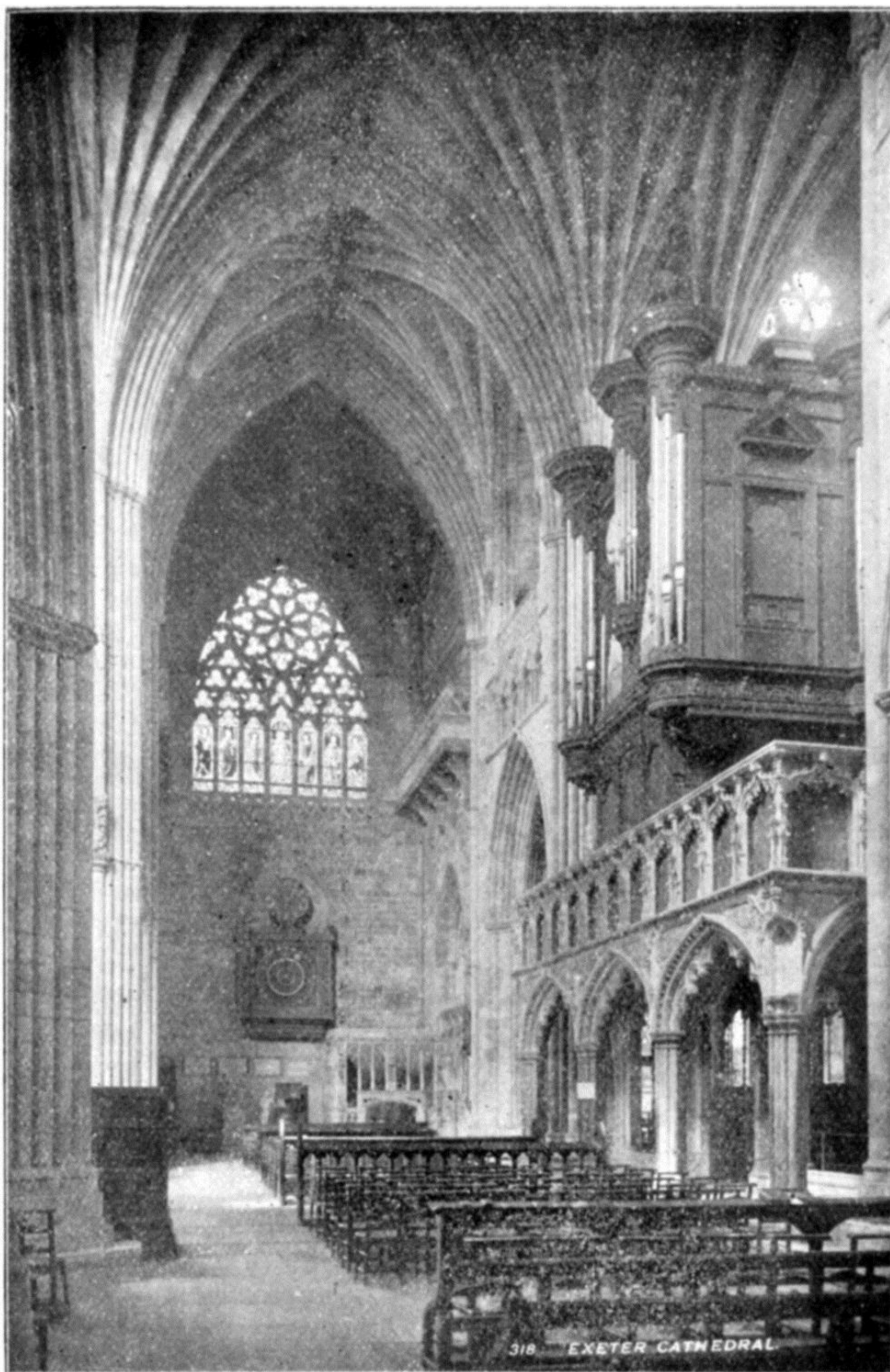
[back](#)

The Photochrom. Co. Photo.

THE NAVE, LOOKING EAST.

[back](#)

The Photochrom. Co. Photo.

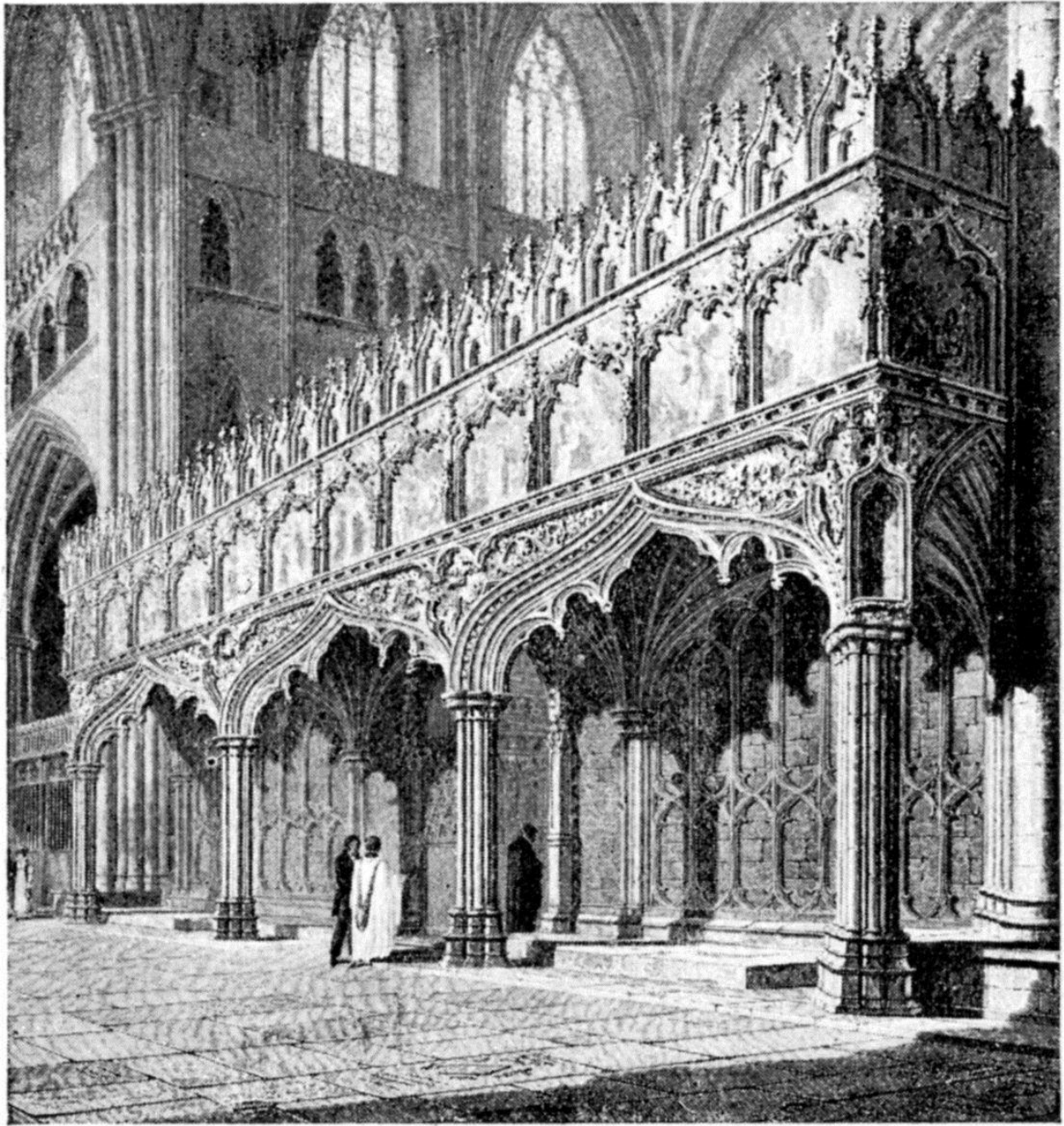
THE TRANSEPT, NORTH, SHOWING THE ORGAN AND CLOCK.

[back](#)

INTERIOR OF THE NAVE IN THE LAST CENTURY (FROM A PRINT IN THE BRITISH MUSEUM).

[back](#)

CHOIR SCREEN, LOOKING N.E. (FROM BRITTON'S "EXETER," 1826).

[back](#)

The Photochrom, Co. Photo.

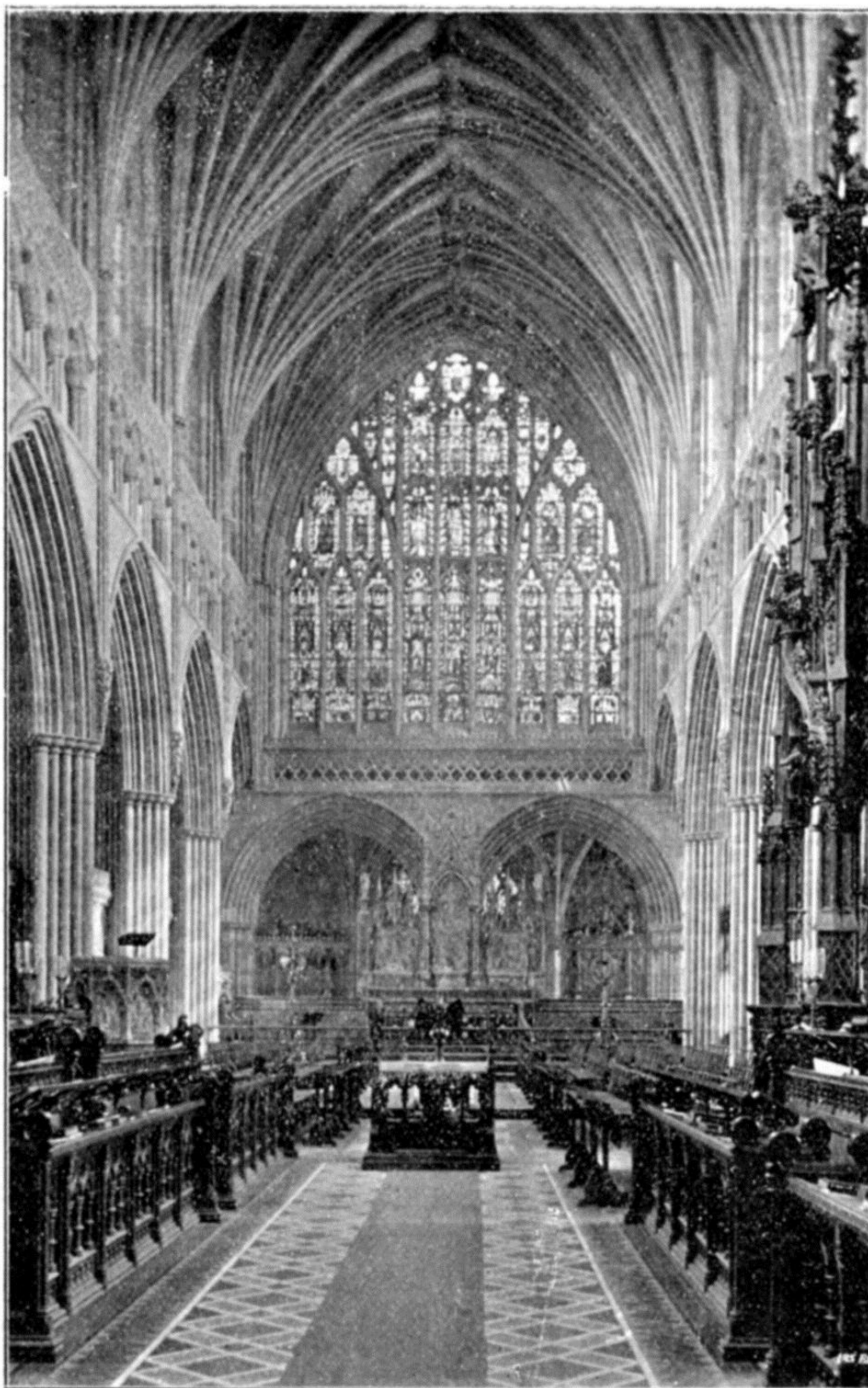
THE CHOIR, LOOKING WEST.

[back](#)

THE CHOIR BEFORE RESTORATION (FROM AN ENGRAVING AFTER CHARLES WILD).

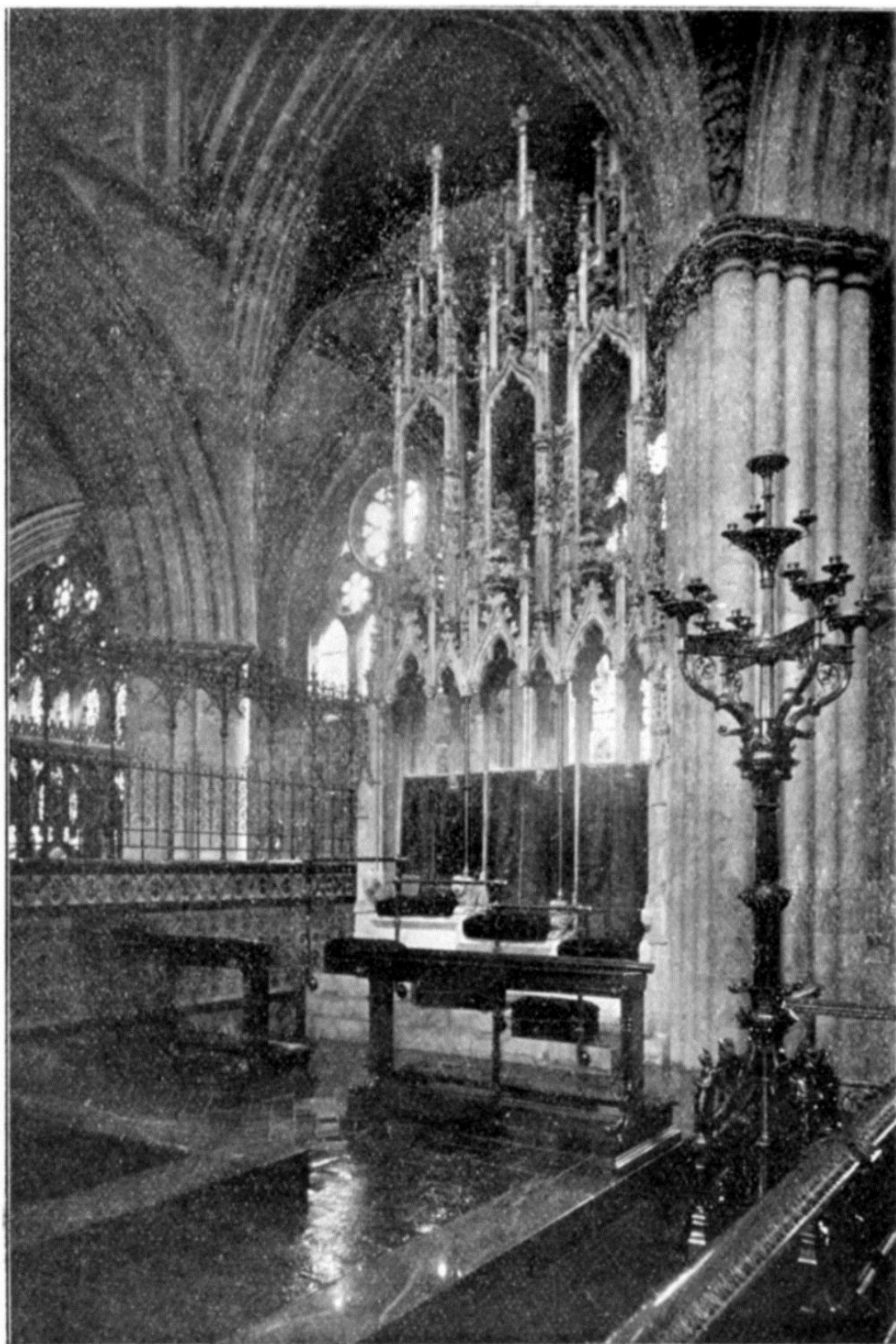
[back](#)

The Photochrom. Co. Photo

THE CHOIR, LOOKING EAST.

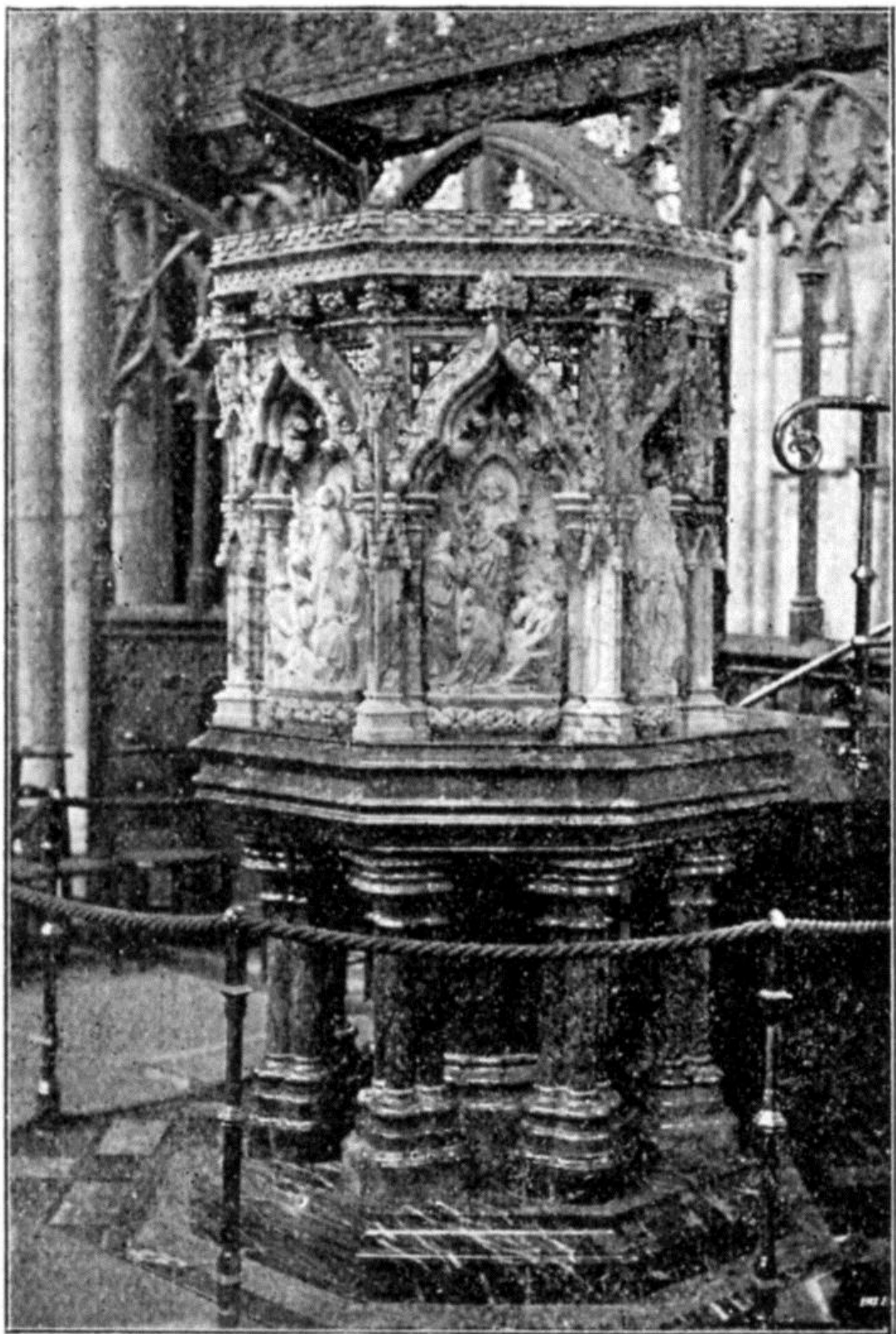
[back](#)

The Photochrom. Co. Photo

SEDILIA IN THE CHOIR.

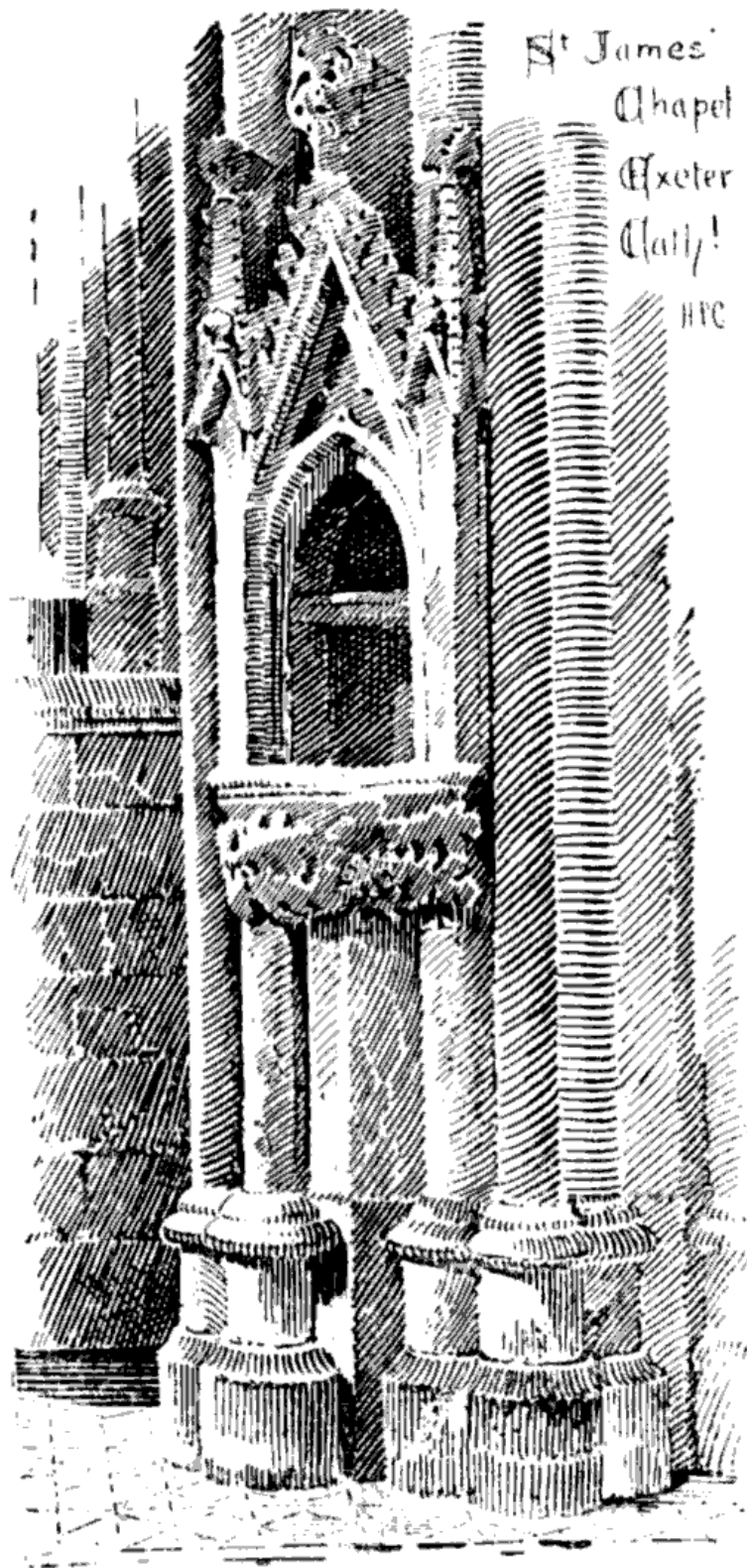
[back](#)

The Photo-chrom. Co. Photo.

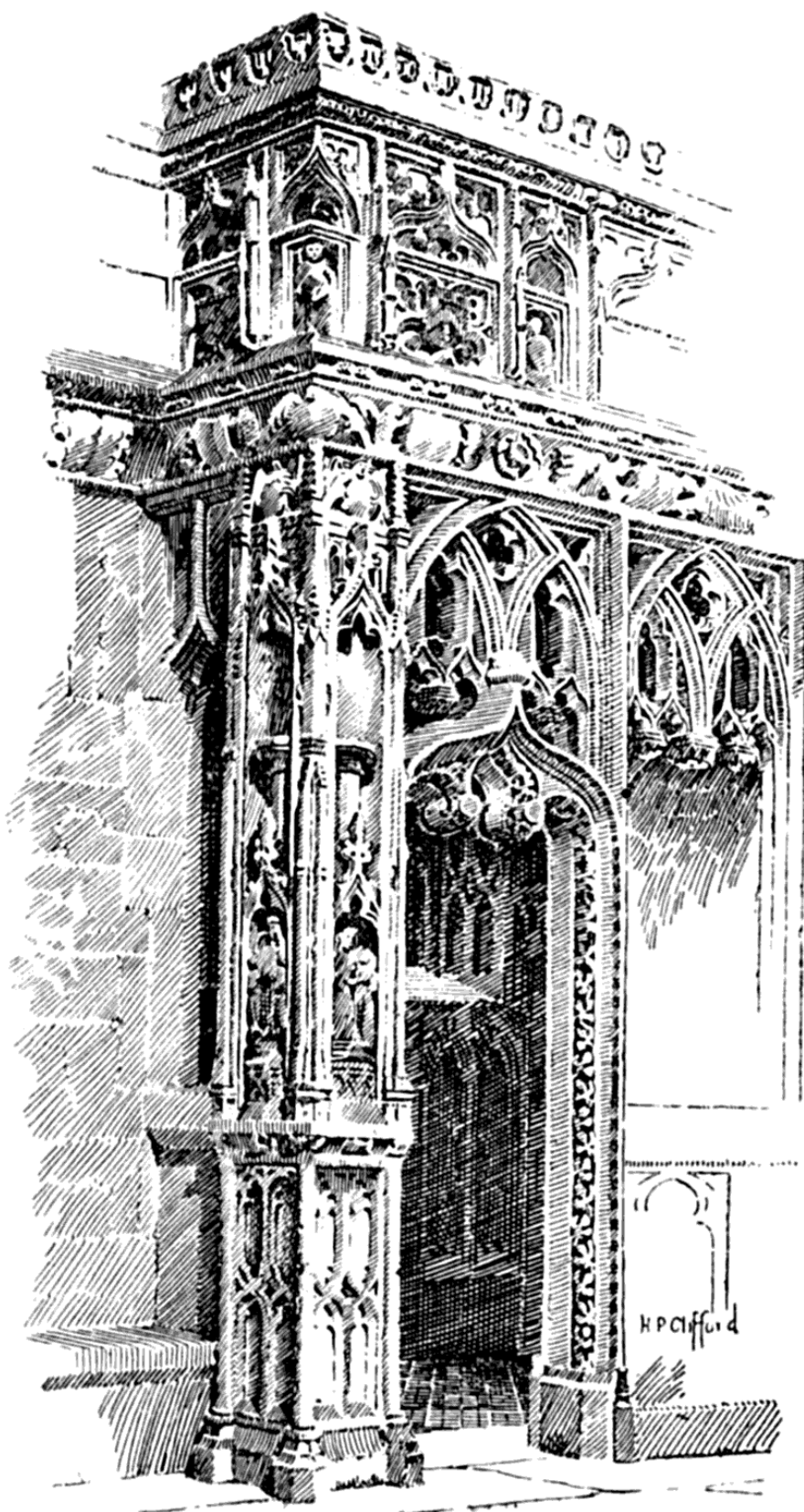
PULPIT IN THE CHOIR.

[back](#)

ST. JAMES' CHAPEL (DRAWN BY
H. P. CLIFFORD).

[back](#)

ST. GEORGE'S CHAPEL (OR SPEKE'S CHANTRY). DRAWN BY H. P. CLIFFORD.

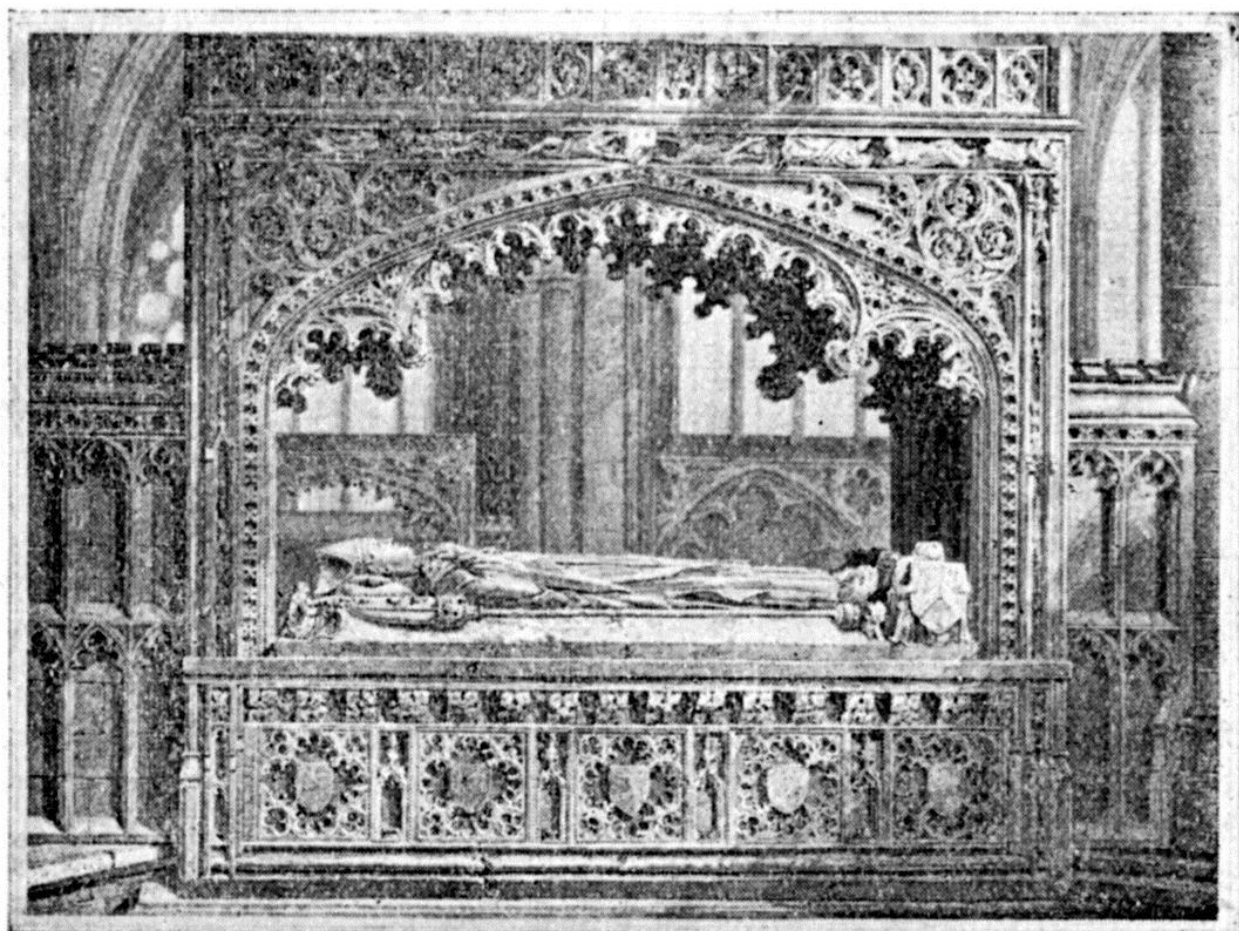
[back](#)

The Photochrom. Co. Photo.

THE LADY CHAPEL.

[back](#)

BISHOP BRONSCOMBE'S MONUMENT (FROM BRITTON'S "EXETER," 1826).

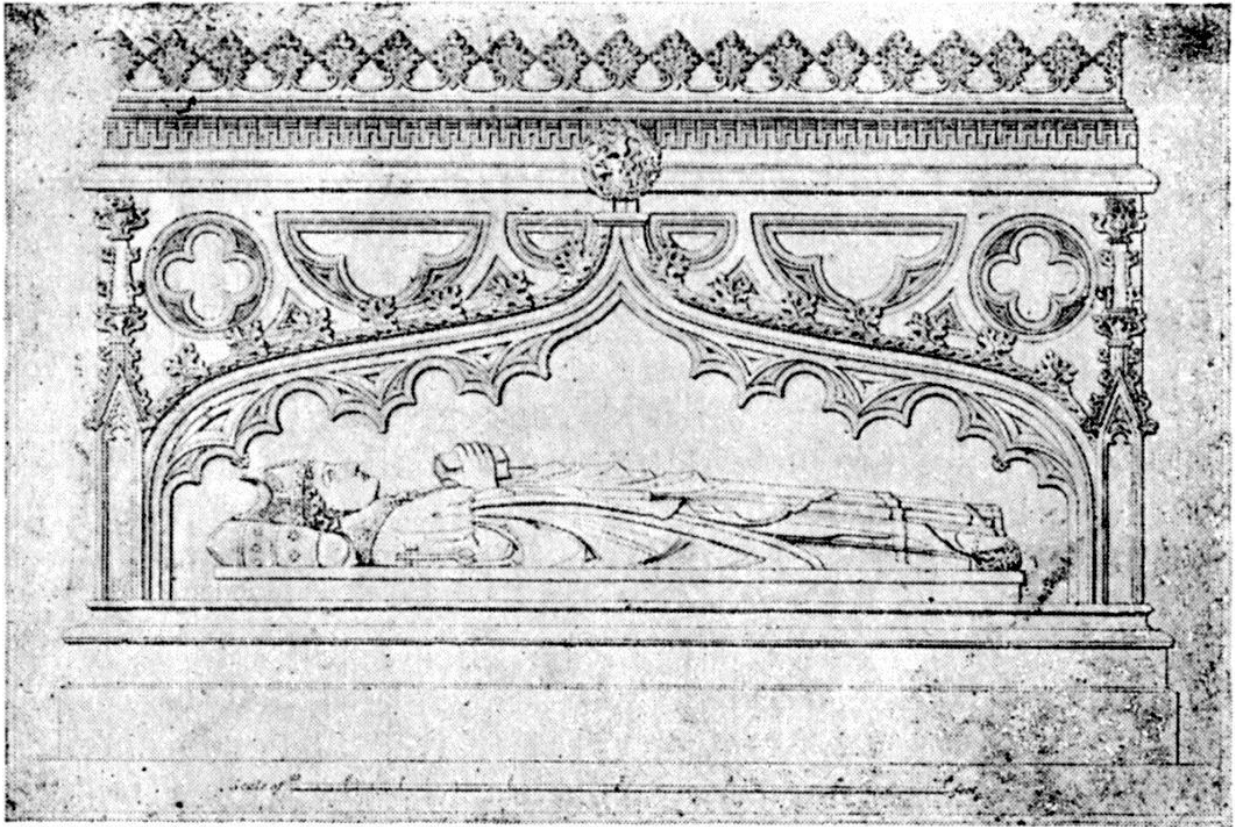
[back](#)

The Photochrom. Co. Photo.

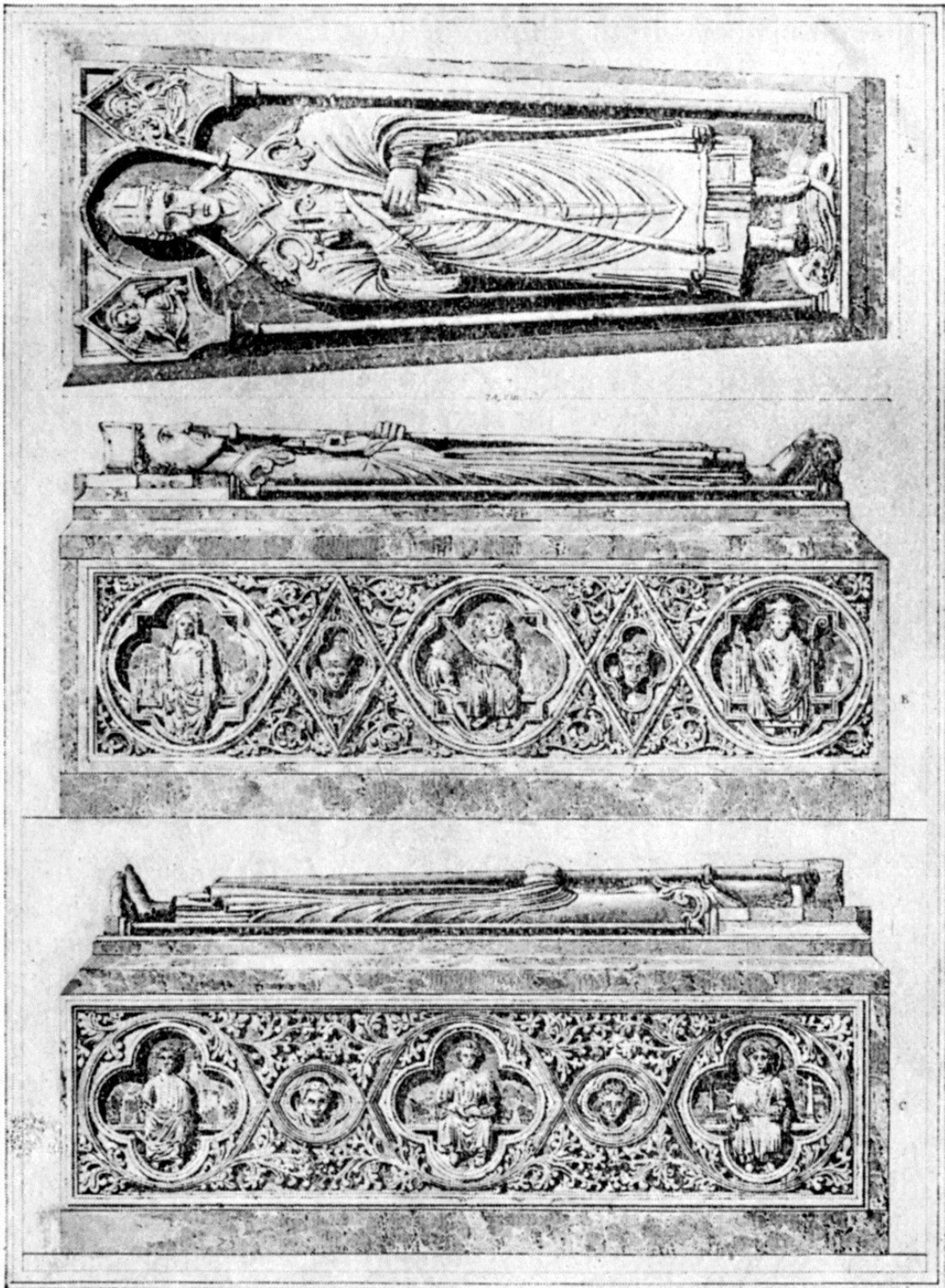
SCREEN OF ST. GABRIEL'S CHAPEL.

[back](#)

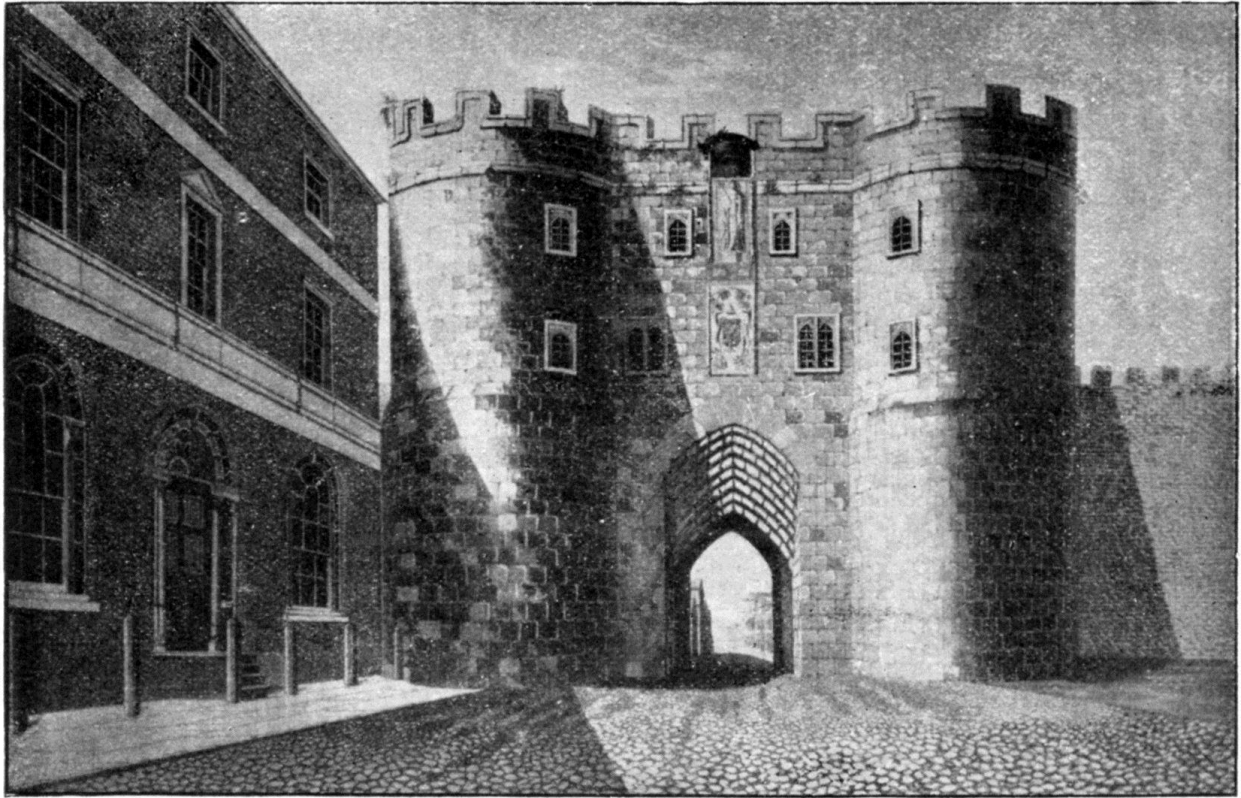
TOMB OF BISHOP STAPLEDON.

[back](#)

MONUMENT OF BISHOP MARSHALL (FROM BRITTON'S "EXETER," 1826).

[back](#)

THE EAST GATE, PULLED DOWN IN 1784.

[back](#)

Alfred Pumphrey Photo.

THE BISHOP'S PALACE.

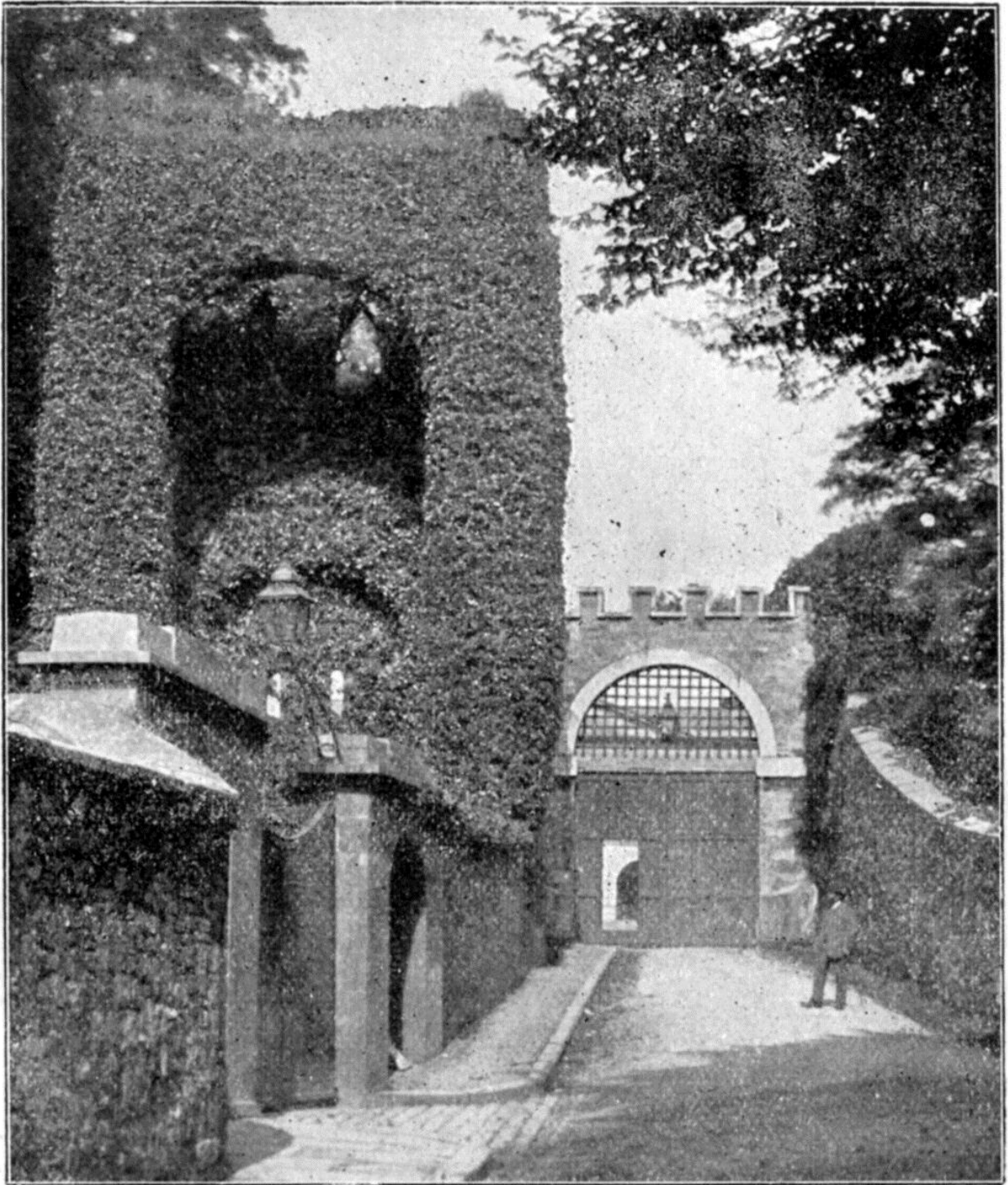
[back](#)

A. Pumphrey Photo.

OLD HOUSES IN FORE STREET.

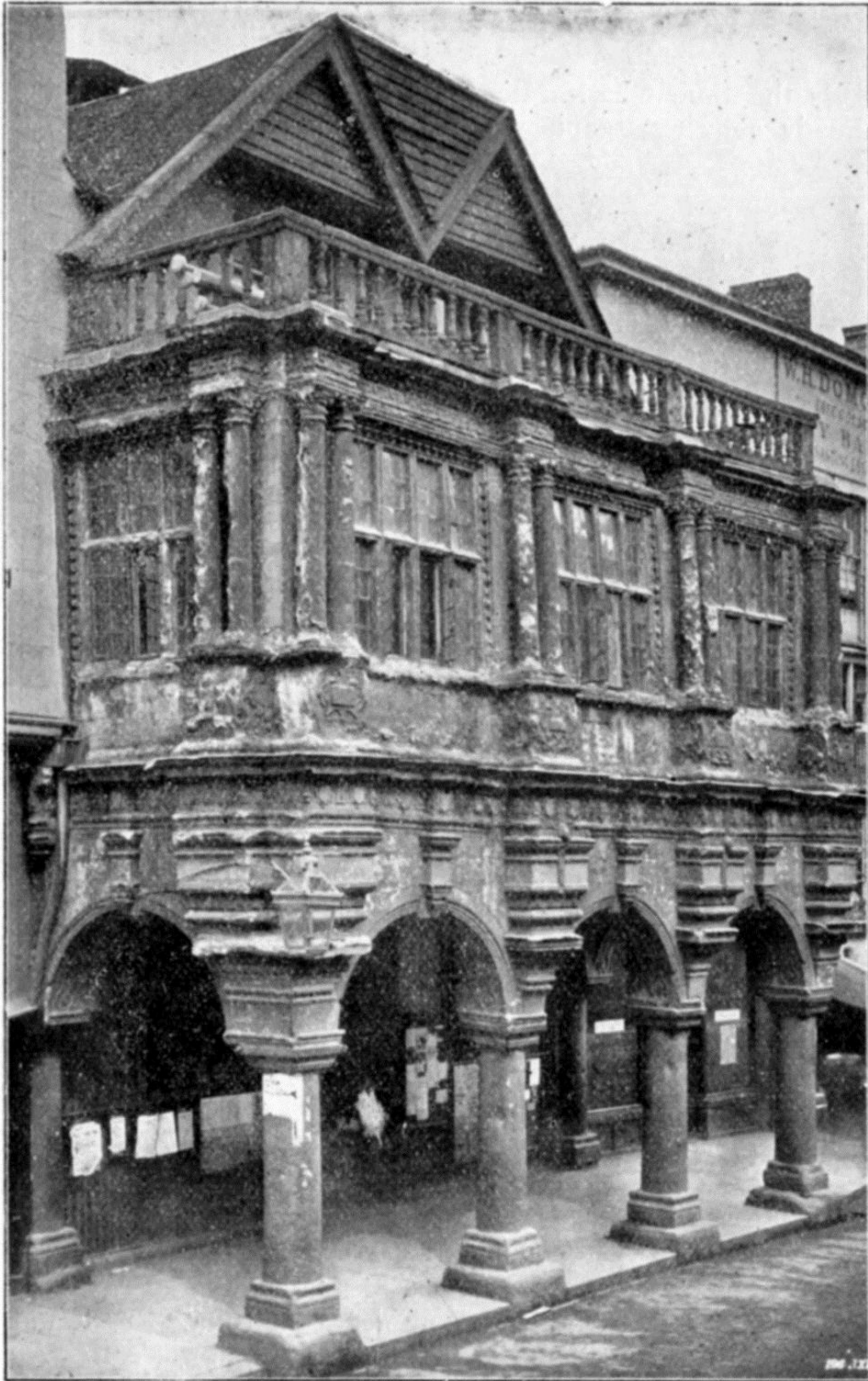
[back](#)

Photochrom. Co. Ltd. Photo.

ROUGEMONT CASTLE.

[back](#)

The Photochrom. Co. Photo.

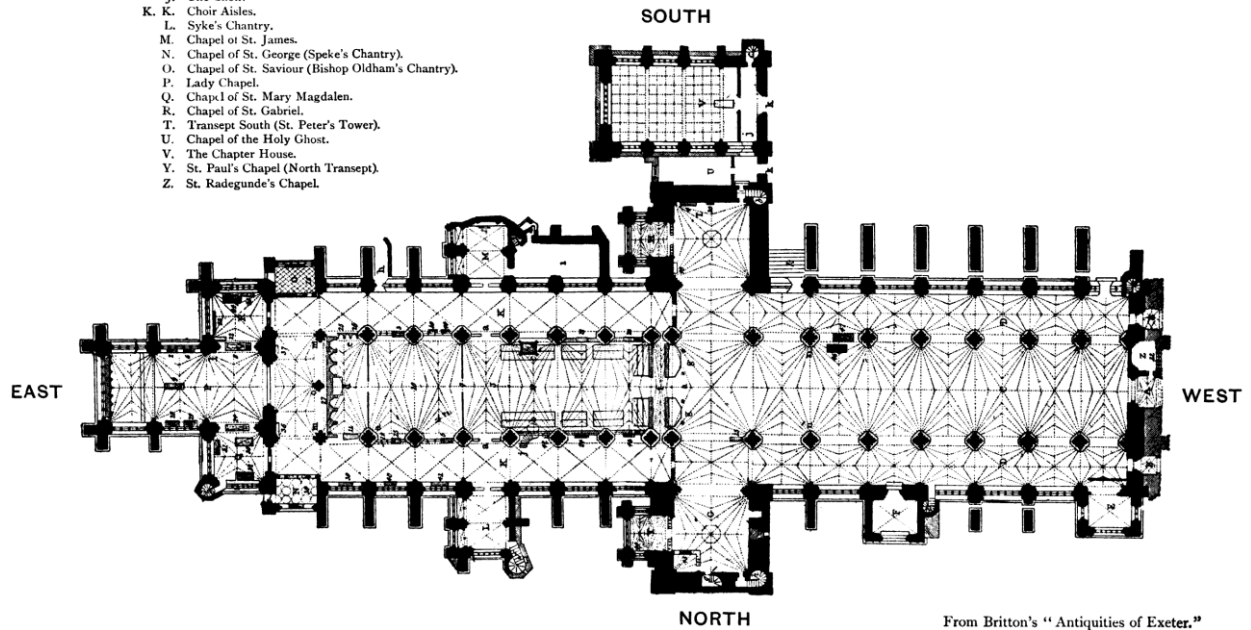
THE GUILDHALL, EXETER.

[back](#)

REFERENCES TO PLAN.

- A. B. West Doors.
- C. The Nave.
- D. Nave Aisles.
- E. Chapel of St. Edmund.
- F. North Porch
- G. Transept North (St. Paul's Tower).
- H. Chapel of St. John the Baptist.
- I. Canon's Vestry.
- J. The Choir.
- K. Choir Aisles.
- L. Syke's Chantry.
- M. Chapel of St. James.
- N. Chapel of St. George (Speke's Chantry).
- O. Chapel of St. Saviour (Bishop Oldham's Chantry).
- P. Lady Chapel.
- Q. Chapel of St. Mary Magdalen.
- R. Chapel of St. Gabriel.
- T. Transept South (St. Peter's Tower).
- U. Chapel of the Holy Ghost.
- V. The Chapter House.
- Y. St. Paul's Chapel (North Transept).
- Z. St. Radegunde's Chapel.

PLAN OF EXETER CATHEDRAL

From Britton's "Antiquities of Exeter."

[back](#)